

# Николай Васильев



# ПОСЛЕДНИЙ ИНТЕГРАТОР

Есть авзаны, и есть кханды. Авзаны — угнетатели. Кханды — угнетаемые. Среди авзанов есть те, кто хочет покончить с угнетением кхандов. Они называют себя интеграторы. Есть противники интеграторов — дифференциаторы. Главный герой живёт в крупном провинциальном городе. Он вступает в ряды интеграторов. Он — студент. Он — интегратор. Он — энтузиаст. Впереди у него — жизнь, полная открытий и перемен.

Жанр: социальная фантастика с элементами технофэнтези.

---

---

**Васильев Николай**  
**ПОСЛЕДНИЙ ИНТЕГРАТОР**  
**Повесть о кхандах и авзанах**

*Чтобы добиться от человечества немногого, следует  
требовать от него побольше.*

*Э. Ренан (пер. Е. Святловского)*

Вокруг темнота.

Не могу шевельнуться, как будто привязан к стене. Чувствую мягкую стену. Верёвки, такие же мягкие, тянутся — не отпускают. Стена не имеет пределов, огромная, тёплая.

Тянусь в темноту, от стены, чтобы вырваться. Боль пронзает всё тело. Кожа спины, головы и рук натягивается.

Не стена, а какое-то тело, огромное тело, живой организм. Организм, который колышется, дышит. С трудом оборачиваюсь. Да, моё тело — лишь часть организма, огромного тела. Кожа моя — продолжение кожи его, организма. Вены мои — продолжение вен организма.

Здесь не только одно моё тело. Здесь десятки, сотни и тысячи тел. Все тела — и моё — составляют один организм.

Это масса живых, шевелящихся тел. Шевелится тело — другое шевелится тоже. Воздух, вдыхаемый телом, другие тела потребляют. Сердце качает кровь, и она переходит из тела в другие тела. То, что доступно слуху и зрению, слышат и видят другие тела.

Чужие тела. Чужие ли? Нет, они тоже мои. Мы все — единое тело, один организм.

Не только вижу и слышу, что видят и слышат другие тела, но и думаю так же, как все.

Расслабляюсь, как будто всю жизнь только к тому и стремился. Искал уютное место, возможность не думать, не говорить, не выбирать. Думать, и говорить, и выбирать будет теперь организм. Организм, этот шар, состоящий из множества тел.

Вот различаю тела. Вижу — тела не привязаны к шару. Кто-то куда-то идёт. Кто-то кладёт кирпичи и строит дома. Кто-то стоит у плиты и варит обед. Кто-то играет с ребёнком. Кто-то гуляет с собакой. Кто-то беседует. Каждое тело — отдельно. И вместе они — организм, этот шар.

Не вижу противоречия. Все эти люди заняты собственным делом и остаются лишь частью этого шара. Как и я. Вот я куда-то иду, поднимаюсь по лестнице, с кем-то встречаюсь, прощаюсь. В то же самое время я — часть этого шара. Одновременно. Это правильно, это приятно.

«Нет!» — раздаётся голос.

Чей это голос — мне неизвестно.

«Сопrotивляйся!»

Но что я могу, кусочек огромного тела? Снова тянусь в темноту, от стены. Хватаюсь руками за голову, пытаюсь её оторвать от этого шара. Кажется, если смогу оторвать лишь голову, то окажусь на свободе. Боль — всё равно, что пытаться себе оторвать палец, нос или ухо. Эти попытки сопровождается гудение шара.

Тянусь и кричу от боли, тянусь и рыдаю. Огромное тело тоже кричит и рыдает. Чувствую боль этих тел, умноженную в сотни и тысячи раз. Боль расходится дальше и дальше, по всем телам. Все они стонут, рыдают, кричат.

Наступает мгновение...

Блеск.

Что-то блестит. Блестит внизу, впереди. Это нож. Тянусь за ним, напрягаю все силы. Пальцами двигаю, двигаю нож. Двигаю и придвигаю. Хватаю его, он удобно ложится в ладонь.

Длинная рукоятка, короткий клинок, как у скальпеля.

Втыкаю его куда-то за спину. Втыкаю в то место, где тело сливается с шаром. Шар замирает. Он ожидает новую боль. Я тоже её ожидаю, но всё же не чувствую боли.

Клинок, который кажется острым, проходит сквозь кожу, не причиняет вреда. Трогаю пальцем клинок, чувствую остро заточенный кончик. Прикасаюсь кончиком к телу, к груди, к животу. Втыкаю в живот. Нож проходит сквозь кожу и снова не причиняет вреда. Втыкаю нож в живот и в лицо, в живот и в лицо.

Чувство усталости от...

\* \* \*

Проваливаюсь внутрь этого шара.

Внутри сплошные тела.

Тела, гениталии, руки, ноги, волосы, зубы, кости, вены, кишки.

Нет больше тел, отдельных от этого тела, огромного тела.

Есть только шар.

«Сопrotивляйся!»

Но голос звучит приглушённо.

Нож выпадает из ослабевшей ладони и...

\* \* \*

Я пробуждаюсь от громкого лязга.

Будильник...

# Глава I. Апрель, суббота

Артём и Майя ждали меня у институтского крыльца. Артём — высоченный, выше меня на голову, и широченный. Настоящий атлет. А Майя... Майя улыбалась. Наташи не было, Дениса не было.

— Наташа забежала домой, — сказал Артём. — Она нас в Луна-парке встретит. А Денисыч сдаёт книги, сейчас будет.

Я посмотрел на часы.

— Ребята, у меня есть небольшое дело по пути. Надо зайти в префектуру. Я там пробуду недолго. Наверное, недолго.

— Господин городской советник, прикажете подать автомобиль? — сказал Артём.

— Ладно тебе, — сказала Майя. — А если серьёзно, зачем?

— Для доклада, — сказал я. — Жебелев посоветовал покопаться в архиве Интеграционного комитета. Это где-то в префектуре.

— Ну, если Жебелев... — сказал Артём. Других объяснений ему не требовалось.

— Зачем тебе Наташа, если у тебя есть Жебелев? — спросила Майя.

— Я попрошу вас не смешивать личное и общественное, — сказал Артём с притворной строгостью.

Это была цитата из старого фильма про Легион. В детстве мы все его смотрели, и не один раз.

— Вот и наш Денисыч, — сказал Артём.

У Дениса были заняты обе руки. В одной — раздутый портфель, в другой — три книги, которые в портфель не поместились. Ещё немного, и книги бы выпали.

— У него свои развлечения, — сказал Артём. — Зачем тебе столько, зубрила? Не забыл, куда мы идём?

— Эти положи к себе, — спокойно попросил Денис.

Артём взял три книги и посмотрел на их обложки. Как я заметил, что-то по философии. Артём без споров положил книги в свой портфель. Денис в очках со стёклами толщиной в палец выглядел как типичный ботаник и был ботаником. Но они с Артёмом были лучшими друзьями.

— Пойдём тогда? — сказал я. — Мне нужно успеть до четырёх.

— Пойдём, — сказала Майя.

— Погнали, — сказал Артём.

Денис ничего не сказал.

\* \* \*

Было такое время года, когда не знаешь, как одеваться. Утром и вечером температура ниже нуля, а днём печёт солнце. Снег уже сошёл, на газонах пробивается трава, лёгкий ветерок несёт по тротуару клубы пыли.

Мы проходили мимо старинных каменных особняков, государственных учреждений, коммерческих контор, магазинов. Некоторые были подновлены ремонтом. Нарядная гимназия, окружённая парком. Неприметный театр с аллеей перед входом. Банк с медузными

головами под крышей. Кинотеатр «Колизей»...

Белое восьмизэтажное здание ушло на две эпохи вперёд от стоявших рядом особняков. Я подошёл к широкой лестнице.

— Вы тут постоите, я скоро, — сказал я.

— Будет исполнено, господин городской советник, — сказал Артём.

Оставив Майю, Артёма и Дениса, я поднимался по лестнице. Массивные деревянные двери — их было три пары, — а по бокам от дверей таблички: «Префектура г. Туганска», «Туганский городской совет», «Городская газета „Туганский вестник“».

В холле никого не было. Я поискал на стене какие-нибудь указатели. Ничего не увидел.

По лестнице спускались несколько мужчин в расстёгнутых пальто и с портфелями и переговаривались: «У Легиона были свои плюсы». — «Разумеется». Они шли к выходу, не обращая на меня внимания. «Разве он был несовместим с демократией? Можно было заменить назначение командиров выборами». — «Разумеется».

Один из них, высокий, толстый, усатый, посмотрел на меня — то ли с подозрением, то ли с сочувствием. Потом отвернулся и возразил спутнику: «Погодите, но военизированная организация...» — «Ну, так и гимназию можно объявить военизированной...»

Компания вышла на улицу. Снова в холле стало тихо. Из боковой двери показался седой мужчина в форме. Охранник.

— Молодой человек, вам куда? — спросил он.

— Мне в Интеграционный комитет, — сказал я. — Только я точно не знаю, где он.

— А, к этим... — сказал охранник. Почти презрительно сказал. — Это с торца. Налево.

Я вежливо поблагодарил и вышел. С крыльца был такой вид! На противоположной стороне улицы, из-за решётчатого забора торчали аттракционы Луна-парка. В ясном небе выделялось колесо обозрения — «Всевидящее око», которое недавно зачем-то стали называть «Атон». За ним сверкали стёкла небоскрёбов.

Мне захотелось всё бросить и поскорее оказаться на самой вершине «Ока». Когда я катался на нём в последний раз? Ещё в гимназии.

— Быстро же ты, — сказал Артём.

— Мне в другую сторону, — сказал я.

— Это несерьёзно. Наташка там одна стоит.

— Так вы идите, а я вас потом догоню.

— И правда. Мы там все вместе подождём.

— А тебе обязательно прямо сегодня туда идти? — спросила Майя. — Завтра нельзя? И зачем тебя Жебелев туда отправил?

— Сегодня или никогда, — сказал я. — Вы идите, я скоро.

— Мы будем у входа, — сказала Майя, — а потом у дельфинов.

Артём и Денис кивнули.

Они шли по площади, оглядываясь и махая руками. Артём вообще шёл вперёд спиной, пока Майя его не развернула. Я тоже махнул и пошёл к боковой стороне здания.

Здесь за высокими кустами был ещё один вход — с небольшим крыльцом. Я его раньше не замечал.

На крыльце стоял какой-то парень, его лицо скрывал капюшон. Он услышал мои шаги, резко обернулся и неожиданно перескочил через перила. Он кинулся в кусты, затем перебежал через дорогу и скрылся в переулке.

Мне пришло в голову, что это Гоша. Да нет, Гоша был высокий, плотный. Сейчас он

наверняка растолстел, а этот — худощавый и шустрый.

Я подошёл ближе и понял, почему парень убежал. Клеёнчатая дверь была прорезана так, что получалось слово «кханды». Дальше шла ещё какая-то буква — у или х. Парень в капюшоне не закончил своей работы потому, что я его спугнул.

Кажется, эта сторона здания частенько переживала такие нашествия. Стену вокруг крыльца недавно покрасили. Из-под совсем свежей зелёной краски были видны мазки других цветов, как будто стену красили несколько раз подряд. Кое-где хвосты больших букв оставались незакрашенными. Возле двери вообще не было табличек. Чтобы лишний раз не привлекать вандалов?

Коридор был тесный, с серыми стенами. Над входом горела одна лампочка. Остальное пространство освещалось светом из двух открытых дверей. Я заглянул в первую. Небольшой кабинет был забит шкафами, тумбочками, столами, падающими башнями из стульев. Только узкий проход между мебельных гор вёл к окну. Людей здесь не было.

Из второй двери был слышен спор двух мужских голосов. «Сядь и объясни», — говорил один. «Нечего объяснять! — ответил второй голос. — Вы всё сами понимаете! Так зачем тянуть?» — «Нет, я ничего не понимаю. Вот давай сядем, и ты мне объяснишь». — «Не буду я!..» Дальше — неясное бормотание.

У спорщиков закончились аргументы, они двигались по кругу. И что делать? Остаётся, так решат, что подслушиваю, а уходить глупо. Тут из двери навстречу мне вышел один из участников спора. Похоже, тот, что был более раздражён. Если бы я не посторонился, он бы меня сшиб. Мы только чуть задели друг друга рукавами, он что-то буркнул и пошёл к выходу. У выхода он оглянулся и всмотрелся в меня. Я выждал, пока он уйдёт. Постучал в открытую дверь.

— Войдите, — послышался голос. Как ни странно, женский голос.

Этот кабинет не был похож на склад мебели. Хотя в нём стояли такие же старые столы и шкафы — вдоль стен и посередине. Шкафы были забиты папками. Я заметил надписи на папках: «О-ва (XI)», «О-ва (XII)», «ОЧК». Второго участника спора не было видно.

У входа за столом сидела девушка чуть старше меня и работала за пишущей машинкой. Она сделала заключительный удар по клавише и вопросительно посмотрела на меня.

Я не успел открыть рот, как из зашкафного закутка вышел человек в очках, одетый в свитер. Несмотря на невысокий рост, — я был немного его выше — он был не шуплым и слабым, а, наоборот, крепким, жилистым. Его лицо напоминало лица античных героев: чёткие формы, прямой нос с небольшой горбинкой, высокий лоб. Глаза были неуловимого тёмно-серого оттенка. У него были длинные светлые волосы, убранные в хвост, и такая же светлая борода. У него были самые светлые волосы из всех авзанов, которых я встречал. На фотографиях он казался выше, а его волосы — темнее. Он выглядел уставшим. Не просто уставшим — измотанным, как марафонец на финише.

Это был Александр Карапчевский собственной персоной.

— Ты извини, Игнат... — начал он.

Когда он говорил, углы его губ слегка загибались вниз.

— Похоже, этот молодой человек к вам, Александр Дмитриевич, — сказала девушка. — Если он только не ошибся дверью.

— Вы ко мне? — спросил Карапчевский.

— Это Интеграционный комитет? — спросил я. — Я студент...

— Проходите, — ответил Карапчевский. — Диана, — сказал он девушке, — займитесь

пока нашим гостем. Я ненадолго.

Я снова не успел ничего сказать, как Карапчевский уже вышел из кабинета. Я остался наедине с Дианой.

— Садитесь, — сказала Диана.

— Я хотел поговорить с Карапчевским, — сказал я. — С Александром Дмитриевичем.

— Он сейчас вернётся, вы пока начните. Садитесь.

Я сел на стул.

— Давайте знакомиться. Меня зовут Диана. А вас?

— Иван.

— Зачем вам нужен Карапчевский?

— Понимаете, я просил Сергея Павловича, чтобы он помог мне встретиться с Карапчевским.

— Сергей Павлович — это кто? — спросила Диана.

— Жебелев! — сказал я, как будто сама эта фамилия, как должность главнокомандующего, не требовала пояснений. — Он звонил Карапчевскому.

— Так вы студент Сергея Павловича и хотите встретиться с Карапчевским?

— Я занимаюсь историей города, — сказал я. — Пишу курсовую. Мне хочется сравнить дома в авзанской части города и кхандской. Чтобы лучше понять прошлое. Посмотреть, что изменилось, что осталось таким же. Этого никто не делал.

— Все наши материалы к вашим услугам. У нас давно был заключён договор с Пединститутом. Любой студент может приходить и пользоваться чем угодно. Вот я сейчас печатаю последний отчёт о санитарном состоянии воды на Островах. Диссертацию можете написать.

— Я хотел сам побывать на Островах. А от Карапчевского получить... рекомендацию, что ли. К какому-нибудь кханду. А то я попрусь туда, никого не зная...

— Без рекомендации на Острова не попадёшь, — совершенно серьёзно сказала Диана и повернулась к входящему Карапчевскому.

— Так что у вас? — сказал он мне.

— Александр Дмитриевич, это Иван, — сказала Диана. — Иван... э...

— Тюменев, — сказал я.

— Иван Тюменев. Он хочет с вами поговорить. Жебелев вам звонил.

Карапчевский оживился.

— Так вы от Сергея! Пойдёмте ко мне.

Мы с Карапчевским пошли за шкаф. Здесь стояло два стола, заваленных бумагами, карандашами, папками. В углу одного стола взгромоздилась высокая пишущая машинка. Папки лежали даже на стуле.

Карапчевский аккуратно взял их и положил на подоконник рядом с цветочными горшками и настольной электроплитой. Он уселся за стол и уже не казался таким измотанным. Он с интересом смотрел на меня и потирал ладони, как будто в предвкушении обеда. Я догадывался, что он рад не столько мне, сколько тому, что я от Сергея.

— Как дела у Сергея? — спросил Карапчевский. — У меня из головы вылетело, что он звонил. Так что, вы изучаете историю кхандов?

— Историю кхандов закрыли до того, как я поступил, — сказал я.

— Да, точно. Много чего закрыли за эти пять лет...

— Я занимаюсь историей города. Я хочу посмотреть на кхандские дома прошлого века.

— Это хорошо. Но у нас не совсем научная организация. Точнее, совсем не научная. Вы ведь знаете, чем мы занимаемся?

— Да, знаю.

Я не мог подобрать слова, хотя ещё дома долго репетировал свою речь перед Карапчевским. Придуманные заранее слова казались мне фальшивыми и напыщенными для такой прозаической обстановки. А какой ещё обстановки ты ждал?

— Да, я знаю, чем вы занимаетесь, Александр Дмитриевич. Я знаю о вашей работе. Я вас целиком поддерживаю. Я хочу вам помочь. Я хочу работать в Интеграционном комитете. Не ради... — Я помялся. — Не ради славы или чего-то. Я ещё в гимназии про вас узнал и понял, что здесь... Здесь должны быть все... все честные люди... Здесь творится будущее... нашего... нашей...

Я начал бойко, но голос перестал меня слушаться. Он стихал, стихал. Последние слова я пробормотал себе под нос.

Карапчевский был серьёзен. Он сложил пальцы куполом — кончики расставленных пальцев одной руки прижаты к кончикам расставленных пальцев другой руки — и смотрел на меня поверх этого купола. Когда я закончил, он вышел из-за стола и протянул мне руку. Я тоже встал и протянул ему руку в ответ. Он сжал мою ладонь. У него было крепкое рукопожатие.

Казалось, он хотел сказать что-то возвышенное, но пересилил себя и заговорил деловым тоном:

— Поскольку вы студент, то весь день работать не сможете. Ещё год назад я бы взял вас на половину жалованья. Теперь могу предложить только на общественных началах. С деньгами у нас туго.

— Я согласен на общественных, — сказал я.

— Это на первое время. Потом что-нибудь придумаем. — Он посмотрел на настенные часы. — Вы приходите в понедельник, тогда всё обговорим. Только вы ещё раз подумайте. Работы здесь много, беготня, волокита, бумажки, и никто спасибо не скажет. Начальников выше крыши.

— Но ведь у вас неограниченные полномочия, — сказал я. — Разве вы не подчиняетесь лично первому консулу?

— Подчиняемся, — сказал Карапчевский. — И всем его холоуям — от Константинополя до этого здания. Но подробности — в другой раз. Мне пора.

Карапчевский поднял с пола портфель, и мы вышли из-за шкафа. Карапчевский снял с вешалки пальто и шарф.

— Диана, — сказал он. — Вы запишите данные Ивана, а я побежал. Я вас умоляю, вы тоже долго не задерживайтесь, закончить можете в понедельник.

— Хорошо, Александр Дмитриевич, — ответила Диана.

— До скорого, — сказал Карапчевский и, на ходу натягивая шарф, вышел в коридор.

Интересно, Диана слышала мою провальную речь? Виду она не подала. Она записала моё имя и адрес, а затем сказала:

— Увидимся в понедельник, — и вернулась к санитарному состоянию воды.

На улице солнце ударило мне в глаза. От свежего весеннего воздуха голова закружилась, как от вина.

Я спустился с крыльца и осмотрел стену. Я вспоминал намёки Карапчевского, вспоминал того парня, которого я принял за Гошу. Я понял, за что стене так достаётся. Я понял, почему комитет переселили сюда из главного входа. Но эти трудности меня только раззадоривали.

Я пересекал площадь и краем глаза заметил, что навстречу мне двинулся какой-то человек. В своём опьянении я не сразу услышал, что он что-то мне кричит. Я остановился только тогда, когда он схватил меня за рукав. Я решил, что это кто-то из наших ребят.

Но это был тот спорщик, который чуть не толкнул меня в коридоре. Ему было лет тридцать. Он отпустил руку и извинился.

— Это ведь вы были в Инткоме? — спросил он.

— Допустим, — сказал я и отряхнул рукав в том месте, за которое он хватался.

— Меня Игнат зовут.

Я промолчал. Он перешёл на ты:

— Слушай, я видел, ты шёл к Карапчевскому. Ты, наверное, тоже хочешь работать в Инткоме?

— Допустим.

— Допустим, допустим... Слушай, давай поговорим.

— Там вы не хотели разговаривать, а со мной хотите, — сказал я, имея в виду его спор с Карапчевским.

— Там не о чем разговаривать. Слушай, ты хочешь работать в Инткоме, перевернуть мир? — Он заранее знал мои ответы и не ждал их. — Свобода, равенство и так далее? Это всё хорошие вещи, всё правильные устремления. Но там, — он показал в сторону бокового входа, — там ничего этого добиться нельзя. Там всё разваливается, уже развалилось. Карапчевского никто не поддерживает, у него никого не осталось. Только Дианочка-дурочка, да ещё этот жирдяй...

Я развернулся.

— Слушай, подожди. Вот видишь это здание. Здесь все против Карапчевского. На словах они все за. А на деле они лучше утопятся, чем ему помогут. Он всем надоел со своими громкими фразами, со своей скромностью. Они все ему гадят... Видел на стене надписи? Или нет, их вчера покрасили. Ну, ничего, завтра ещё увидишь. Это кто пишет? Благодарные граждане благодарят за героизм? Это ему говорят: ты здесь не нужен! Он каждую неделю их закрашивает, а краску покупает на свои деньги. Потому что тут даже завхоз смотрит на него, как на второсортного человека. Как на кханда! Да он сам за столько лет превратился в кханда. Видел его волосы? Десять лет назад он был почти брюнетом. Скоро он переселится на Острова и будет жить в их вонючей хибаре и хлебать их вонючую бурду.

Он размахивал руками и кричал. Люди, которые проходили по площади, оглядывались. Я начал понимать. Передо мной диффер. Диффер, вот и всё. Наверное, он хотел сказать всё это Карапчевскому. Но не посмел. И теперь говорил мне.

— Мне пора, — сказал я.

Он снова удержал меня. Я разозлился и резко вырвал руку. Будет всякий диффер меня лапать...

— Слушай, дело проиграно, — сказал он. — Всему конец. Интком скоро разгонят, а Карапчевского...

Он замолчал.

— Что? — не вытерпел я.

— Что угодно! Снимут, посадят... Или он пропадёт. Как раньше люди пропадали. Ты историю хорошо знаешь? Народ его не поддерживает, чиновники — только притворяются из-за первого консула. Получается — Дианочка и жирдяй, вот и вся его команда. Хочешь быть с ними?

— Допустим. Это моё дело.

Он хихикнул.

— Слушай, ты на Дианочку, что ли, запал? Это у Карапчевского такой приём для всех юных последователей. Сначала Дианочка их завлекает, а потом они на всё готовы. За идею. Дианочка втюрилась в Карапчевского, она и жизнь за него отдаст, и в постель ляжет.

— Да иди ты!

Я его оттолкнул. Он отступил назад и развёл руки, показывая, что не оскорблён тычком и драться не собирается. Я тоже не собирался и быстро зашагал к дороге.

Во время разговора у меня пересохло в горле. В голове крутились слова, которыми надо было приструнить его, но теперь было поздно.

Я перешёл дорогу и направился к главному входу в Луна-парк. Я уже слышал, как играет оркестр. Ребят здесь не было. Я прошёл мимо сфинксов, стороживших высокие ворота, и оказался в тени редких для нашего климата лип и дубов, которые пережили всех правителей и продолжали расти. Я обошёл пока неработающий фонтан с дельфинами. Здесь ребят тоже не было. Этот диффер как будто нарочно меня задержал!

— Ванька! — закричал Артём.

— Ваня! Ваня! — хором закричали Майя и Наташа.

Они стояли у «Гробницы Тутанхамона» и ели сладкую вату. Я пошёл, потом побежал к ним. Всё забылось — и невменяемый Игнат, и даже Карапчевский.

— Друг мой, брат мой! — с чувством сказал Артём. — Больше, чем брат!

Это была цитата из того же фильма.

Я хлопнул его по плечу. Майя и Наташа засмеялись, обняли меня с двух сторон и по очереди чмокнули в щёки липкими от ваты губами.

Приблизился Денис со свежей порцией ваты. Я полез к нему обниматься. Он недовольно отстранился и выронил вату на бетонную дорожку.

— Спасибо тебе, — обиженно сказал он.

Я поднял палочку с запylённым комком и запихал её в ближайшую урну.

— Дениска, я тебе сто таких куплю, — сказал я. — Тысячу, миллион!

— Ладно тебе, — сказала Майя и обняла Дениса за плечи.

— Ребята, пойдёмте кататься! — сказал я.

— И жрать! — сказал Артём.

Он откусил огромный кусок ваты. Большая часть ваты осталась у него на щеках и на носу.

— И жрать! — сказал я.

Продавщица, которая смотрела на нас через окошко билетной кассы, понимающе улыбалась. Я тоже ей улыбнулся. Я улыбнулся бы любому встречному.

Беззаботное ощущение летних каникул охватило меня. Аттракционы, игровые автоматы, тир, сладкая вата, мороженое, шарик, танцы под духовой оркестр. Завтра будет воскресенье, а впереди — бесконечная жизнь, полная открытий и перемен.

И тут мне вспомнился мой сон.

## Глава II. Апрель, понедельник

Предсказание невменяемого Игната сбылось. Стена возле бокового входа в префектуру была исписана ругательствами. «Поганки» — это было самое пристойное.

На двери чернело горелое пятно. В окне — это было окно первого от входа кабинета — кривыми зубьями торчали осколки выбитого стекла.

Дверь в первый кабинет была закрыта, и в коридоре было ещё темнее. Во втором кабинете находились двое. Карапчевский со сложенными куполом пальцами вышагивал в узком пространстве между столами, а какой-то усатый толстяк в костюме и галстук тихо сидел на месте Дианы и просматривал бумаги. Карапчевский метнулся ко мне и пожал руку.

— Уже слышали, да? — спросил он. — Ну, какие же они подонки!

Углы его губ от волнения ещё больше загибались вниз.

— Ничего не слышал, — сказал я. — Что произошло? Там такой разгром.

— Вы не слышали новости?

— Я же после учёбы, а потом сразу сюда.

— Диана в госпитале, — сказал Карапчевский и поморщился, как от боли. — Сегодня утром пришла раньше всех. Вандалы писали свои гадости на стене и жгли дверь. Она их спугнула, потом зашла в ту комнату. Они бросили камень в окно.

— Что с ней? Они в неё попали?

— Она запнулась, упала и ударилась головой об угол тумбочки. Сотрясение мозга. Вызвала неотложку и потом отключилась. Вы подумайте, сама успела вызвать неотложку!.. Это я виноват. Ведь мог прийти пораньше.

— Не говори ерунды, — сказал толстяк. — Ты ведь не развлекался. Скажи ещё, что я виноват. Мы все знаем, кто виноват.

Карапчевский представил меня толстяку, а толстяка — мне.

— Это Никита Максимович, мой брат, — сказал он.

Никита Максимович привстал, чтобы пожать мне руку. Он был настоящий великан. Не только толстый, широкий, с шарообразным животом, с двойным подбородком, но ещё и высокий, широкоплечий, с могучей, выкаченной вперёд нижней челюстью. Тесный кабинетик, уставленный шкафами, был ему не по размеру.

Низкорослый, жилистый Карапчевский казался рядом с ним пигмеем. Как будто для того, чтобы объяснить эту разницу, Никита Максимович уточнил:

— Двоюродный брат, двоюродный.

— Один из основателей Инткома, — сказал Карапчевский.

— Ты преувеличиваешь мою роль, Саша, — сказал Никита Максимович. — У комитета только один основатель.

Его лицо показалось мне знакомым. Я ведь видел его субботу. В холле префектуры, среди других мужчин в пальто. Ведь он одновременно был чиновником префектуры. Он меня, что не удивительно, не узнал. Но почему я его не узнал?

Никита Карапчевский — второй человек в Инткоме, правая рука своего знаменитого брата. Его называли «Бульдог интеграции». Непонятно было, чего больше в этом прозвище — уважения или насмешки.

— А почему общественный помощник? — сказал он. — Бескорыстие — это хорошо, но надо и материально поддерживать своих соратников.

— Никита, кому ты это говоришь? — сказал Карапчевский. — Ты же знаешь, как у нас с деньгами. Тем более Иван — студент, ему не привыкать к спартанским условиям.

— Да не надо, — вставил я.

— Надо, надо, — сказал Никита Максимович и мне, и Карапчевскому. — Сделаем так: выделим Ивану часть из моего жалованья. Никакие возражения не принимаются. Всё равно я получаю вдвое больше, чем мне нужно.

— Отличная мысль, Никита! — сказал Карапчевский. — Почему я сам не додумался? Может, тогда из моего?..

— Нет, только из моего, — сказал Никита Максимович. — Ты и так оплачиваешь все расходы комитета. Оставь на мороженое для Лизы. А у меня ещё хватит на двух-трёх помощников.

Я не знал, что сказать. Меня взяли сюда без всякого опыта, без всяких знаний. Теперь ещё и деньги будут давать. За что?

Никита Максимович сказал, какие нужны документы. Я пообещал принести в следующий раз.

— Если бы все трудности так легко разрешались, — сказал Карапчевский. — Ведь с утра ждём полицию. А они не торопятся. И уйти куда нельзя, и здесь мне делать нечего.

Никита Максимович наблюдал за ним и слегка покачивал головой.

Зазвонил телефон. Никита Максимович был ближе к аппарату. Он поднял трубку.

— Слушаю! — сказал он.

После паузы он передал трубку Карапчевскому, большим пальцем показывая в глубь здания.

Карапчевский, кажется, расшифровал знак своего брата и взял трубку. Он слушал собеседника и нетерпеливо кивал, потом возмущённо сказал: «До сих пор никого нет!» После ещё одной серии кивков он коротко сказал: «Сейчас», — и повесил трубку.

— Никита, ты жди полицию и звони им каждые полчаса, — сказал он. — Ещё позвони заместнику. Хоть сегодня он меня примет? А я схожу в гости к префекту. Он, видите ли, ужасно расстроен. Где у нас отчёт о воде?

Никита Максимович передал ему те бумаги, которые просматривал. Карапчевский потряс бумагами.

— Нет, ты видел? Полгода назад всё было отлично, когда эти, — он ткнул пальцем в ту же сторону, что и Никита Максимович, — проводили анализы.

Карапчевский нашёл пустую папку, шлёпнул в неё стопку бумаг и засунул папку в портфель. Я почувствовал себя лишним. Карапчевский оглядел меня и сказал:

— Вы, Иван, пойдёте со мной.

Он подхватил пальто и шарф и махнул рукой, чтобы я двигал за ним. У входа он остановился и любовался на художества вандалов.

— Иван, — сказал Карапчевский, — у вас сегодня одна задача: смотреть и думать. Больше ничего делать не надо. Смотрите и думайте. В конце дня поделитесь размышлениями.

Я пообещал, что буду стараться.

В приёмной префекта нас встретила молодая женщина в юбочном костюме. С её лица кто-то стёр ластиком все черты, а потом заново нарисовал ровненькие глаза, брови, губы. Она провела нас в кабинет.

За креслом префекта висел поясной портрет первого консула. Лицо первого консула было бесстрастно. Префект вышел из-за своего Т-образного стола, чтобы поприветствовать Карапчевского. Мне он только коротко кивнул.

Мы сели за стол. Префект — с одной стороны, мы с Карапчевским — с другой. На столе стояла сделанная из слоистого драгоценного камня карандашница в виде пирамиды Джосера. На галстук префекта красовалась булавка в виде скарабея.

Префект расспросил об утреннем происшествии. Карапчевский рассказал о вандалах. Префект слушал рассказ Карапчевского и ни на миг не отрывал от него заинтересованного взгляда. Казалось, он даже ни разу не моргнул.

— Всё это очень плохо, — сказал префект. — Думаю, вам стоит идти не в полицию, а в секретную службу. Терроризм — это по их части. В следующий раз в окно полетят не камни, а гранаты.

— Вот именно, гранаты, — сказал Карапчевский. — Но вам-то ничего не грозит. Хорошо, что нас подальше отселили.

— Если вам что-то грозит, то и нам грозит, — сказал префект. — Насчёт вашего старого помещения. Через неделю ремонт закончится, и сможете обратно переезжать. Вы уж извините, что ремонт так затянулся. Мы делали его на городские средства, а у нас ведь не так много денег, как у вас. Всё-таки особая строка в государственном бюджете.

— Самая особая, — сказал Карапчевский. — Но вообще я не только за этим сюда пришёл. Во-первых, мост...

— Простите, это сразу не ко мне, — перебил префект. — Это к наместнику. Он обещал дать деньги.

— И наместнику много раз говорил.

— Давайте говорить вместе. Ведь я с вами полностью согласен. Но город просто не потянет такое строительство.

Карапчевский достал папку и положил её перед префектом.

— Тогда во-вторых. Надеюсь, это вы потянете.

— Что это? — спросил префект, не притрагиваясь к папке.

— Почитайте.

Префект неохотно раскрыл папку, полистал желтоватые листы, отложил их и спросил:

— Это про воду? Вам лучше в водное управление.

— Это отчёт о санитарном состоянии воды на Островах. Анализы проведены кафедрой гидрологии Новоергинского университета.

— А какое они имеют отношение к нам?

— Самое прямое. Они изучают воду. Здесь есть все данные. Количество вредных веществ превышено в десятки раз. Посмотрите на количество фекальных бактерий. Это питьевая вода из колодцев. Они её пьют.

— Я понимаю, это плохо. Но при чём здесь новоергинцы? Ведь мы почти десять лет сами проводили анализы...

— И по вашим данным всё было отлично, — перебил Карапчевский. — А когда я попросил независимых специалистов, то оказалось, что вода на Островах — это дерьмо в прямом смысле слова.

Префект нахмурился.

— Это очень плохо, — сказал он. — С этим я обязательно разберусь. Если мы не знаем, что происходит на Островах, то мы не знаем, что происходит во всём городе. Спасибо, Александр Дмитриевич, что проинформировали. Я лично поеду в водное управление. Если это соответствует действительности, то виновные пойдут под суд. Вы можете оставить мне этот отчёт?

— Он ваш, — сказал Карапчевский.

Он толкнул папку так, что она чуть не въехала в грудь префекта. Префект подхватил папку и отодвинул.

— У вас ещё что-то? А то я прямо сейчас поехал бы в водное управление.

— Ещё кое-что, — сказал Карапчевский. — Вы знаете, что происходит в Первой гимназии?

— Рассказывайте, — сказал префект. — Похоже, меня на один день включили в состав Интеграционного комитета.

— Восемь лет назад вы просились в состав Инткома. Помните?

— И не жалею, что просился. Я вас всегда поддерживал. Но пришлось выбирать между городом и интеграционным движением. Вы не считаете меня предателем за то, что я выбрал город?

— Нет, конечно. Потом многие выбрали себе другие занятия. Но были и есть те, которые выбирают интеграцию.

— Никита Максимович?

— Да. Или вот, например, Иван. — Карапчевский показал на меня, как на экспонат выставки. — Студент второго курса, отличник, профессора его хвалят, а он ещё находит время, чтобы у нас работать. Это наш новый сотрудник.

Префект перевёл на меня немигающие глаза.

— Очень хорошо, — сказал он. — Значит, молодёжь тоже понимает важность вашей работы. Так что с гимназией?

— Первая образцовая гимназия на прошлой неделе из совместной превратилась в раздельную, — сказал Карапчевский. — Я узнал об этом только вчера. Семнадцать детей-кхандов были исключены. Напомню, это была последняя в городе совместная гимназия. Сначала кхандов изгнали из Пединститута, теперь из гимназий. Это перечёркивает всё, что я делал здесь в течение девяти лет.

— Вы как будто обвиняете меня? — сказал префект. — Внутренние уставы гимназий, тем более Пединститута не зависят от городских властей. По закону об интеграционном эксперименте, само учебное заведение решает, быть ему раздельным или совместным. Вы ведь сами писали этот закон. Директора гимназий в соответствии с ним делают свой выбор. Почему они делают такой выбор, а не другой — это вопрос к ним. У меня дети учились в совместной гимназии, я как отец был полностью за.

— Значит, вы не можете повлиять на директора? — спросил Карапчевский.

— Поверьте, у директора больше возможностей повлиять на меня, чем у меня — на него. Попробуй я только, ваши же друзья-газетчики с радостью напишут, что префект превысил свои полномочия. Поезжайте к директору и спросите с него сами. Мы, городские власти, сделали, что могли. Вы говорите, что Первая гимназия — последняя совместная. Но мы построили на Островах прекрасную гимназию, совместную и своего рода тоже образцовую. Я лично ей горжусь как большим достижением нашего города.

— Она раздельная, а не совместная.

— Она всё-таки совместная, — мягко возразил префект. — Но, увы, на Островах живут только кханды. Почему-то.

— Ваша гимназия — тоже дифференциация, — сказал Карапчевский.

Префект дотронулся до булавки-скарабея.

— Александр Дмитриевич, я все эти годы вам помогал, — сказал он, — и теперь вы причисляете меня к дифференциаторам. Странная благодарность.

Карапчевский посмотрел на портрет первого консула. Префект тоже посмотрел на портрет первого консула. Что-то было в их взглядах такое, что я не могу описать.

Префект встал, подошёл к селектору и попросил у секретарши принести что-нибудь попить. Как только он закончил говорить с ней, сразу же открылась дверь и вошла молодая женщина с нарисованным лицом. Она поставила на стол поднос и вышла. На подносе, в трёх запотевших высоких стаканах пузырилась минеральная вода.

— По-моему, надо освежиться, — сказал префект.

Он кончиками пальцев поднёс стакан ко рту и сделал маленький глоток. Карапчевский к своему стакану не притронулся. Мне, честно говоря, сильно хотелось пить, но я себя пересилил.

— Значит, больше вопросов ко мне нет? — спросил префект и поставил стакан на место.

Стакан даже не звякнул.

После недолгого прощания мы вышли. Карапчевский молча шёл по улице. Он как будто забыл обо мне.

В Инткоме Карапчевский налил воду из чайника в стакан и одним глотком выдул целый стакан. Я последовал его примеру. От Никиты Максимовича мы узнали, что полиции ещё не было и что наместник сегодня снова не может принять Карапчевского, потому что он снова в отъезде.

— Зато первый зам примет, — сказал Никита Максимович.

— Хоть кто-то, — сказал Карапчевский. — Тогда я сейчас в Дом наместника, а потом — в гимназию. А тебе придётся сидеть здесь, Никита.

Никита Максимович пожал плечами. Было забавно наблюдать, как этот великан смиренно подчиняется Карапчевскому. Я был уверен, что он не двинется с места, пока Карапчевский не разрешит. «Бульдог интеграции». Нет, это не насмешка, это уважение и почтение.

— А мне с вами? — спросил я.

— Конечно! — сказал Карапчевский. — Помните, что я говорил? Смотрите и думайте.

\* \* \*

В Доме наместника я тоже раньше никогда не был. Коридоры здесь как будто продолжали коридоры префектуры. Те же дорожки на полу. Те же высокие потолки. Та же лепнина на стенах. Те же лестницы с широкими деревянными поручнями, которые нельзя было обхватить. Та же женщина с нарисованным лицом — только в два раза старше. Тот же портрет первого консула — только не поясной, а в полный рост.

Первый заместитель наместника встретил Карапчевского так же радушно, как и

префект. Мне он точно так же едва кивнул. Я не обижался на такое презрительное отношение. Эти люди в моей иерархии стояли намного ниже Карапчевского. Доверие Карапчевского для меня было важнее.

Мы прошли мимо огромных напольных часов в виде пирамиды и сели за такой же, как у префекта, Т-образный стол.

— Очень жаль, что наместник уехал, — сказал первый заместитель.

Он производил впечатление сонного человека: полуприкрытые веки, вялая улыбка.

— Мне тоже очень жаль, — сказал Карапчевский. — А когда я смогу его застать?

— Александр Дмитриевич, может, я чем-то помогу? Многого не обещаю, но всё, что в моей власти...

— Мост, — коротко сказал Карапчевский.

— Какой мост?

— Мост через реку Ергу. Сколько можно ездить на пароме? Город с этим связываться не хочет — дорого. Наместник обещал ещё пять лет назад, что мост будет.

— Обязательно будет. Строительство начнётся в следующем году. Да вы сами зайдите в провинциальное строительное управление, там всё подробно разъяснят.

— Не ожидал. Столько лет тянули, тянули.

— Тянули, тянули и вытянули, — весело сказал первый зам. — Меня и самого это волновало. Я же потомственный строитель. Я полгорода застроил. Действительно, смешно, что в нашем мегаполисе приходится использовать паром, как в глуши. Ещё чем могу помочь?

— Я бы хотел побывать на Карском полуострове.

— Пожалуйста! Обеспечим хоть завтра.

— Ловлю на слове.

— Хоть завтра, хоть через неделю, хоть каждую неделю, когда хотите. У руководителя Интеграционного комитета есть свои привилегии. Вы хотите на буровые?

— Да, буровые, трубопровод. Но для начала — природный резерват на Юраке.

Мне показалось знакомым это название — Юрак. Что-то из учебника географии.

— Это ведь совсем другая область, — сказал первый зам. — Или вы теперь и медведей защищаете?

— Там используется труд кхандов. Хотел проверить, нет ли нарушений закона.

— Вы везде видите нарушения. На Юраке нет и не может быть нарушений. Группа академиков заявила, что в этом месте устраивать резерват нельзя. Наши биологи утверждают, что обязательно нужно. Пока мы заморозили организацию на неопределённый срок. Знаете, эти великие умы нас совсем измучили. И деньги есть, и желание, а вот такая заминка.

— Значит, мне там нечего делать, — сказал Карапчевский. — Тогда только буровые.

— Принято, — сказал первый зам. — Вот видите, как всё просто. Зачем по каждой мелочи беспокоить наместника?

— Такая у меня работа, — сказал Карапчевский. — Беспокоить.

— Если не возражаете, я сам с удовольствием с вами слетаю.

— Не возражаю, конечно.

— Север — наша молодость! — сказал первый зам. Его веки поднялись, глаза засверкали. — Вы не застали той воистину грандиозной эпохи. Вам не понять. Я же полсевера застроил!..

Выйдя из Дома наместника, мы пешком направились к Первой гимназии.

Двухэтажная гимназия была выкрашена в яркие бело-синие цвета. От шума улиц её отгораживал знаменитый парк, где Майя и Наташа провели детские годы. На постаменте у ворот высился знаменитый глобус, о котором Майя и Наташа прожужжали мне все уши. Сам глобус давно потемнел, позеленел, но оба полюса сверкали от постоянных прикосновений.

Карапчевский остановился у глобуса и задумчиво погладил южный полюс. Потом встал на цыпочки и дотянулся до северного. Он оглянулся на меня и подмигнул. Я не стал гладить полюс. Эта примета работала только для гимназистов и выпускников.

Внутри царил тишина — шёл урок. На первом этаже стояли бюсты великих учёных, писателей, военачальников, педагогов. В конце ряда был стенд, где находились кубки, вымпелы, грамоты. На втором этаже все стены были увешаны детскими рисунками — от каракулей малышей до почти профессиональных работ — и фотографиями из гимназической жизни. Я пробежал по фотографиям взглядом и не находил ни одного кхандского лица.

В кабинете директора нас тоже встретила секретарша. Она сказала, что директор сейчас на уроке, а урок закончится через десять минут.

Карапчевский сел на диванчик, откинулся на спинку и закрыл глаза. Я стоял рядом, опираясь о подоконник.

Скоро раздался звонок. Карапчевский дёрнул головой и открыл глаза.

Всё здание одновременно охватило гул. Коридор заполнила толпа мальчиков и девочек в бело-синих галстуках, похожих на легионерские.

Поверх этой толпы плыл пожилой, седовласый господин в очках. Он успевал одновременно отвечать на десятки «здрасьте» и разговаривать с какой-то женщиной. Он заметил Карапчевского и что-то сказал собеседнице. Та посмотрела на нас и ушла. Седовласый поздоровался. Карапчевский быстро нас познакомил. Это был директор гимназии — не менее знаменитый, чем глобус.

— Очень рад, что не забываете свой второй дом, — сказал директор, по-старчески сопя носом.

— Я к вам ругаться, — сказал Карапчевский.

Директор нахмурил густые седые брови и пригласил нас в кабинет. Кабинет тоже был увешан фотографиями и детскими рисунками. За директорским креслом висела фотография: директор и первый консул стоят рядом с глобусом и жмут друг другу руки.

— Я знаю, из-за чего вы хотите ругаться, — сказал директор. — Не стану увиливать, я с себя вины не снимаю. Но один в поле не воин.

— Раньше вы были воином, — сказал Карапчевский.

— Саша, всё меняется, — учительским тоном сказал директор. — Времена меняются...

— И мы меняемся вместе с ними, — закончил Карапчевский. — Как же это произошло, Виталий Петрович? Я только на вас и надеялся. Ведь вы с самого начала были за меня. А теперь я теряю самых верных сторонников.

— Я и теперь за вас. Но я не могу, когда все давят. Учителя, родители, управление образования.

— Кто давит? Назовите имена, должности. Мы будем разбираться с ними.

— Боюсь, вы не понимаете. Нет никакой гидры, которой вы можете отрубить головы и тем самым восстановить справедливость. Иначе вам придётся рубить головы всем.

— Непонятная метафора.

— Не притворяйтесь дураком, у вас это плохо получается. Вспомните, как наша гимназия стала совместной. Это не моя воля, такие вопросы решает родительский комитет. Один родитель предложил, а остальные поддержали. И учителя были с ними. Теперь другой родитель предложил сделать гимназию отдельной, а остальные снова поддержали. И учителя с ними.

— А родители-кханды, — сказал Карапчевский. — Они тоже поддержали?

— Они промолчали, — мрачно произнёс директор.

— А вы их спрашивали?

— Спрашивали. Я разговаривал с каждым. Я просил их выступить. Хотя бы для соблюдения процедуры. Мне отвечали: нам это не нужно. На последнее собрание кханды вообще не явились.

— А дети? — спросил Карапчевский. — Где ваша хвалёная детская демократия? Девять лет они учились вместе, а теперь предали своих товарищей. Этому вы их учите?

Лицо директора помрачнело ещё больше. Переход на детей ему не понравился.

— Давайте не перекладывать взрослые проблемы на детские плечи. Мне хватает того, что родители прикрываются заботой о детях. Предательство? У меня в двенадцатом классе мальчики подрались из-за этого. Я не хочу, чтобы среди них началась гражданская война.

— Она уже идёт много лет, — сказал Карапчевский. — Вы вырастили новое поколение людей, поколение интеграторов. Теперь, когда они повзрослели и хотят высказаться, вы говорите: они дети, пусть играют в игрушки. Вот мой новый сотрудник Иван — тоже недавний гимназист, теперь студент. Ему вы тоже посоветуете играть в игрушки?

— И студенту невредно иногда поиграть, — миролюбиво сказал директор. — Как вы относитесь к игровым автоматам, Иван?

Я вспомнил, что недавно просадил всю мелочь, когда пытался достать плюшевого мишку для Майи.

— Родители, дети... — сказал Карапчевский. — Но какова ваша роль? Раньше вы имели влияние в этих стенах. Ваше слово теперь ничего не стоит?

— Стоит, Саша, — сказал директор. — Стоит. Когда оно не противоречит общему мнению.

— Почему я узнаю об этом самым последним?

— Потому что вы бы ничего не сумели исправить. Потому что вас бы и слушать не стали.

— Я хочу, чтобы меня выслушали, — сказал Карапчевский. — Соберите родительский совет, и я попробую их переубедить.

Директор засопел носом, как насос.

— Я предупредил... — глухо сказал он. — Я предупредил, что уволюсь, если решение будет принято. Решение принято.

Он с трудом поднялся из-за стола и подошёл к окну. Заложив руки назад, он долго смотрел во двор. Слышалось только сопение. Карапчевский подошёл к директору и с тревогой заглянул в его лицо. Директор снял очки. Карапчевский махнул рукой, чтобы я уходил.

Перемена кончилась. В коридоре никого не было. На подоконнике лежала забытая кем-то — или нарочно оставленная? — книга «Чёрная земля фараонов». Старая книга, но издание прошлогоднее.

Из-за угла показались двое мальчишек из шестого или седьмого класса. Они неспешно подошли ко мне. Один — тот, что пониже, — смело сказал:

— Здравствуйте! Вы новый учитель?

— Нет, — ответил я.

Мальчишки не отходили.

— Уроки прогуливаете? — спросил я.

— Не прогуливаем, — серьёзно ответил тот, что пониже. — У нас учитель заболел.

Остальные в библиотеке, а мы тут.

Второй — тот, что повыше, — откинул чёлку со лба. Кончики волос были опалены огнём.

— Слушай, что это у вас у всех за галстуки? — спросил я.

— Это символ нашей гимназии, — ответил тот, что пониже.

Мальчишки всё не уходили.

— Нравится вам тут учиться? — спросил я, чтобы что-нибудь спросить.

— Очень нравится, — сказал тот, что пониже.

Он засиял от гордости. Тот, что повыше, презрительно фыркнул. Он оставался на месте только ради приятеля.

— А у вас в классе есть кханды? — спросил я.

Тот, что пониже, перестал сиять. В его взгляде мелькнуло подозрение. Тот, что повыше, опять дёрнул головой и отвернулся. Как будто ему было противно слушать меня и просто находиться рядом.

— Пошли уже! — сказал он приятелю, но смотря в другую сторону.

— До свидания, — тихо сказал тот, что пониже.

— До свидания, — сказал я.

Когда они уходили, тот, что пониже, прихватил «Чёрную землю фараонов».

\* \* \*

Карапчевский не раскрывал, чем закончилась встреча с директором. Мы шли тем же путём, которым я шёл в субботу с Артёмом, Майей и Денисом. Карапчевский смотрел вперёд. Он высоко задрал голову, лицо его было угрюмо.

Я устал — не от ходьбы, конечно, а от постоянных встреч с новыми людьми. Давно у меня не было такого насыщенного событиями дня.

В аллее у театра Карапчевский сел на скамейку и сказал:

— Вам, Иван, сегодня никуда идти не надо?

— Вроде нет.

— Тогда посидим здесь немного, а то голова раскалывается.

Я сел рядом. На афишной тумбе краснели огромные буквы «Антоний и Клеопатра».

— Александр Дмитриевич, — сказал я, — я так и не понял, какие у меня обязанности.

— Я ведь уже говорил: смотреть и думать. Мне нужен свежий взгляд на то, что происходит. Вот прошёл день. Какие ваши мысли? Что вы думаете о том, что видели?

— Может, я ошибаюсь... — сказал я.

— Человеку свойственно ошибаться, как заметил бы Виталий Петрович, — сказал Карапчевский. — Выкладывайте.

— Префект и этот... первый зам... — Я подыскивал слова. — Мутные они какие-то. Вроде бы хотят помочь, а сами... Не верю я им.

— Почему? — спросил Карапчевский.

Он ждал того самого слова. И дождался.

— Дифферы они, — сказал я. — Извините... Дифференциаторы.

— А Виталий Петрович? — спросил Карапчевский.

— Он, конечно, интегратор! — сказал я. — Но он же ничего не сможет сделать. Он уже старый и слабый.

— Старый и слабый, — сказал Карапчевский. — Слабый и больной. Как и я.

Он что-то обдумывал.

— Ладно, — сказал он бодрым голосом. — Мы пока не сдаёмся. Делай, что должно, и будь, что будет. Так ведь?

— Так, — ответил я, хотя фраза показалась мне не вполне логичной.

— Пора расходиться, — сказал Карапчевский. — Поеду-ка я, навещу Диану.

Меня он не звал, а я не просился. Я подумал, что теперь можно забежать в библиотеку.

Мимо нас, по направлению к театральной кассе прошагали три девушки. Я проводил их взглядом — мне показалось, что я увидел среди них Майю. Но ни одна из них не дотягивала до Майи — ни фигурой, ни лицом. Все три были страшными. А судя по глупому хихиканью — ещё и дурами.

Карапчевский по-своему понял мой взгляд и усмехнулся.

## Глава III. Апрель, вторник — пятница

Надписи на стене были замазаны свежей зелёной краской, но окно ещё не починили. Никита Максимович сидел на месте Дианы и печатал на машинке двумя пальцами. Когда он долбил по клавишам, казалось, что машинку разнесёт в клочья.

— Саша улетел на север, — сказал он. — Два часа назад он уехал на аэродром вместе с первым замом наместника.

Я сник. После вчерашнего я не мог ни о чём думать. Только о том, как помочь Инткому и Карапчевскому. Я считал, что нужен Карапчевскому. Для того он и брал меня с собой в высокие коридоры, чтобы все поняли, что у него есть сторонники. Я не видел в его желании ничего зазорного. Если это нужно для дела, то я готов посветить физиономией перед сильными мира сего.

Мне казалось, что отныне он будет брать меня с собой, куда бы он ни поехал. Накануне я предвкушал скорый полёт на север, где никогда не был.

— Вчера приходил инспектор, — продолжил Никита Максимович. — Завели дело, но никого, конечно, не найдут.

— Почему? — спросил я.

Никита Максимович набрал воздух в грудь и выдохнул. От этого могучего дыхания зашевелились листы на столе.

— Да вы садитесь, Ваня, — сказал он. — Кстати, документы принесли?

Я передал ему документы.

— Пойдёмте пообедаем, — сказал Никита Максимович. — Хотите есть? С утра ничего не ел. — Он погладил свой безразмерный живот. — Для этой топки нужно много горючего.

Я есть не хотел.

— Ну, хоть чаю попьёте, — сказал Никита Максимович.

— Нет, спасибо, — сказал я. — Наверное, я пойду. Что мне здесь делать?

— Пойду? — сказал Никита Максимович. — Ненадолго же вас хватило. В общем, я в столовую, а вы оставайтесь на хозяйстве. Приглядывайте за всем. Но в случае опасности в драку не лезьте. Последних сотрудников растеряем.

Последних сотрудников, подумал я. Кажется, я последний. А предпоследний?

— Что с Дианой? — спросил я.

— Всё будет хорошо. Неделю в госпитале, потом отпуск на месяц. Диана нас не бросит. Так вы точно не хотите есть? Ладно, распорядитесь. Всё это богатство — теперь и ваше. Можете пользоваться. Я вернусь минут через сорок.

Он достал из машинки лист, положил его в папку, папку спрятал в портфель, туда же засунул мои документы и вышел.

Я сбросил куртку и немного посидел просто так. Потом обошёл кабинет, заглядывая в шкафы. Бумаги Инткома были в полном беспорядке. Папки, тетради, брошюры, книги, отдельные листы заполняли всё пространство, они были на полках внутри шкафов, на шкафах, на подоконниках, на столах и стульях.

Я решил действовать наудачу — со шкафа у двери. Папки стояли здесь в два ряда. Я вытащил одну, с надписью «О-ва (II)» на корешке. Папки «О-ва (I)» или «О-ва (III)» рядом не было. Жебелева бы сюда, он бы им показал, что такое архивистика.

Я уселся за стол и развязал тесёмки. Внутри я нашёл стопку листов с картами и

планами.

Широкая карта из чертёжного свода пятнадцатого века заняла половину стола. Это была не фотокопия, а современная репродукция, поэтому цвета сохранились.

Ерга на этой перевёрнутой карте текла справа налево. От неё в обе стороны отходили извилистые притоки-щупальца. На южном берегу — на карте он был наверху — было несколько притоков. Среди притоков выделялась Туганка. В том месте, где она сливалась с Ергой, находился красный трёхбашенный острог с крупной надписью «Туганьск». На северном берегу — на карте он был внизу — притоков было гораздо больше. Истоки некоторых терялись за краем листа. Многие притоки соединялись вытянутыми озёрами.

Название «Острова» было написано почти в самом низу карты, посреди коричневых деревень-квадратиков, зелёных деревьев-клякс и голубых прерывистых петель, которые обозначали болота. Южный, правый берег изображался точно и совпадал с современными картами, а северный, нижний был полной чушью.

Дальше были другие карты: восемнадцатого, девятнадцатого веков.

Город постепенно разрастался, тянул свои улицы вдоль реки на южном берегу, занимал всё больше места, а Острова, наоборот, сжимались. На поздних картах город был испещрён названиями улиц, площадей, крупных зданий, а на северном берегу была только лаконичная надпись «Острова».

В двадцатых годах на левом берегу появились названия отдельных озёр, улиц, нескольких археологических памятников. Это были слабые следы первой интеграции, которую хотели провести автономисты. При военном режиме Острова совсем исчезли: город в северной части заканчивался рекой.

Годами интеграционной реформы были отмечены попытки сделать отдельный план Островов — несколько жалких листков с карандашными набросками.

Ни один план Островов не был похож на другой. Нельзя было понять, как выглядела левобережная часть города в прошлом и как она менялась.

Во втором ряду стояла папка «О-ва (V)». Здесь были рисунки и фотографии.

На фотографиях и картинах девятнадцатого века часто можно было увидеть набережную. Изящные дамы в белых платьях и господа в чёрных сюртуках стояли у парапета и глядели на другой берег реки. Но другого берега реки не было.

Только в конце папки лежала пачка фотографий самих Островов. Были видны тропинки, деревянные дома и мостики. Было несколько фотографий и графических рисунков, сделанных прямо на Островах. Малоэтажные дома с пристройками и надстройками. Мостики, перекинутые прямо от дома к дому.

Когда я ставил обе папки обратно, раздался стук в дверь. В кабинет ввалился высокий незнакомец в плаще и с портфелем. В руке он держал лист бумаги.

— А где все? — спросил он.

— А кого вам надо? — спросил я.

— Сашу или Диану.

Я объяснил, что Александр Дмитриевич уехал, а Дианы нет.

— Так даже лучше. — Незнакомец протянул мне лист бумаги. — Примите.

— Вы подождите немного. Скоро Никита Максимович вернётся.

— Некогда. Примите.

— Я тут новенький.

— Просто возьмите бумагу и передайте Никите, или Игнату, или кто у вас остался.

Незнакомец в нетерпении потряс листом бумаги. Я взял лист и прочитал: «Заявление...  
Прошу уволить...»

— Вы подождите, — сказал я.

— Я и так долго ждал, — сказал незнакомец. — Никите — привет!

Дверь хлопнула так, что в шкафах задребезжали стёкла. Я прочитал бумагу. Имя незнакомца мне ничего не говорило. Я подсунул бумагу под пишущую машинку на столе Дианы и почти вслепую потянулся за следующей папкой.

На ней было написано «Эксп. Ин. П. Золотцова». Тут были фотокопии рукописей. У Ин. П. Золотцова был очень чёткий почерк. Писал он, как все автономисты, без греческих букв.

Вошёл Никита Максимович. Я сразу указал ему на бумагу, которую принёс незнакомец. Никита Максимович прочитал бумагу и сказал:

— Саша очень огорчится.

Я не стал спрашивать. Всё было ясно.

— Простите, что задержался, Ваня, — другим голосом сказал Никита Максимович. — Зато всё успел.

Он достал из портфеля красную корочку и вручил её мне. На обложке было написано: «Комитет по интеграции. Туганский подкомитет по подготовке реформы». Я раскрыл корочку: фотография, фамилия-имя-отчество, дата рождения. Должность: ассистент.

Наконец я официальный сотрудник Инткома! Хотя...

Я спросил, почему на корочке написано «подкомитет», а не «комитет». Никита Максимович объяснил, что комитет как таковой находится в Константинополе. У нас же — только подкомитет по подготовке интеграционной реформы. Карапчевский — председатель и комитета, и подкомитета. В Константинополе же никого не осталось. Сотрудники разошлись, помещение отдали какому-то министерству. Пока формально существуют отделения комитета в Новоергинске, в Юрске, в других городах. А фактически...

— Зря я вам всё это рассказал, Ваня, — сказал Никита Максимович. — Как бы вы не разочаровались в нашем деле.

Мне стало жаль этого доброго, честного, сильного, но беспомощного Бульдога. Я хотел его убедить, что я никогда не разочаруюсь в интеграции, никогда не предам Карапчевского. Но я не мог подобрать нужных слов. Получилась бы ещё одна провальная речь.

— Вы, кажется, нашли, чем себя занять, — сказал Никита Максимович.

— Да, не мог оторваться от бумаг, — сказал я, довольный переменной темы. — Никита Максимович, а где первая папка «Острова»?

Никита Максимович огляделся, как будто она должна была лежать где-то рядом.

— Ничего мы с вами не найдём, — сказал он. — Может быть, она в том кабинете, может быть, дома у Саши или даже у меня. Может быть, пропала после переезда. Нас ведь затопило, вот нас сюда и отселили. А бумаги мы раскидали по разным углам. Не хватает ни сил, ни времени хотя бы расставить всё в алфавитном порядке. Вы бы навели здесь порядок, не зря вы у Жебелева учитесь.

— Я постараюсь, — сказал я неуверенно, а сам подумал: сколько же времени уйдёт на разбор этой кучи-малы?

Никита Максимович добродушно улыбнулся.

— Ваня, сделайте, что сможете. Никто вам сроки не ставит, и никто за плохую работу вас винить не будет.

Я чувствовал в кармане жар красной корочки. Она всё-таки кое к чему обязывала.

Всю неделю я приходил в Интком и копался в документах. Никита Максимович мне помогал, но у него были свои дела. Он часто уходил, оставляя меня одного. Для начала я хотел, как просил Никита Максимович, хотя бы расставить все папки по алфавиту. Но даже эта задача оказалась невыполнимой. У многих папок не было названия, а лежали в них совершенно разнородные документы. В другом кабинете шкафы вообще нельзя было открыть — мешала гора мебели.

Так что большую часть времени я проводил за чтением и разглядыванием бумаг. Меня заинтересовала потёртая папка, на которой от руки было написано: «История ИК». В ней лежали вырезки из столичных и местных газет. Самые новые — пятилетней давности. На фотографиях я узнавал знакомые мне лица.

Карапчевский — ещё без бороды — и Жебелев на митинге в Константинополе. Держат большой транспарант: «Долой войну! Да здравствует мир!»

Карапчевский — уже с бородой — выступает на митинге. «Молодой оппозиционный политик потребовал свободы и интеграции».

Карапчевский с будущим первым консулом на очередном митинге. «Вожди двух крупнейших оппозиционных движений объединились».

Карапчевский как глава Интеграционного комитета в кабинете первых демократически избранных консулов. «В качестве площадки для интеграционного эксперимента выбран Туганск — родной город Карапчевского. „Дома и стены помогают“, — в свойственной ему манере пошутил господин первый консул».

Карапчевский уже в Туганске — с бородатым Жебелевым и усатым Никитой Максимовичем. «Интеграция пришла в Туганск».

Интеграционный комитет в годы расцвета. На фотографии поместилось — я посчитал — пятьдесят три человека. Среди них префект и невменяемый Игнат. Оба с бородами. Тогда они ещё не были дифферами. Дианы не было. Она по возрасту не могла там быть.

Карапчевский перед рестораном — разбивает вывеску «Кхандам и собакам вход запрещён»... Карапчевский и группа кхандов возле нового дома в микрорайонах... Карапчевский и кхандско-авзанский совместный класс в Первой гимназии...

Я жалел, что тогда я был такой маленький и не мог ему помочь!

Затем я вернулся к папке «Эксп. Ин. П. Золотцова». Ин. П. Золотцов в начале века совершил экспедицию в северную часть Пермских гор, в отдалённые поселения кхандов. Он собрал около тридцати кхандских сказок. Это были странные сказки без морали.

Герой встречает на дороге одноногого, и одноногий отрезает у героя обе ноги. Герой говорит, что покажет жителям деревни, где растут сладкие ягоды, заводит их в болото, и они все тонут. Герой просыпается, и у него нет глаз, а они в похлёбке соседа, и сосед их съедает. Герой теряется в лесу, а когда возвращается в деревню, то родственники разрывают его на части и поливают его кровью огород.

Была одна эротическая сказка. В ней всем мужским персонажам отрывали тот орган, который обозначался исключительно точками. В этой сказке было больше точек, чем слов.

Ин. П. Золотцов был отличным рисовальщиком. Он зарисовал сказителя. С акварельного рисунка — точнее, с чёрно-белой копии — смотрел очень старый и очень худой кханд. Он был бос, его тело было замотано в рваные тряпки. Седые волосы клочьями

свисали до самого живота, а борода и того ниже. Морщины на лице были глубокие, как борозды.

Сказитель сидел на многоногой скамье и опирался на искривлённый посох. Посох был украшен такими же узорами, как мой ялк. Ин. П. Золотцов не закончил работу, поэтому казалось, что у сказителя нет правой ноги.

## Глава IV. Апрель, другая суббота

Карапчевский в пальто и шарфе сидел на столе и смотрел в окно.

— Здравствуйте, Александр Дмитриевич! — обрадовался я.

— Приветствую, — сказал он.

Теперь он не казался таким измотанным. Поездка на север придала ему сил.

— На севере зима, снег, а у нас уже весна, — сказал он. — Почки, листочки, нравится мне это время года. А вам?

— Мне больше лето, — сказал я.

— И до лета доживём, — сказал он. — Вы тут уже освоились, кажется. Мне Никита рассказал.

— Понемногу осваиваюсь.

— Наводите порядок в документации?

— Потихоньку.

— Школа Жебелева!

Он встал и сквозь очки уставился мне в лицо своими тёмно-серыми глазами.

Я всю неделю не брился. Каждое утро я оценивал перед зеркалом, сколько ещё нужно времени, чтобы чёрная щетина превратилась в бороду.

Карапчевский ничего не сказал об изменениях в моей внешности. Мне хотелось почесать зудящую шею, но я сдержался.

Он махнул рукой, призывая следовать за ним. Он запер дверь кабинета на ключ и, проходя мимо первого кабинета, подёргал за ручку. Эта дверь тоже была заперта. Когда мы вышли на улицу, он запер и входную дверь. Разбитое окно до сих пор не починили.

— А куда мы? — спросил я. — Опять к префекту? Или к заместнику?

— На Острова, — буднично ответил Карапчевский.

Я остановился в изумлении. Но изумляться было некогда.

Я думал, Карапчевский пойдёт к остановке, но он пошёл в обратную сторону, во двор префектуры, огороженный забором. Проход был закрыт. В будке сидел охранник. Карапчевский постучал ему в окно. Охранник долго смотрел на нас через окно, как бы не понимая, чего мы хотим. Потом наконец сообразил, и калитка открылась.

Карапчевский направился к большим железным дверям. Здесь стояли автомобили. В комнате справа сидели несколько человек в шофёрской форме. По радио играла музыка. Карапчевский заглянул в комнату и сказал:

— Господа, автомобиль к выходу.

Все обернулись на его слова. Двое шофёров с готовностью вскочили с мест. Но тут они увидели, кто пришёл, и опустили обратно.

— Мне нужен автомобиль, — сказал Карапчевский. — Я звонил полчаса назад.

Ближе всех был пожилой шофёр с открытой бутылкой лимонада в руке. Карапчевский посмотрел на него. Шофёр отошёл к своим.

— Так сколько ещё ждать? — спросил Карапчевский.

Молодой широкоплечий шофёр крутанул регулятор громкости радио. От музыки чуть не затряслись стены. Шофёры отвернулись и перестали обращать внимания на посетителей. Молодой шофёр начал рассказывать анекдот. Не успел он договорить, как все дружно захохотали.

Хохотали эти весельчаки вовсе не над анекдотом.

Карапчевский твёрдыми шагами подошёл к радио и выключил его. Шофёры замолкли, как будто их тоже выключили. Выражения их физиономий ничего хорошего не предвещали.

— Господа, — сказал Карапчевский в полной тишине, — может, вы мне расскажете, почему я раз в году не могу поехать на служебном автомобиле, который мне положен по закону?

— Скромняга, — раздался чей-то ехидный голос.

— Или один из вас повезёт меня на автомобиле... — сказал Карапчевский.

— Или что? — с вызовом спросил молодой шофёр.

— На труповозке тебя повезут, — снова тот же ехидный голос.

Обладатель голоса отважно прятался за спинами товарищей.

— Или что? — выдвинулся молодой шофёр.

Карапчевский тоже сделал шаг. Ещё немного, и они сцепятся, как гимназисты. Исход предсказать было невозможно...

Пожилой шофёр с бутылкой лимонада встал между Карапчевским и молодым шофёром и сказал:

— Хватит.

— Пусть он договаривает! — закричал молодой шофёр. — Или что!?

При этом он махнул своей лапой и задел бутылку. Пожилой шофёр выронил бутылку, она упала на бетонный пол и разбилась. Брызги и осколки полетели на штаны двух шофёров. В основном, к моей радости, на штаны молодого шофёра.

Молодой шофёр выругался, со злостью посмотрел на пожилого шофёра и вышел из комнаты. Мелкие осколки хрустели под его подошвами. Пожилой отодвинул ботинком осколки, достал большой замызганный платок, вытер руки и сказал Карапчевскому:

— Я вас повезу, Александр Дмитриевич. Идёмте.

Когда мы выходили, в спину нас подгоняла оглушающая музыка.

Я был поражён тем, как эти гады обращаются с Карапчевским. Может, они и бьют стёкла в Интконе? Может, из-за них Диана попала в госпиталь? Неужели в этом здании действительно все дифферы — от гаража до кабинета префекта? Опять невменяемый Игнат оказался прав.

Шофёр подвёл нас к роскошному автомобилю тёмно-зелёного цвета. Весь автомобиль как бы тянулся вперёд — выпученными фарами, клиновидным передком, фигуркой лошади на капоте, зубастой решёткой радиатора. На правом крыле белела надпись «Эквус феррус кабаллюс».

Мы уселись на обитые светло-зелёным велюром сиденья. В этом просторном салоне можно было жить, спать, есть. Где-то тут наверняка должна быть выдвижная ванна.

Карапчевский не замечал роскоши. Он сидел в углу, как сидел бы в трамвае — правда, в трамвае он только стоял, — и смотрел в окно. Иногда на поворотах он придерживался за мягкий поручень, вделанный в передние сиденья.

Автомобиль проехал через всю Республиканскую улицу. Прохожие оглядывались на него. Мальчишки глазели и тыкали пальцами, обводя в воздухе его очертания.

На перекрёстке с Вокзальной на светофоре рядом с нами остановилась спортивная «Пантера». Её борт был сверху донизу изрисован египетскими иероглифами. Молодой пижон за рулём «Пантеры» махнул нашему шофёру рукой и газанул. «Пантера» заурчала. Пижон что-то сказал и, как только загорелся зелёный, рванул через перекрёсток. Наш шофёр

сделал вид, что не заметил этого полудурка.

Карапчевский был погружён в свои мысли и действительно ничего не заметил.

\* \* \*

Мы проехали под эстакадой, которая вела в микрорайоны. Здесь начиналась бесконечная промзона. Мы свернули в сторону реки. Потянулись кирпичные, бетонные, чугунные заборы, неприметные серые здания. Иногда попадались рабочие, которые переходили дорогу или шли вдоль дороги. Все они были авзанами.

Я увидел только одного кханда. Он медленно брёл по обочине в нашем направлении. Автомобиль несколько раз поворачивал, наконец выехал на разбитую бетонку, которая полого спускалась к реке. Шофёр притормозил на площадке у длинного железного навеса.

— По тому берегу мне не проехать, Александр Дмитриевич, — сказал он, глядя в руль.

— Я знаю, — сказал Карапчевский.

— Долго вас ждать? — спросил шофёр.

— Ждать не надо.

Шофёр повернулся и впервые посмотрел прямо в лицо Карапчевскому.

— Не надо ждать?

Карапчевский протянул ему банкноту.

— Это за лимонад, — сказал он. — Извините.

Шофёр помотал головой. Карапчевский не без колебаний засунул банкноту обратно в карман.

Когда мы вылезали, то я почувствовал, что стало холоднее. С реки порывами дул ветер, солнце скрылось за серыми облаками. «Эквус» набрал скорость, поднялся по бетонке и исчез за поворотом.

Вокруг площадки и железного навеса всё заросло кустами выше человеческого роста. Дальше на востоке заборы подходили прямо к берегу. Ещё дальше виднелись портовые краны. Противоположный берег, у которого стоял паром, тоже был скрыт за кустами. Над землёй висела лёгкая дымка, как обычно над Островами. Послышалось тарахтение, паром шевельнулся и медленно поплыл к нам.

— А зачем мы туда едем? — спросил я.

— Вы же сами хотели, — сказал Карапчевский.

— Только ради меня?

— Заодно навестим одного великого человека. Гуров Семён Кириллович — слышали про такого?

— Гуров? — сказал я. — Что-то слышал.

— Что-то слышал! — передразнил Карапчевский. — Это же кхандский патриарх. Титан, гигант, гекатонхейр. Если бы я смог убедить его, чтобы он нас поддержал, то всё бы пошло по-другому.

— А он что, не с нами? Я думал, все кханды — интеграторы.

Карапчевский не ответил. На площадке появился кханд. Это был тот самый, которого мы обогнали по дороге. Он встал у железного навеса и наблюдал за приближающимся паромом. Карапчевский кивнул ему. Кханд ответил кивком.

Мы с Карапчевским взошли на палубу парома. Кханд последовал за нами и встал с

другого края. Кто управлял паромом, я не разглядел, но, кажется, тоже кханд. Во время переправы погода ухудшилась. Сильный встречный ветер нёс осенний запах сырости. Казалось, что вот-вот прольётся дождь.

Понятно, почему шофёр отказался ехать на другой берег. Здесь не было даже бетонки. Через заросший травами и кустами луг от реки была проложена деревянная дорога — скорее, деревянный тротуар. Луг тянулся до горизонта. Он был покрыт свежей ярко-зелёной травой. На горизонте сквозь вечную дымку виднелись деревянные строения, а ещё дальше — лес.

Одинокий кханд не сходил с парома и смотрел нам вслед.

— Идти только по дороге, — строго сказал мне Карапчевский перед тем, как мы двинулись к деревянным строениям.

Высота дороги была около метра от уровня земли. Пройти по ней могли не больше трёх человек в ряд. Когда на пути попадались водные препятствия — канавы, мелкие пруды, она незаметно становилась мостом с оградой по краям. Настил был сплошной, по виду старый. Но его часто чинили — новые доски белели и желтели на сером фоне.

Ветер шевелил серую прошлогоднюю траву, сквозь которую пробивалась трава свежая, зелёная. Трава была похожа на шерсть огромного зверя. Зверь как будто бы спал и мерно дышал во сне.

Минут через тридцать неразличимая масса деревянных строений вдалеке превратилась в знакомую мне картинку: домики и мосты между ними.

Карапчевский шагал по правой стороне дороги. Я следовал за ним. Я сам не заметил, как постепенно всё больше отклонялся влево.

Наконец нога соскользнула с края доски. Я взмахнул руками и, чтобы не упасть, спрыгнул с дороги на землю. Трава была мне по пояс. Под травой была трясина. Когда я, отряхивая руки, поднялся, меня немедленно начало засасывать.

Я вытащил одну ногу, но вторая увязла глубже. Я топтался в жиже, пытаюсь найти твёрдую землю. Ноги утонули по щиколотку.

Я понял, что не могу вырвать ноги. Я схватился за край досок, что надо было сделать раньше, но отпрыгнул я довольно далеко и не мог теперь хорошо опереться. Я застыл под углом. Теперь я не мог отпустить руки, иначе бы упал плашмя. Но и вытянуть себя я не мог. Всё это случилось за какие-то секунды.

Карапчевский спустился по боковой лестнице и по кочкам подошёл ко мне. Мы сцепились руками, и он потащил меня на себя. Одна нога с чпоканьем освободилась. Я шагнул на кочку. Со второй ногой было легче.

Мы забрались на дорогу. Я сел, чувствуя жжение в голени правой ноги. Доска до крови расцарапала кожу. Ботинки и низ штанин были облеплены грязью, грязь попала внутрь ботинок. Я пошоркал и потопал ногами. Потом достал платок и вытер руки. Карапчевский осматривал чуть испачканный край своего шарфа.

— Настоящее болото, — сказал я. — Это из-за реки?

Карапчевский решил не обсуждать географию местности.

— Предупреждал ведь, — сказал он с укором.

Я молчал и мысленно проклинал себя за глупость.

— У Гурова почистимся, — обычным голосом сказал Карапчевский.

Поселение кхандов предстало перед нами во всей красе. Никакие рисунки, никакие фотографии не могли передать ощущение от кхандской архитектуры. «Деревянные дома с пристройками» — эти скупые слова не значили ничего.

На первый взгляд, кхандский дом — точнее, комплекс домов — был причудливым нагромождением брёвен и досок. Затем вы могли выделить в них отдельные сегменты, которые сливались друг с другом. В некоторых домах было заметно «ядро», на которое нарастали другие сегменты.

Эти дома действительно росли, как деревья, или как кораллы, или как кристаллы. Нельзя было определить, сколько в них этажей — части дома были разной высоты.

Дорога здесь разъединялась на тротуары, которые были частью стен. Дома соединялись с соседними домами не только тротуарами, но и мостами, а иногда крытыми переходами.

Двери и окна были разных размеров и разных форм. Рядом могли находиться круглые, квадратные, даже треугольные окна.

Все двери и окна были украшены сложнейшими орнаментами — геометрическим, растительным, звериным. На наличниках изображались целые сцены с животными. Звери, птицы, змеи, многоголовые и многохвостые чудовища переплетались друг с другом. Но узор был такой насыщенный, что даже животные казались частью абстракций.

Я вертел головой, тщетно пытаюсь за один раз уловить все детали. Мне вспоминались картинки из детских журналов, где в ворохе линий нужно было увидеть фигуру человека: найди матроса. А тут — найди дом, найди сарай, найди забор. Ничего не найдёшь, ищи хоть сто лет.

И никого. Кхандов не было.

Только на тротуаре у одного дома в позе луна-парковского сфинкса лежал огромный пёс. Пёс с длинной чёрной шерстью, с висящими ушами, сильными лапами, мокрым носом. Не собака, а медведь. Но медведь с умными, человеческими глазами. Эти глаза из-под густых бровей внимательно глядели на пришельцев. Длинный, распушённый хвост оставался неподвижен. Пёс был не очень рад встрече.

Карапчевский шагнул к псу. Я представил, как этот медведь нападает на Карапчевского...

Хвост огромного зверя медленно качнулся в одну сторону, затем в другую. Пёс встал и сильнее замахал хвостом. Карапчевский прикоснулся к крупной голове, его пальцы утонули в шерсти. Шерсть на голове пса разделялась на прямой пробор. Это ещё более очеловечивало его облик.

Я тоже подошёл и погладил пса по спине. Шерсть была чистая, блестящая. Хозяин много времени тратил на уход за своим питомцем. Хвост забил по моим бёдрам. Пёс повернулся в мою сторону и склонился носом к ботинкам. Он обнюхал грязь и поднял голову. В его умных глазах так и читалось: ай-ай-ай, ну, что за растяпа!

Мы стояли у одного из самых высоких и самых широких домов. Здесь чётко выделялось «ядро» — сруб, за которым громоздились пристройки и надстройки. Над этим домом возвышалась башня. От неё был перекинут мост до такой же башни такого же большого дома на противоположной стороне улицы. Это был центр кхандского поселения. Цитадель.

Входа в цитадель не было видно. Снова игра: найди калитку.

Но у нас был провожатый. Пёс подошёл к высокому забору-стене, встал на дыбы и передними лапами навалился на доски. Когда под его напором калитка открылась, он исчез внутри. Мы пошли вслед за ним и оказались в коридоре. Перед нами была лестница. Мы поднялись по ступеням, прошли площадку, снова поднялись по ступеням. Весь путь мы проделали в полутьме.

Наконец через открытую дверь мы вошли в просторную комнату. Кажется, это было «ядро» дома. Все вещи — стол, табуреты, сундуки, лавки, коробки, кубы и шары на полках — были сделаны из дерева и украшены узорами. С потолка на нитках свисали деревянные птицы с узорчатыми крыльями и хвостами.

Здесь было светло. Вот только непонятно было, откуда струился свет. Как будто, кроме окон, были и ещё какие-то скрытые источники. Но не было видно ни лампочек, ни свечек.

Пахло стружками, смолой, сушёными травами.

За столом сидел старый кханд. У его ног лежал чёрный пёс.

— Здравствуйте, Семён Кириллович, — сказал Карапчевский.

— Здравствуйте, Александр Дмитриевич, — сказал старик. — По делу или в гости?

Голос у него был глубокий, хриловатый. Его причёсанные волосы и борода казались седыми, но они были серебристыми, словно кханды не седеют. Голубые глаза были огромные, ясные. Орехово-смуглое — не от природы, а от солнца и ветра, — лицо исполосовано морщинами, как у сказителя на рисунке Ин. П. Золотцова. Но одет он был не в тряпье, а в чёрный костюм без галстука, чистый и выглаженный, немного старомодный.

— По делу и в гости, — сказал Карапчевский. — А это Иван — мой новый ассистент.

Я тихо поздоровался.

— Рад познакомиться, — сказал старик. — Мы раньше не встречались?

— Нет, — сказал я.

Старик пристально посмотрел мне в лицо. Я не мог выдержать его взгляда. Голубые глаза жгли огнём.

— Проходите за стол, — сказал старик.

Карапчевский быстро разделся, разулся и прошёл к рукомойнику у двери. Мне было стыдно, что я впёрся в своих грязных ботинках в такую чистую комнату. Когда я их снял, то мне стало стыдно за носки.

Старик встал. Он был выше Карапчевского и даже выше меня. Он вставал и ходил не как старик, а как молодой человек. Он не кряхтел, не держался за поясницу, у него была прямая широкая спина и крепкие ноги. Он был похож на своего пса — такой же большой и сильный.

— И носки снимайте, — сказал он.

Я посмотрел на Карапчевского, он кивнул. Гуров легко наклонился, без смущения взял ботинки с вложенными в них носками и пронёс их через всю комнату к другой двери. Он выставил ботинки за дверь, туда же прошёл пёс, и Гуров закрыл за ним дверь.

— Успеют высохнуть, — сказал он. — А вы, Иван, умывайтесь.

Я сменил Карапчевского у рукомойника, тщательно вымыл руки под неожиданно тёплой водой и вытер их о свежее полотенце.

На столе стояли большой металлический чайник, маленький заварочный чайник, чашки, блюда со сладостями. Гуров налил всем чай. Чай по-кхандски — чёрный, крепкий, с травами.

— Семён Кириллович, — сказал Карапчевский, — вы знали, что Первая гимназия опять стала отдельной?

— Знал, — сказал Гуров.

— Никто из родителей даже не возражал. А это была последняя совместная гимназия в городе. Теперь осталась только гимназия на Островах. Она формально совместная, но туда ходят только кханды.

— Больше туда никто не ходит.

Карапчевский ошеломлённо смотрел на Гурова.

— Как никто не ходит? — спросил он. — Её тоже закрыли? А мне опять не сообщили.

— Пока не закрыли, — сказал Гуров. — Туда никто не ходит.

— Почему?

— Нам это не нужно. Кхандам не нужны гимназии. Кхандам не нужны институты. Я вам говорил об этом десять лет назад. Для дворника или строителя не нужно образование. Гимназия на Островах не нужна. Учителя уже знают. В понедельник они не придут.

Карапчевский замолчал.

— Хотите ещё чаю? — спросил Гуров.

— Я не допил, — сказал Карапчевский. — И чистая вода вам не нужна?

— У меня невкусная вода? — Гуров отпил из своей чашки. — Вкусная.

— Мы проводили анализ воды из колодцев...

Гуров не дал Карапчевскому договорить:

— Это ваши анализы. Они сделаны вашими приборами. По-вашему, это вода плохая.

По-нашему, хорошая.

— По-нашему, по-вашему! Вода с дерь... — Карапчевский осёкся. — Такая вода — это для всякого плохо, даже для собаки.

— Это ваши анализы, — повторил Гуров. — Это ваши приборы. Свинья грязь везде найдёт.

Кажется, он имел в виду меня. Кусок приторной сладости застрял у меня в горле.

— Это всего лишь приборы, — сказал Карапчевский. — Они ничьи. Они просто показывают, что есть на самом деле.

— Ничего они не показывают.

— Я говорю о самых простых вещах — образование, улучшение быта. Я хочу, чтобы кханды имели всё то, что имеют авзаны. А вы постоянно твердите мне о том, что это всё не нужно.

— Вы лучший друг кхандов, Александр Дмитриевич. Мы это признаём. Вы всегда будете желанным гостем в любом доме.

— Но вам не нужно ничего из того, что я предлагаю?

— Не нужно.

— И мост не нужен? В следующем году через реку будут строить мост. Автомобильный и пешеходный. Он вам нужен?

— Один мост через реку уже был. Вы помните, как его взорвали?

— Мне тогда было лет пять.

— А я помню. Хороший был мост. Каменный.

— Значит, вам не нужна удобная связь с городом? Лучше паром?

— Можно без парома. Лодки у нас есть.

Карапчевский вскочил. Он прошёл от одной стены до другой и обратно. Уставился в птицу с резными крыльями, шлёпнул её пальцем по клюву, и она закрутилась. Развернулся к Гурову.

— Ничего вам не нужно, — сказал он. — Почему тогда десять лет назад многие кханды переехали в город? Почему они отдавали своих детей в гимназии? Значит, им это было нужно.

— А почему они все вернулись? — спросил Гуров.

— Реформа только началась, — сказал Карапчевский.

— Анализы, реформа. Это всё ваши слова. Мы таких слов не понимаем. Вот «бледные поганки» — это мы хорошо понимаем.

Карапчевский опять замолчал.

— Что значит «бледная поганка»? — спросил Гуров у меня.

— Грибы, — тихо сказал я.

— Головастый у вас ассистент, Александр Дмитриевич, — сказал Гуров. — Грибы. Ядовитые грибы.

— Да это так говорят всякие!.. — воскликнул я. — Всякие глупые авзаны.

— А что говорят умные авзаны? — спросил Гуров.

— Умные нормально относятся. Вот Александр Дмитриевич! И наш Интком...

Тут я вспомнил, сколько было сотрудников в нашем ИнткOME. Мне стало стыдно.

— Закончились умные люди, — сказал Гуров. — А глупых сколько?

Я бы мог назвать многих: все чиновники, Игнат — но вслух ничего не сказал.

— Вы хотите дать кхандам равные права, — обратился Гуров к Карапчевскому. — И вы считаете это благодеянием. Спросите у нас...

— Спросить у вас, нужны ли они вам, — перебил его Карапчевский. — Уже слышал — не нужны.

— Спросите у нас, — сказал Гуров, — хотим ли мы дать авзанам равные права.

Такому повороту даже Карапчевский удивился.

— Какие права вы можете дать? — спросил Карапчевский.

— Право на владение землёй, — сказал Гуров. — Кто настоящий хозяин Туганска?

Авзаны или кханды?

— Я хочу, чтобы все были хозяевами.

— Нет. Сначала поймите, кто был первым хозяином, а кто был вором. Туганск построен не на пустом месте.

— Я не спорю. Мы пытались пробить новый учебник истории. В Первой гимназии по нему учились. Раньше.

— Я знаю, что был древний город кхандов, — вмешался я. — Его сожгли авзаны четыреста лет назад. И название Туганск — от кхандского слова.

— Какого? — спросил Гуров.

— Кажется, «земля».

— Земля. И хозяином этой земли тысячи лет были кханды. Верните кхандам их землю. А мы разрешим вам на ней жить. Как хозяйева — гостям.

— Это бессмыслица, — сказал Карапчевский. — Я говорю о чём-то реальном.

— Реальное. Вот ещё одно ваше слово. Вы сожгли наш город. И ещё много других наших городов сожгли, разрушили, разграбили. Теперь и следа не осталось. Пришли на нашу землю. Каждый год празднуете великий праздник. Как он называется?

— День первых переселенцев, — сказал я.

— День первых переселенцев. День первых захватчиков. День угнетения кхандов. День уничтожения кхандов. Славный праздник. Вы пользовались нашей землёй. Пришло время

платить за аренду.

— Разве аренда — это не наше слово? — сказал Карапчевский.

Гуров налил чай в чашку Карапчевского.

— Садитесь, Александр Дмитриевич. Вы стоите, а мы сидим.

Карапчевский сел и взял чашку.

— Я говорю о будущем, а вы о прошлом, — снова начал он.

— Для кхандов нет разницы между будущим и прошлым. В прошлом наши дома горели.

И сейчас они горят.

— Этим летом мы вам опять поможем бороться с пожарами. Вот Иван, наверное, согласится.

— Конечно, — сказал я.

— Умные авзаны помогут бороться, — сказал Гуров. — Но глупых авзанов больше.

— Спасибо за угощение, Семён Кириллович, — сказал он. — Если вы не против, я поговорю с другими кхандами.

— Поговорите, — сказал Гуров.

— Только я хочу поговорить с ними без вас.

— Поговорите без меня.

Мы с Карапчевским засобирались. Гуров открыл дверь в заднюю комнату. Там в коридоре уже стояли ботинки. Ботинки и носки были чистые и сухие. Опять я чувствовал себя глупо в этом доме.

— Спасибо, — сказал я. — Не надо было...

— Это несложно, — сказал Гуров.

Когда я снимал куртку с крючка, то случайно уронил её. Я поднял её за полы, и из внутреннего кармана вывалился ялк. Он глухо стукнулся о ковёр. Гуров склонился раньше меня и поднял его пальцами, как что-то хрупкое. Гуров внимательно осмотрел его со всех сторон.

— Хорошая работа, — сказал он. — Такую вещь надо беречь. Она всегда может пригодиться.

Он отдал мне ялк. Я засунул его во внутренний карман и застегнул на кармане пуговицу. Карапчевский смотрел с недоумением.

Гуров пошёл нас проводить. Скоро мы снова оказались у забора, где так же лежал чёрный пёс. Пёс поднялся нам навстречу.

— Красавец какой, — сказал я. — А как его зовут?

— Ему имя не нужно, — сказал Гуров. — Он и так придёт. Когда понадобится.

Безымянный пёс широко зевнул, показав ярко-алый язык и белые зубы.

— Приходите ещё, Иван, — сказал Гуров. — С Александром Дмитриевичем или один. Мы все будем рады.

\* \* \*

Улица была не так пустынна, как раньше. Кханды поодиночке или группами шли нам навстречу, сидели на скамейках. Они кивали нам или произносили негромкие приветствия. Мы отвечали тем же.

По мосту над нами пробежала стайка разновозрастных детей. Мне захотелось

посмотреть на Острова с высоты, и я спросил:

— Может, пройдем по мосту?

— В другой раз, — ответил Карапчевский.

Разговор с Гуровым сильно утомил его. Я же отдохнул у Гурова после часовой ходьбы и теперь был готов шагать хоть целый день. Тем более в чистых носках.

Мы остановились у другого заметного здания на самой окраине кхандского поселения. Оно больше росло не ввысь, а вширь, как бы распласталось по земле, но и здесь было несколько надстроек. Рядом стояло около двадцати кхандов, которые даже по кхандским меркам выглядели довольно сурово.

Двое или трое увидели Карапчевского и ушли. Остальные с интересом глядели на нас. Карапчевский со всеми поздоровался.

— Как у вас дела, Осип Степанович? — спросил Карапчевский у одного из них, самого сурового.

— Хорошо, Александр Дмитриевич, — ответил кханд самым дружелюбным голосом. — Всё хорошо.

— Как жена? Как дети?

— Что с ними делается? Ребятишки вон бегают. — Осип Степанович указал на мост.

— Как у них успехи в гимназии? — спросил Карапчевский.

Осип Степанович помедлил.

— Вы ведь радовались, когда они пошли в гимназию, — сказал Карапчевский. — Теперь их выгнали, а вы даже на собрании не хотели выступить.

— А чего выступать?

— Вы же хотели, чтобы они учились.

Осип Степанович молчал, оглядываясь на остальных.

— Пусть хотя бы ходят в гимназию на Островах, — сказал Карапчевский.

Осип Степанович продолжал молчать. Карапчевский шарил взглядом по лицам кхандов. Он остановился на моём ровеснике, который был обут в заляпанные грязью болотные сапоги.

— А вы, Михаил, — сказал Карапчевский. — Вы сами закончили гимназию, вы хотели учиться в институте. А вашего брата-первоклассника выгнали из гимназии. Почему вы не вступились, не поговорили с родителями?

Михаил тоже не отвечал. Хоть он и был мой ровесник, но бородища у него была — как у всех взрослых кхандов. Мне бы такую, подумал я.

— Значит, мне говорите одно, а за спиной делаете другое, — сказал Карапчевский. — Спасибо вам большое.

С окрестных улиц на шум стали подходить другие кханды. Они молча окружили Карапчевского.

— Ну, что, кто смелый? — спросил Карапчевский. — Говорите!

Я оглянулся и увидел, что среди кхандов сидит чёрный пёс. Не знаю, был ли это наш знакомец или другой безымянный пёс такой же породы. Может быть, у них тут своя порода? Кхандская сторожевая.

— Нам это не нужно, — отдельно сказал Осип Степанович.

Теперь его голос был совсем не дружелюбный.

— Не нужно, — повторил он упрямо.

Карапчевский что-то пробормотал и пошёл от толпы. Я кинулся за ним.

Мы шли по другой деревянной дороге, которая тоже вела к реке. Беда только в том, что паромная переправа была одна. Я не понимал, как сейчас Карапчевский собирается переправляться через реку. Плавать в это время года желания не было.

Нас нагонял какой-то кханд. Мы подождали, пока тот дойдёт. Это был бородатый ровесник Михаил.

— Александр Дмитриевич, — сказал он, — я вас перевезу.

Карапчевский не ответил.

На берегу Михаил полез в прибрежные заросли — болотные сапогигодились — и вытолкнул оттуда лодку. Мы спустились по лестнице в лодку, которую Михаил подвёл к дороге. Он сел за вёсла.

С противоположного берега был виден самый край набережной. Здесь должен был начаться ремонт, и поэтому здесь никто не гулял. Карапчевский опустил руки со сложенными куполом пальцами на бёдра и молчал. На середине реки он прервал молчание.

— Будет вам мост! — сказал он. — Будет. И в гимназию всех верну. Все, и вы, — он ткнул в гребца, — и вы, — ткнул в сторону города, — все будете жить вместе. И учиться вместе, и работать вместе, и жить вместе.

Углы его губ сильно загибались вниз. Михаил грёб, опустив глаза.

Мы вылезли на набережной. Михаил поплыл обратно — к деревянной дороге и деревянным домам, скрытым дымкой. К этому уникальному месту под названием Острова, куда я так долго стремился.

Карапчевский тяжело опустился на скамейку и потёр виски. В воздухе потеплело, осенний запах сырости исчез.

— Ну, что, Иван, сегодня вы смотрели и наблюдали, — сказал Карапчевский. — Что думаете?

Я чесал шею и думал, что Гуров — тоже дифференциатор. Только он дифференциатор со стороны кхандов. Но в отличие от авзанов Гуров имел право быть дифференциатором. Так я думал, а вслух только сказал:

— После многих веков угнетения кханды имеют право не верить нам, ненавидеть нас.

Ещё я думал: они имеют право ненавидеть меня.

На кхандском берегу в паре сотен метров от деревянной дороги среди кустов можно было разглядеть остатки кирпичного сооружения. Просто груда развалившихся кирпичей. Это же опора моста, который взорвали при военном режиме!

— А что у вас за безделушка? — спросил Карапчевский. — Та, которую Гуров похвалил. Не покажете?

Я с неохотой достал ялк и дал его Карапчевскому. Карапчевский взял его всей ладонью. Я ждал, не изменится ли ялк от прикосновения Карапчевского. Никаких изменений не было.

— Тяжёленькая, — сказал Карапчевский.

Ялк и правда заставлял его напрячься.

— Да, тяжёленькая, — повторил Карапчевский. — Как и все кхандские игрушки. Гуров сам такие строгаёт. Мы пытались открыть магазин кхандских промыслов, но волокита... всегда волокита.

Он передал мне ялк и спросил:

— Откуда у вас эта штука?

— Подарок, — сказал я.

## Глава V. Пять лет назад, август

Август — хороший месяц. Ещё тридцать дней каникул впереди. И ехать в Лесной лагерь в августе не хуже, чем в июне.

К тому же это был не курорт для малышей, где двухэтажные корпуса, кровати, душ, столовая, радио и прочие удобства. Это был настоящий Лесной лагерь для старших классов. Палатки в лесу, костёр, а удобства... Можно обойтись и без удобств.

Отец достал рюкзак из багажника такси.

— Что ты ему туда положила? — спросил он у мамы. — Завтраки, обеды и ужины на весь месяц?

— Можно было доехать до лагеря на такси, — не отвечая на вопрос отца, сказала мама. — Это удобнее, чем на автобусе.

— На автобусе гораздо удобнее, — сказал отец и подмигнул Ване.

Ваня тоже подмигнул. Отец иногда понимал гимназические премудрости лучше мамы. Конечно, на такси удобнее. Но на автобусе ты едешь со всеми вместе. А в лагере один не проживёшь.

— Я побегу, — сказал Ваня, вешая рюкзак на плечо.

— Уже и побежал, — сказала мама. — А попрощаться?

— Да я побегу, — сказал Ваня.

Он торопился. Вдруг кому-то покажется подозрительным, что он так долго прощается с родителями? Уж не малыш ли он?

— Беги, беги, — сказал отец. — Не давай себя в обиду.

— Я узнала, что в этой смене есть один мальчик из вашего класса, — сказала мама. — Как же его? Жора?.. Если что, поможете друг другу. Всё-таки одноклассники.

Отец по лицу Вани понял, что Ваня будет вовсе не рад такой помощи. Мама ничего не поняла. Она погладила Ваню по волосам, по плечу, по рюкзаку и сказала:

— Ну, беги. Счастливого пути!

Ваня побежал к ребятам, которые толкались у автобуса в ожидании отъезда. Все были одеты в шорты, рубашки с короткими рукавами или футболки, кепки. Все несли такие же, как у Вани, огромные рюкзаки. Отдельно от остальных стояли те, кого до самого отъезда провожали родители или даже — вот смехота! — бабушки.

Первое, что расслышал Ваня в ребячем гомоне, — голос его одноклассника. Неужели это его голос? Жора, как его назвала мама. Или Гоша, как звали его в классе. Или Георгий Георгиевич, как звал он сам себя и требовал того же от своих дружков.

Жора, Гоша... Какая разница, какое у него имя!

— Поганка! — раздался над площадью Гошин голос.

Десять мальчишек сгрудились возле автобуса. Они прижали кого-то к автобусу и не выпускали. Стоявшие вокруг них вытягивали шеи и хихикали.

— Что там? — спросил Ваня.

— Поганка какая-то, — ответил сосед. — Ща ему покажут, как лезть в наш автобус.

Ваня удивлённо посмотрел на соседа и продвинулся вперёд. Гоша занимался любимым делом: издевался над одиночкой.

Этот одиночка тоже был семиклассником, тоже носил шорты и рубашку. Но всё-таки он сильно отличался от остальных. Бледная кожа, а у всех авзанов — смуглая. Светлые, светло-

серые волосы, а у всех авзанов — тёмные, чёрные, русые. Усики над губой, а все авзаны бреются, и особенно старательно бреются гимназисты, у которых усы и борода только начинают расти. Но больше всего Ваню поразил цвет глаз. Глаза были голубые. Ваня первый раз в жизни видел голубые глаза.

Кханд! Он видел кхандов только на журнальных фотографиях. Радио говорило, что кханды будут учиться в гимназиях с авзанами. Но в гимназии Вани не было кхандов. Во дворе тоже не было. А у них в лагере будет кханд.

Перед кхандом стоял Гоша. Он был охвачен жестоким весельем.

— Ты зачем сюда припёрся, а? — спросил он и несильно толкнул кханда ладонью в грудь.

Кханд не шелохнулся. Он смотрел исподлобья, причём не прямо на Гошу, а как бы мимо него, сквозь него.

— Молчишь, молчун! — сказал Гоша.

Он обернулся к зрителям, приглашая их посмеяться. Между зубов у него торчала то ли спичка, то ли зубочистка.

Кханд Ване не понравился. Но Гоша ему нравился ещё меньше. Ваня не был за кханда, но он был против Гоши. Хотя вмешиваться не собирался. И в лагере, и в гимназии главное правило: или тебя уважают, или считают слабаком. Третьего варианта нет. Кханд был слабаком. Заступаться за такого — терять завоёванное уважение.

Кто знает, чем бы всё закончилось, но тут гимназистов позвали в автобусы. Гоша стоял у входа и следил, чтобы кханд не смел войти.

— Ванёк, здорово! — сказал он. — Я уж думал, что никого из наших не будет. Вместе сядем.

Он, кажется, по-настоящему обрадовался. Ваня пожал его огромную ладонь. Они пропустили всех, потом залезли сами. Гоша согнал с переднего сиденья двух мальчишек, сел у окна, а Ваню усадил у прохода. Рюкзаки они запихали на полки.

Только теперь в автобус вошёл кханд. Совсем не впустить его Гоша не мог. Места для кханда, конечно, не было. Он прошёл в середину и встал там, цепляясь за поручень. «Осторожнее со своим рюкзаком, поганка», — сказал кто-то сзади. Гоша наклонился к Ване и, задевая его щёку зубочисткой, прошептал:

— Мы ему устроим каникулы. Он у нас потанцует.

\* \* \*

Три автобуса выехали с площади на дорогу и направились по Республиканской. Впереди и позади колонны ехали полицейские автомобили. Вот пронеслись небоскрёбы, потом дряхлые старинные дома и дряхлая набережная Ерги. Автобусы не доехали до дряхлого музея и свернули к объездной дороге. После объездной дороги — посёлки с краснокирпичными домиками, сглаженные холмики, берёзовые рощи, поля. На полях что-то росло. Ваня вспоминал свой микрорайон и бескрайние пустыри вокруг гимназии. На них давно ничего не росло, кроме мусора.

А за окном уже потемнело от сосновых боров с обеих сторон дороги. Один за другим тянулись заборы Лесных лагерей. В настоящем Лесном лагере заборов нет.

Передний автобус остановился у ворот одного лагеря. Другие два встали за ним. Три

потока гимназистов заняли всю обочину, часть дороги, вливались в ворота. Большинство — малыши, которых отправили за удобствами. Их выстроили по двое и повели к белому двухэтажному зданию с большими окнами.

Меньшинство — шестьдесят семиклассников и восьмиклассников, примерно две трети мальчишки — повели в сторону бора. В настоящий Лесной лагерь. Он находился в нескольких километрах в глубине леса. Скоро кто-то заныл, что ему тяжело, что у него болят ноги, что он дальше не пойдёт. Зачем они вообще поехали в лагерь? Ваня совсем не устал. Гоша сильно вспотел, но делал вид, что, если надо, пройдёт ещё столько же.

На поляне в середине бора стояла только одна большая палатка — это была столовая. Палатки для жилья лежали на поляне в сложенном виде. Вожатые велели гимназистам сбросить рюкзаки и ставить палатки. Почти никто не умел этого делать. Через три часа по краям поляны стояли десять палаток, каждая — на шесть человек. Немного отдельно стояли палатки на два человека — для вожатых. Это был первый урок Лесного лагеря — как ставить палатки.

Впереди было много других уроков. Рубка дров, разведение костра... Правда, готовить на костре не разрешали. Бидоны с только что приготовленной едой привозили из обычного лагеря на грузовике. Еда было вкусная и полезная. Ване не нравился только похожий на соплю «геркулес». Он никому не нравился.

Первая неделя была по-летнему жаркой. Все быстро загорели, всем хотелось подольше поплескаться в реке. Но на плесканье не оставалось времени. Ведь это был настоящий Лесной лагерь. А значит уроки продолжались — спорт, туризм, навыки выживания в дикой природе, ориентирование по приметам, по солнцу, по звёздам.

Гимназистов разделили на несколько команд. Ваня с Гошей оказались в команде под названием «Штурм». Капитаном выбрали восьмиклассника Толю по прозвищу Тринитротолуол. В эту же команду включили кханда. Команда громко возмущалась.

Вожатый Алексей, который отличался от остальных вожатых небольшой бородкой, собрал команду и сказал:

— Не прекратите вопли — поедете домой. Авзаны и кханды теперь должны жить вместе. Слышали про интеграционный эксперимент?

Они ничего не слышали и слышать не хотели. Вожатый Алексей целый час плёл про дружбу кхандов и авзанов, совместные классы, про что-то ещё. Его плохо слушали, перебивали, а через полчаса всё забыли. Запомнили одно: «поедете домой». Домой пока никому не хотелось. Вопить прекратили. С кхандом не дружили.

Кханд не был слабаком. Когда он перед купанием снял рубашку, то все увидели его мускулы. Гоша был выше и шире в плечах. Но у кханда были более мощные мускулы. У него были даже кубики на животе. А у Гоши над ремнём нависал кусок сала.

Кханд не был слабаком и в соревнованиях. Сначала он не показал ничего такого. В соревнованиях по подтягиваниям, отжиманиям, приседаниям он выступил хорошо — как большинство. Из лука он стрелял очень плохо, но потом наострился и стал одним из лучших стрелков. Тогда команда поняла, что зря возмущалась. Кханд принёс много очков. «Штурм» занял второе место после команды «Дружина».

Теперь кханда уже называли не «Ты!», «Эй!» и «Эй, ты!», а Кирилл или Кирюха.

Один Гоша в команде так же издевался над кхандом. Называл его «поганкой» и «молчуном». То пытался притопить его в реке, то выливал ему компот на рубашку, то ставил незаметную подножку. Кирилл умудрялся не тонуть и не падать. Рубашку, правда, пришлось

постирать в реке. Смеялись над шуточками Гоши, в основном, участники «Дружины» и других команд, но не «Штурма».

Как-то Гоша поставил подножку Кириллу на соревнованиях по лесной эстафете. Кирилл упал и до крови разбил нос о корягу, через которую надо было перепрыгнуть. После соревнования вся команда во главе с Толей окружила Гошу.

— Георгий Георгиевич, — сказал Толя, — ещё раз так сделаешь... — и вместо продолжения вытянул свой кулак с набитыми костяшками.

Тринитротолуол был рекордсменом лагеря по подтягиваниям, а в городе занимался боксом. Гоша уважал рекордсменов по подтягиваниям. Над Кириллом он издеваться перестал.

В чём Кирилл был рекордсменом, так это в древолазании. Вожатые постоянно следили, чтобы он взбирался на деревья только со страховкой, чтобы перелезал с дерева на дерева по канату только со страховкой, чтобы не прыгал с дерева на дерево даже со страховкой.

Потому что Кирилл прыгал. Точнее, прыгнул. Один раз, без всяких соревнований. Забрался на середину сосны и перегнул на соседнюю сосну. Он как будто летел. Не падал, а летел вверх. Он вцепился в ветку другой сосны и быстро слез. Руки и ноги были исцарапаны, но это такая ерунда. Зато сколько восторгов!..

Полёт увидел вожатый Алексей, который плёл про дружбу авзанов и кхандов. Он пообещал, что за это безобразие с команды снимут половину очков. Тогда она окажется в самом низу. Все участники команды принялись просить Алексея не выдавать Кирилла и не снимать очков. Алексей увидел, что дружба всё-таки началась, и сжалился. Команда осталось на втором месте.

\* \* \*

Впереди было последнее соревнование. Последняя игра. Игра месяца. Игра столетия!

За день до Последней игры Гоша подошёл к Толе, ведя с собой щуплого мальчишку.

— Я договорился, — сказал Гоша. — Я уйду в «Дружину». Вот моя замена.

— Это не по правилам, — сказал Толя.

— По правилам, по правилам, — сказал Гоша. — Можно поменяться за день до соревнований.

Собрались другие участники «Штурма».

— Георгий Георгиевич уходит в «Дружину», — сказал Толя. — Вот его замена.

— Замена? — закричали все. — Предатель! Гад!

И ещё много других слов, которые не должны были слышать вожатые.

— Орите, сколько влезет, — сказал Гоша. — Покедова!

Он выплюнул зубочистку под ноги капитану и ушёл.

— Пусть валит, — сказал Толя, потирая костяшки.

Ваня знал, что Гоша собирается уходить. Он накануне предложил Ване тоже перейти в «Дружину». Обещал, что договорится за обоих. Ваня не сказал ни да, ни нет. Он не хотел переходить в другую команду. Но возразить не решился. Гоша сумел договориться только за себя.

Понятно, он был выгодным приобретением для «Дружины», а Ваня был средним участником, никак себя не проявил. К тому же «Дружина» смогла избавиться от самого, как

выяснилось, слабого участника. Из-за него они чуть не продули эстафету. Теперь он был самым слабым участником «Штурма». Слабее девчонок. Вот повезло!

В день Последней игры светило яркое солнце, как в июне. Не верилось, что лето заканчивается.

Вожатые подозвали капитанов и выдали карты местности для первого этапа Последней игры. На картах обозначались тайники, где были спрятаны разные предметы. Нужно было, ориентируясь по карте, пройти по лесу и найти все тайники. Вроде бы легко. Но на карте не были указаны стороны света, зато были нарочно оставлены белые пятна и добавлены лишние детали — несуществующие деревья, тропинки, камни, ямы, ручьи. Ведь в старых картах всегда были пробелы и ошибки. Сразу выдали только карты для первого этапа. Карты для следующих одиннадцати этапов надо было находить в тех же тайниках.

Игра проходила на большой территории. Чтобы участники не заблудились, с ними шёл вожатый. Но он не имел права подсказывать.

— Приготовились! Внимание! Пошли! — крикнул один из вожатых.

Участники команд столпились вокруг своих капитанов с картами, потом медленно разбрелись по лесу. Первый тайник «Дружины» был на поляне, за палаткой вожатых. Это был брелок. Один из участников «Дружины» принёс найденный брелок вожатым и остался с ними — при находке предмета один участник выбывал. Гоша показал «Штурму» обидный жест.

«Штурм» застрял на краю поляны. Следопыты и Толя никак не могли определиться со сторонами света. «Дружина» уже нашла второй предмет, другие команды — по одному. «Штурм» — ни одного.

Ване очень хотелось выделиться, но он разбирался в картах ещё хуже Толи. Кирилл стоял и молча смотрел в лес, как будто что-то выискивал. Через несколько минут он вдруг сказал:

— За мной!

Он редко говорил, он и вправду был молчун. И говорил только тогда, когда кому-нибудь отвечал. Его неожиданные слова всех удивили. Не просто слова, а приказ. Он как будто стал капитаном.

— Куда? — спросил Толя.

— За мной, — повторил Кирилл.

Он повёл команду через кусты, по высокой траве и остановился у старой сосны. Он разгрёб наваленные ветки и поднял предмет — значок с гербом Туганска. Толя и вожатый остолбенели. Ведь Кирилл вроде бы даже в карту не заглянул.

— Надо отнести, — сказал Кирилл, протягивая Толе руку со значком.

Толя опомнился и передал значок слабаку, перешедшему из «Дружины». Слабак зажал значок в кулаке и убежал к вожатым. Толя склонился, чтобы подобрать новую карту. Кирилл то ли посмотрел, то ли не посмотрел на новую карту и снова сказал:

— За мной!

Теперь ему сразу поверили. Он привёл команду к пню, заросшему мхом. Под мхом лежал ещё один значок — с мамонтом. Ваня мысленно умолял Толю, чтобы тот не отправил его к вожатым. Ване хотелось досмотреть эти чудеса до конца. Толя отправил другого участника.

На перекрёстке тропинок Кирилл выкопал третий значок — с парусником. За четвёртым предметом он полез на сосну и сбросил оттуда новогодний значок с ёлкой.

— Опять значок, — сказал Толя.

— У каждой команды — свои предметы, — сказал вожатый. — У вас — значки, у других — брелки или модели автомобилей.

Они так говорили, как будто это было важно. Как будто они не видели, что Кирилл находит все предметы без карты.

— Можно мне вернуться? — спросил участник команды, которому было поручено отнести четвёртый предмет. — Я только посмотрю.

— Правила есть правила, — сказал вожатый.

— Крути педали, — сказал Толя.

Пятый значок — с Эверестом — Кирилл нашёл на берегу реки, в кустах шиповника. Толя дал значок Ване.

— Отдай другому, а, — попросил Ваня.

— Чего? — сказал Толя. — Бери и крути педали.

— Отдай другому, — сказал Кирилл. — За мной!

Толя помедлил, но отдал значок другому. Тот, другой посмотрел на Ваню с ненавистью.

Шестой значок... Седьмой... Восьмой... Девятый... В команде осталось трое: Ваня Толя и Кирилл. Десятый значок Толя всё-таки отдал Ване. Кирилл не возражал. Ваня схватил значок и со всей силы побежал к лагерю. На перекрёстке тропинок он немного спутался. По тропинке пробежал участник другой команды. Он не удержался, чтобы не крикнуть:

— Чего уши развесил?

Ваня пустился за ним и у лагеря обогнал. Участники «Штурма» кинулись к нему с вопросами. Другие команды тоже прослышали про то, как Кирилл находит предметы. Вожатые стояли кружком и что-то обсуждали.

Через минуту прибежал Толя. Другие команды отставали на два-три-четыре предмета. «Дружина» принесла только восемь. Гоша сидел с понурым видом. Жалел, наверное, что поменял команду, предатель.

Прибежали ещё несколько участников других команд. Кирилла не было.

— Где же он? — сказал Толя.

— Придёт, — сказал Ваня.

— Тюменев, — сказал Толя, — ты попробуй ещё меня не послушаться...

— Да я... — начал Ваня.

Из кустов выбежал Кирилл и передал вожатым значок: белый, круглый, с написанными карандашом цифрами 12. Это была чистая победа! «Штурм» был на первом месте и в Последней игре, и в общем зачёте по всем соревнованиям. Участники команды обступили Кирилла, жали ему руку, хлопали по спине, орали: «Молодец!»

Участники «Дружины» и других команд смотрели подозрительно. Они собирались группками и перешёптывались. Некоторые подходили к вожатым и что-то им говорили. Вожатые тоже были недовольны.

— Да чего тут, они обманщики! — слышался знакомый Гошин голос.

Он стоял возле вожатых с капитаном своей команды.

— Обманщики! — сказал Гоша. — Они заранее всё знали. Как-то узнали, где тайники.

Нечестная игра!

Другие тоже закричали:

— Обманщики!

— Нечестная игра!

— Мы бы тоже так!..

— Переигровка!

Вожатые с трудом успокоили всех участников. Вожатый Алексей с небольшой бородкой попросил Кирилла и Толю подойти. Вожатые отвели их в сторону и тихо расспрашивали.

— Обманщики! — опять крикнул Гоша.

Вожатые с Кириллом и Толей подошли к остальным. Кирилл был белый, как мел. Толя — красный, как помидор.

— Кирилл, ты не хочешь нам рассказать, как ты нашёл предметы, — сказал вожатый Алексей. — Расскажи ребятам. Они не верят, что ты выиграл честно.

Кирилл молчал.

— Молчишь, молчун! — сказал Гоша. — Нечего возразить!

— Ну, давай, — сказал Толя Кириллу. — Ты ведь видел все карты!

— Он сам может за себя ответить, — сказал вожатый Алексей.

Кирилл молчал.

— Ладно, — сказал Алексей. — Сейчас обед. После обеда мы решим, кто победил.

«Штурм» обедал невесело. На Кирилла смотрели с упрёками.

— Скажи им, что видел все карты, — шептал Кириллу Толя. — Скажи им, что хорошо ориентируешься в лесу. Ты же с Островов. Вы же в лесу живёте.

Кирилл оставил недоеденную кашу и вышел из столовой.

После обеда подул прохладный ветер. Вожатый Алексей собрал всех и сообщил, что переигровки не будет. «Штурм» исключается из соревнований за нарушения во время Последней игры. Все предыдущие результаты «Штурма» отменяются. Первое место в общем зачёте занимает команда «Дружина».

## Глава VI. Май

О том, что скоро день рождения Карапчевского, я, конечно, знал. Но я не предполагал, что Карапчевский пригласит на праздник меня. Ведь день рождения — это для семьи, для друзей. Я даже дома у него не бывал.

Всё-таки Карапчевский меня пригласил. Он сделал это так искренне, что я не стал отнекиваться. Не скрою, мне было приятно. Я чувствовал себя избранным. Насчёт подарка он предупредил: «Не надо ничего оригинального и дорогого. Хватит хорошей книги. Я совсем оторвался от современной литературы. Купите мне последний роман интересного писателя, на ваш вкус».

В тёплое, почти летнее воскресенье я шёл к дому Карапчевского. Он жил в доме на Аптекарской улице, рядом с нашим институтом. Дом был построен двадцать лет назад, но в старинном стиле — с атлантами и кариатидами. Здесь жили почти все наши профессора.

Во дворе, заросшем сиренью и черёмухой, я встретил одного из профессоров — Жебелева. Конечно, он тоже был приглашён. Худощавый, стройный, он, как всегда, был в костюме с бабочкой. Я думаю, Жебелев даже дома ходил в костюме с бабочкой. За это, среди прочего, он и был любим студентами. В руках у него было два небольших свёртка — побольше и поменьше — и огромный букет тюльпанов.

Жебелев не удивился моему приходу. Он же сам дал мне рекомендацию для Карапчевского. Он с сомнением оглядел мою бороду, но ничего не сказал. Мы вдвоём вошли в первый подъезд, поднялись на второй этаж.

Дверь открыла женщина в длинном, в пол платье, запахнутом, как халат, без рукавов, со стоячим воротником. Её тёмно-каштановые волосы были уложены наверх.

— Вот и первые гости, — сказала она и впустила нас в большую прихожую.

По возрасту она была немного младше Карапчевского и Жебелева. По внешности — красивее всех женщин, которых я видел в своей жизни. Как назвать красавицу, которая красивее любых красавиц? В десять раз красивее, в сто раз. Нимфа. Богиня красоты.

— Здравствуй, Женя, — сказал Жебелев и вручил ей букет.

Голова женщины исчезла за цветами.

Я поздоровался.

— Женя, познакомься, это Иван, — сказал Жебелев.

— Я знаю, новый Сашин ассистент, — сказала женщина. — Он постоянно о вас рассказывает, не может нахвалиться. Иван то, Иван сё...

Она говорила без всякой издёвки. Мне оставалось только покраснеть.

— А это — Евгения Валерьевна, — сказал Жебелев. — Супруга Александра Дмитриевича.

— Очень рад, — сказал я.

Я подумал, если меня позовут ещё раз, то я тоже приду с тюльпанами.

— Только не Валерьевна, — сказала жена Карапчевского. — Просто Евгения. А то я буду как старушка. Хорошо, Иван?

— Хорошо, — сказал я. Но назвать её Евгенией не решился.

Она провела нас в гостиную, а сама с цветами вышла в другую комнату. Квартира была побольше нашей. Высокие потолки, высокие окна с широкими подоконниками. Но никакой роскоши — дорогой мебели, статуй, ковров, фарфоровых ваз. Коридор и гостиную украшали

только несколько картин в простых рамах и бесконечные, бесконечные полки с книгами.

Посреди гостиной стоял накрытый стол — салаты, бутерброды, шоколад, вино, фрукты, орехи в меду, домашняя выпечка, рыбные уши. Тоже ничего особенного. Карапчевский стоял у небольшого столика и говорил по телефону: «Юрак... Да, озеро... — Он заметил нас, кивнул и продолжил: — Я сам ничего не знаю... Звони в любое время... До скорого...» Он звякнул трубкой.

— Саша, давай хоть сегодня не будем о деле, — входя, сказала Евгения.

Она поставила на столик хрустальную вазу с букетом.

— Не будем, — сказал Карапчевский.

Он пожал нам руки и обнял жену за талию.

— Вы уже познакомились? — спросил он.

— Познакомились, — сказала Евгения. — Это Иван, твой драгоценный работник. А это... — Она положила на грудь ладонь с длинными пальцами. — Это не Евгения Валерьевна, а просто Евгения.

— Просто Евгения, — повторил Карапчевский. — Просто Иван. Просто Сергей Павлович Жебелев. Как ты, старый ворон? Ещё каркаешь?

— От покорного слуги, — сказал Жебелев.

Он протянул Карапчевскому свёрток побольше. В свёртке была книга. Семнадцатый том самого первого издания «Академики». Книги имеют свою судьбу. У этой книги судьба была очень сложная.

Жебелев на лекциях нам рассказывал. Первое издание «Большой академической энциклопедии» — не такая уж редкость, есть в любой крупной библиотеке и у многих коллекционеров. Но семнадцатый том — раритет из раритетов. При военном режиме его приказано было уничтожить. По одной-единственной причине: там была статья о кхандах. Во всех последующих изданиях кханды упоминались один раз — в статье про эволюцию человека. Только в последнем издании благодаря интеграторам появилась и отдельная статья про кхандов, и много других упоминаний.

— Даже у нас в Инткоме его нет, — сказал Карапчевский. — Где же ты его нашёл?

— В Константинополе у бывшего букиниста, — объяснил Жебелев. — Он давно не торгует, но у него много сокровищ, и все в отличном состоянии. Зайди к нему как-нибудь, я тебе оставлю адрес.

Карапчевский не стал пока ставить семнадцатый том к остальным сорока и двум дополнительным томам, которые у него уже были и занимали три полки. Он положил книгу на столик возле телефона.

— А где твоя дочь? — спросил Жебелев.

— А где Лиза? — спросил Карапчевский у жены.

— У себя в комнате, наверное, — сказала Евгения. — Странно. Она к Серёже всегда бежит, как к родному дядюшке.

Евгения снова вышла.

— Кто ещё придёт? — спросил Жебелев. — Никита?

— Никита-то придёт, — сказал Карапчевский, — а больше никто.

Видно было, что Жебелев хотел ещё что-то сказать.

— Иван, а у вас что-нибудь есть для меня? — спросил Карапчевский.

Я вручил свой подарок. Как и заказывал Карапчевский, последний роман интересного писателя. Исторический детектив из времён монархии. Карапчевский и этим подарком был

доволен и тоже поставил его на столик.

Евгения привела девочку лет двенадцати. Лицо и фигура дочери были отражением материнских. Густые тёмно-каштановые волосы — у дочери они были уложены в широкую косу, — высокий лоб, прямой ровный нос, тонкие губы, гордый подбородок. Только у Евгении все черты были сглажены, её движения были плавными. Дочь была угловатая, разболтанная, как всякий подросток.

Девочка вошла хмурая, но увидела Жебелева и радостно заулыбалась.

— А я думала, это Никмак, — пробормотала она.

— Лиза! — возмутилась Евгения. — Что это ещё за клички? А Сергея Павловича ты как назовёшь?

— Серпал, — сказал Карапчевский, подавляя смех.

— Опять ты ей потокаешь, — сказала Евгения.

— Ладно, ладно, потом займётесь воспитанием, — сказал Жебелев. — Вот, Лиза, это тебе.

Он дал ей свёрток поменьше. Здесь тоже была книга. Нет, не книга. Совсем не книга. Больше, чем книга.

Это был мнемоник. Первая и пока последняя модель. Я видел его живьём на техновыставке в прошлом году. Ни у кого из моих знакомых его не было. О таком подарке я и мечтать не мог!

По глазам Лизы было видно, что она тоже быстро поняла, какая вещь ей досталась.

— Дядя Сергей!.. — только и сказала она.

— Совсем избаловали ребёнка, — сказала Евгения.

— Это для учёбы, — сказал Жебелев.

— Ведь день рождения у Саши, а не у Лизы. Ты не мог хотя бы потерпеть до лета? Что ты подаришь летом? Аэроплан?

— Кажется, аэроплан не намного дороже этой штуки, — неосторожно сказал Карапчевский.

Евгения ойкнула.

— Намного, намного дороже, — поспешил сказать Жебелев. — Не слушай его. Мне вообще продали с большой скидкой.

— Как сто первому покупателю, — сказал Карапчевский.

На самом деле, я видел, что все упрёки, которые Евгения обращала в адрес Жебелева и Карапчевского, были игрой. Она вовсе не сердилась. Все они беззлобно перешучивались, как старые знакомые. Как мы с Артёмом и Денисом. Хотел бы я быть своим и в этой компании.

Карапчевский с женой и Жебелевым присели за стол и продолжали говорить о своём. Евгения повернулась и включила радио. Негромко запиликала скрипка, её поддержало фортепиано. Лиза, перекинув косу через плечо и поджав одну ногу, уселась на диван и углубилась в мнемоник.

Я, попросив разрешения, копался в книжных полках. Чего тут только не было. Кроме первого издания «Академики», ещё десятки старых книг — собрания сочинений классиков, исторические труды, мемуары, статистика, альбомы по изобразительному искусству. Были и более новые издания. За подборками толстых журналов пряталась папка «О-ва (I)». Вот она где лежит! Надо будет запомнить.

На соседней полке стояли совсем новые книги. Среди прочих романов — последний роман интересного писателя. Тот самый исторический детектив. Я оглянулся на

Карапчевского. Значит, у него уже была эта книга, а он виду не подал. И его жена тоже. А могли бы меня высмеять. Хорошие люди хороши во всём.

Я отошёл от полок и стал смотреть картины. Два портрета Карапчевского — совсем молодого и теперешнего, без бороды и с бородой. Портреты Жебелева, Никиты Максимовича, каких-то неизвестных мне людей. Портрет маленькой девочки с тёмно-каштановыми волосами и круглым лицом, которая прижимает к себе книгу. Небоскрёбы, в которых отражаются облака. Знакомый двор с сиренями и черёмухами. Слияние Туганки и Ерги, а вдали — дымка Островов.

На всех картинах была одна подпись — «Карапч...». Неужели Александр Дмитриевич? Или Никита Максимович? Никогда не слышал, что они занимались живописью. Это не Лиза — на детские рисунки не похоже. Я посмотрел на подпись внимательнее: «Карапч...я». Ну, конечно, это Евгения! Все в этом семействе талантливы, и каждый талантлив по-своему. Разве не счастье, что меня сюда приняли?

Мой взгляд упал на лежавшую на телефонном столике газету «Хронос». На первой полосе подробно писали о выступлении первого консула.

«Господин первый консул подчеркнул, что наши корни не только в Риме и Греции, но и в Египте: „Римляне учились у греков, а греки — у египтян. Я не призываю отказываться от римского права и греческой философии. Я призываю вернуться и к египетской мудрости. Всеохватной, универсальной мудрости“. Последние слова были встречены бурными аплодисментами».

\* \* \*

Прозвенел дверной звонок. Карапчевский со словами: «Вот и Никмак», — пошёл открывать. Послышался голос Никиты Максимовича. Все поднялись, чтобы приветствовать Бульдога. Лиза скривила недовольное лицо, поджала под себя вторую ногу, и снова уткнулась в мнемоник.

Никита Максимович тоже приготовил для Евгении тюльпаны, а для Карапчевского — сверкающую двухпудовую гирию. Гирию, пыхтя и кряхтя, внёс грузчик в фартуке, который тут же удалился.

— Никита, ты с ума сошёл! — сказала Евгения.

— Саша от тебя скрывает, но врачи ему посоветовали больше физических упражнений, — сказал Никита Максимович. — Сидячий образ жизни приводит к известным последствиям. — Он погладил свой живот.

— Да я же её не подниму, — сказал Карапчевский.

— А ты постепенно.

Никита Максимович опять открыл дверь. Вошёл тот же грузчик с напарником. Первый нёс гирию пудовую и гирию в полпуда. Второй нёс гирию в четверть пуда и совсем крохотную, для детской ручки. Они получили чаевые и удалились окончательно.

— Начни с вот этой. — Никита Максимович передал Карапчевскому гирию-крошку.

— Это тебе такие подарки нужно дарить, — сказал Жебелев.

Никита Максимович вместо ответа взялся за пудовую гирию... Евгения опять ойкнула. Никита Максимович передумал и взялся за двухпудовку. Все разошлись, как будто он

собрался метать этот ужасный снаряд. Никита Максимович напрягся, рванул гирию до груди, начал толкать руку вверх, почти разогнул руку... Но в самом конце не смог преодолеть страшную дрожь и сдался.

Мы вернулись в гостиную. Лиза не обратила на нас внимания.

— Для нового поколения, — сказал Никита Максимович и положил на стол «Чёрную землю фараонов» в новом издании.

— Лиза, это для тебя, — сказал Карапчевский.

— Спасибо, — буркнула Лиза, не поворачивая головы.

— Избаловали, — сказала Евгения. — Никита, ты посмотри, что Серёжа подарил нашей Лизе. Теперь наша принцесса не хочет видеть никаких книг.

Никита Максимович пригляделся к игрушке.

— Женя, это чрезвычайно полезная вещь для учёбы, — сказал он.

— Сговорились, — сказала Евгения. — Трое против одного. Против одной.

— Саша, на два слова. — Никита Максимович потянул Карапчевского, а заодно меня в коридор.

Евгения посмотрела нам вслед, но ничего не сказала.

В самом конце коридора Никита Максимович шёпотом сказал, что Виталия Петровича уволили с поста директора Первой образцовой гимназии, а директором стал один из учителей — почти неприкрытый дифференциатор. О возвращении совместного обучения не может быть речи.

— Я не хотел портить праздник, но ты должен был знать.

— Конечно, должен, — сказал Карапчевский. — Наверное, следует позвонить Виталию Петровичу?

— Я звонил. Отвечают, что он простудился и слишком слаб, чтобы говорить.

— Какие же они подонки! Когда он хотел сам уйти, его непустили. Теперь выгоняют.

Мне было жаль знаменитого директора. Один из немногих сторонников интеграции среди начальства. Мы вернулись в гостиную с печальными лицами.

— Дела? — спросила Евгения.

— Дела, — сказал Карапчевский. — Инткомовские мелочи.

Никита Максимович быстро переменял выражение лица и сказал:

— Прошу внимания!

С видом фокусника, который достаёт из кармана голубя, он достал какую-то бумагу. Это была поздравительная телеграмма от первого помощника первого консула, которая пришла на адрес Инткома. Никита Максимович её немедленно зачитал. Он был из тех людей, которые сначала сообщают плохую новость, а потом — хорошую.

— От первого помощника второго заместителя третьего письмоводителя, — ухмыльнулся Карапчевский. — Раньше он сам мне звонил.

— Не замечал за тобой такой амбициозности, — сказал Жебелев.

— Я же не о своих амбициях говорю, — сказал Карапчевский. — Я говорю о деле. Эта телеграмма — презрение не ко мне, а к моему делу. К нашему общему делу.

— А я считаю, что ты не прав, Саша, — сказал Никита Максимович. — В нашем положении даже такая телеграмма — победа. Завтра — это я тебе обещаю — о ней узнают в префектуре и в Доме заместителя...

— И поймут, что Карапчевский совсем сдулся.

— И поймут, что Карапчевский ещё на коне.

Зазвенел телефон. Трубку по знаку Карапчевского взяла Евгения.

— Префект, — сказала она Карапчевскому.

Карапчевский помотал головой.

— Извините, он ненадолго вышел, — сказала Евгения в трубку. — Что ему передать?..

Хорошо... Большое спасибо... До свидания. — Она положила трубку и сказала: — Поздравил.

— А ты жаловался, — сказал Никита Максимович.

Тут же телефон зазвенел снова. Это был заместитель. Он тоже поздравил Карапчевского через Евгению.

Пиршество было в разгаре, когда телефон позвонил в третий раз.

— Гуров, — делая круглые глаза, сказала Евгения.

Карапчевский торопливо схватил трубку.

— Да, Семён Кириллович, — сказал он. — Спасибо огромное... Всё хорошо, все здоровы... Иван?

Все посмотрели на меня.

— Иван в полном порядке... — сказал Карапчевский в трубку. — Ещё раз огромное спасибо... Вам того же.

Он повесил трубку и сказал:

— Не ожидал. Вам, Иван, привет.

Никита Максимович спросил о том, что подарили Карапчевскому. Карапчевский показал подарки. Никита Максимович стал говорить о пользе физических упражнений. Жебелев сказал про изометрическую гимнастику. Евгения сказала, что лучшее средство от болезней — это солнце и свежий воздух. Я дожевал очередной пирожок и сказал, что...

Дверной звонок заставил всех насторожиться. Больше никого не ждали. Никита Максимович пошёл открывать дверь и вернулся с двумя усачами в очках и свитерах. Это были гости из Новоергинского университета — географ и физик. Ветераны интеграции, старые знакомые Карапчевского и всей компании. Они принесли стопку книг — новые издания университета — и сразу засобирались уходить.

— Куда же вы, ребята? Только пришли, — сказал Карапчевский.

— Пора, пора, — сказал физик. — Мы ведь проездом. Специально полетели с пересадкой, не могли тебя не поздравить. Завтра конференция в Константинополе. Все светила собираются.

— Вы хоть на полчаса присядьте, — сказала Евгения.

— Извини, Женя, никак, внизу такси стоит, — сказал географ.

Физик подцепил вилкой рыбное ухо, прожевал и сказал:

— Неправильно их у вас готовят.

— Все новоергинцы почему-то считают, что их город — родина рыбных ушей, а в других городах их готовят неправильно, — сказал Жебелев. — Туганцы считают, что именно их город — родина рыбных ушей, а в остальных городах...

— И так — в каждом городе от Юрска до Атласова, — сказал Карапчевский.

Евгения дала гостям завёрнутые в бумагу пирожки, и все двинулись проводить их до такси. Перед уходом физик три раза выжал двухпудовку, чем вызвал всеобщие восторги. Особенно восторгался Никита Максимович.

Я решил не участвовать в проводах и остался с Лизой. Она уже немного наигралась с мнемоником и теперь поедала второй кусок торта, предварительно политый мёдом.

— Хотите торт? — как заботливая хозяйка спросила Лиза.

Я тоже взял кусок и тоже полил его мёдом. Лиза одобрительно кивнула.

— Я уже читала «Чёрную землю фараонов», — сказала она сквозь жевание.

— Я тоже, — сказал я. — Только давно. Лет пять назад.

— А я в прошлом году.

— Поэтому ты так надулась на Никиту Максимовича? Из-за книги?

— Вовсе не надулась, — сказала Лиза. — И вовсе не из-за книги.

— А, по-моему, Никита Максимович — отличный мужик. Твоему отцу помогает, и вообще...

— Никакой не отличный. Ты ничего про него не знаешь.

— А ты знаешь?

— Знаю, но не скажу, — сказала Лиза, впихнула последний кусок в рот и ушла.

\* \* \*

Голос Карапчевского был слышен уже из-за двери.

— Опять ты защищаешь предателей, — говорил он. — Кто ушёл, тот предатель...

Дверь открылась.

— Ты пойми... — сказал Жебелев.

— Никого не хочу понимать, никому не хочу прощать, — сказал Карапчевский. — Я десять лет всех понимал и всех прощал. Теперь так: кто ушёл, тот предатель. Кто остался...

— Саша, мы ведь договорились — хоть сегодня не будем о деле, — сказала Евгения.

— В моём деле нет выходных, нет отпусков, — сказал Карапчевский. — Ты это знала, когда выходила за меня замуж.

— Я выходила за журналиста, а не за политика.

— А я не политик. Забыла наш лозунг? «Интеграция — не политика. Интеграция — смысл жизни».

— У других людей — другой смысл жизни, — сказал Жебелев.

— Интеграция — самое главное, — настаивал Карапчевский.

Можно было подумать, что он пьян. Но он вовсе не был пьян. Он говорил не визгливым голосом пьяного человека. Он говорил тем твёрдым голосом, который был ему свойствен в минуты решительности. Только углы губ загибались вниз сильнее, чем обычно.

— Теперь эти так называемые учёные говорят мне, что они разочаровались в интеграции. У них, видите ли, ничего не получилось. Они заехали ко мне, чтобы поделиться со мной своими нелепыми оправданиями. Они, наверное, ожидали от меня сочувствия.

— Они долго тебя поддерживали, — сказал Жебелев.

— Недостаточно долго, — сказал Карапчевский.

— Никита, ты ему объясни... — сказал Жебелев.

Никита Максимович могуче выдохнул.

— Не трать слов, — сказал Карапчевский. — Я знаю все аргументы. Они долго меня поддерживали, они отдали все силы, они не видят результатов своей работы. Они разочаровались, они устали. Нужно понять и простить. Я тоже сначала себя в этом убеждал. Ушёл один, ушёл второй, ушёл третий. Я говорил себе: они устали. Я их понимал и прощал. Ушёл Игнат. Я сказал себе: он устал. Я его понял и простил.

— Простил? — спросил Жебелев.

— Нет, не простил! — сказал Карапчевский. — Не простил, потому что пришёл Иван.

Все обернулись на меня. Я безуспешно пытался вытереть салфеткой испачканные мёдом пальцы.

— Знаете, в чём важность Ивана? — спросил Карапчевский.

— В том, что ко вторнику он должен сделать доклад на моём семинаре, — сказал Жебелев.

— И сделает, — сказал Карапчевский. — Иван — человек слова. Важность его не в том что он пришёл в Интком, а в том, когда он пришёл. Он пришёл, когда всё рушится, когда предатели множатся с каждым днём. А он всё равно пришёл. Он пришёл не в то влиятельное учреждение, каким Интком был десять лет назад. Он пришёл к кучке изгоев. Такими мы были пятнадцать лет назад. И пока к нам приходят такие, как Иван, наше дело будет жить.

— Ты не можешь отрицать, что Игнат тоже многим пожертвовал, — сказал Жебелев. — Он был высококлассный инженер-электронщик, чудо-ребёнок. Ещё когда он учился, его зывали за границу. А он поехал с тобой в Туганск, переворачивать мир. А потом...

— А потом сломался, — сказал Карапчевский. — Не смог совладать с трудностями. Значит, не надо было начинать.

— Он ведь отдал интеграции все свои молодые годы, — сказал Жебелев. — Как ты можешь?..

— Годы! — сказал Карапчевский. — Всего лишь годы. И устал, разочаровался. Ты понимаешь, что для изменения мира годов мало? Тысячи лет существовали правила, по которым жил этот мир. Нам на изменение правил дали только десять лет. А нужны века. Нам нужны люди, которые думают не о годах, а о веках.

— Тебе нужны механические люди, — сказал Жебелев. — Автоматы, а не люди.

Они так и стояли возле стола. Никита Максимович присел и освежился вином. Евгения не отходила от мужа. Правой рукой она держала его руку, а левой нежно поглаживала бутоны тюльпанов. Потом она взяла левой руку Жебелева и сказала:

— Зачем вы спорите? На самом деле, вы друзья и единомышленники. Здесь все твои единомышленники, Саша.

— Возможно, я чего-то не понимаю, — примирительным тоном сказал Жебелев. — Я всего лишь архивист. Бумажный червь. Мне прошлый век ближе сегодняшнего.

— Не прибедняйся, — сказал Карапчевский.

— Возможно, я не разбираюсь в современности. Но я прилично разбираюсь в прошлом. Я вижу, что в прошлом такие радикалы, как ты, всегда проигрывали. Радикалы требовали утопии немедленно. Никто не добился утопии.

— В этом твоя ошибка. Радикалы требовали утопии, зная, что не добьются утопии. Зато по ходу дела они добивались малых улучшений, которые на волосок приближали наше общество к утопии. Чтобы добиться от человечества немногого, следует требовать от него побольше.

— Радикализм, как и было сказано.

— Я готов пойти на любой радикальный шаг, если это поможет кхандам.

Он вырвал руку, сел за стол и налил всем вина.

— За кхандов! — провозгласил он и выпил первый, когда никто не успел коснуться бокалов.

Никита Максимович, Жебелев и я выпили. Евгения чуть пригубила и села на диван

рядом со мной. Я взял пирожок и принялся быстро его пожирать.

— Возьмём, для примера, твоих кхандов... — сказал Жебелев.

— Моих, — сказал Карапчевский.

— Возьмём кхандов. Ты утверждаешь, что хорошо их понимаешь.

— Ты как будто сомневаешься, Серёжа, — вступил долго молчавший Никита Максимович. — Саша — лучший в мире специалист по кхандам. Есть те, кто лучше знает их историю. Есть те, кто лучше знает их биологию. Но, так сказать, лучшим в мире кхандоведом — специалистом по кхандам вообще — является Саша.

Карапчевский хлопнул Никиту Максимовича по плечу. Тут-то я заметил, что, несмотря на разницу в телосложении, у Александра и Никиты Карапчевских было много общего в чертах лица: в форме носа, глаз, губ. На самом деле, эти двоюродные братья больше похожи на родных братьев, чем некоторые родные. Как там было сказано? «Друг мой, брат мой! Больше, чем брат!»

— В прошлом было много отличных кхандоведов, — сказал Карапчевский. — Помнишь, был такой автономист — Золотцов?

— Иннокентий Прокофьевич, — сказал Жебелев. — Протоинтегратор. Он предлагал забирать у кхандов младенцев и воспитывать их как авзанов.

— Да, это было слишком... Это был слишком...

— ...Слишком радикальный шаг.

Карапчевский поставил локти на стол, сложил пальцы куполом — кончики расставленных пальцев одной руки прижаты к кончикам расставленных пальцев другой руки — и мимо купола смотрел на Жебелева.

— Ты утверждаешь, Саня, что хорошо понимаешь кхандов, — сказал Жебелев. — А кем были твои родители? Твой отец был профессором. И твой дед был профессором. И ты сам почётный профессор, а мог бы стать и настоящим. А мой отец был машинистом на паровозе, а дед — пахарем. Тебе не приходит в голову, что я могу понять кхандов лучше тебя?

— То есть ты простолюдин, а я — аристократ? — сказал Карапчевский.

— Я простой архивист, бумажный червь. А ты — почти министр.

— Без министерства. Зато ты — настоящий профессор, без «почти».

— Вот и обменялись любезностями, — сказала Евгения.

Мне не нравились слова Жебелева. Я видел в них издёвку над Карапчевским и над интеграцией. Карапчевский круглые сутки помогает кхандам, а Жебелев ничего для них не делает. Так какая разница, у кого какое происхождение и у кого какие отцы?

Недаром у Жебелева такое чисто выбритое лицо — как у Игната, как у всех чиновников, как у шофёров, как у первого консула...

Я только теперь осознал, что у первого консула тоже бритое лицо.

\* \* \*

В дверном проёме показалась Лизина голова. Лиза открыла рот, показала зубы и зарычала. Компания засмеялась. Лиза на цыпочках, медленно вошла в гостиную и зарычала ещё громче. Смех продолжался. Лиза нахмурилась и покрутила в воздухе руками.

— Всё понятно. Это волк, — сказал Карапчевский.

Лиза покрутила руками. Перебрали всех хищных зверей.

— Динозавр, — сказал Карапчевский, явно увлечённый игрой.

Лиза ещё походила и покрутила руками, и Карапчевский сказал:

— А, тираннозавр!

— Правильно, папа! — сказала Лиза. — Теперь ты.

Карапчевский не стал мудрить и загадал собаку, почесав ногой ухо. Жебелев загадал верблюда, сделав челюстями жевательные движения. Лиза возмутилась, что всё слишком просто, и загадала пишущую машинку. Никита Максимович загадал молодость. Я загадал дружбу. Евгения загадала творчество. Лиза возмутилась, что всё слишком сложно. По её просьбе Карапчевский уступил ей очередь, и она загадала то, что никто не мог отгадать полчасика.

Варианты повисали в воздухе, а Лиза всё хмурилась и крутила руками. Перечислили уже половину словаря, а Лиза хмурилась. До меня дошло.

— Мнемоник! — сказал я.

— Правильно! — сказала Лиза.

— Утомила ты нас, дочка, — сказала Евгения. — Давайте уже пить чай.

Все согласились. Евгения хотела пойти на кухню, но Лиза сказала, что сама всё приготовит и сама всё принесёт. На всякий случай с ней послали меня.

И на кухне тоже не было ничего особенного. Из украшений — только подходящая по теме картина художницы Карапчевской: блюдо с фруктами. Лиза поставила чайник и села на стул. Она была ещё наполнена настроением игры.

Почему-то мне захотелось показать ей ялк. Почему? Чтобы её поразить? А зачем мне нужно поражать двенадцатилетнюю девчонку? Может быть, мне хотелось поразить её мать?.. Лучше об этом не думать.

Я закрыл жалюзи и сказал:

— Смотри, что у меня есть.

Ялк лежал в моей ладони и светился изнутри красным светом. Я слегка сжал ялк пальцами, и красный свет сменился жёлтым, усилился, распространился на всю кухню. Свет постепенно переходил из жёлтого в зелёный, голубой, фиолетовый, красный. Наконец по кухне разлился мягкий белый свет. В этом свете были отчётливо видны каждый шкаф, каждая тарелка, каждое блюдце, каждая деталь мебели, каждый бугорок на изразцах, каждая крапинка на паркете, каждый штришок краски на картине, каждый волосок на голове Лизы.

Лиза спокойно смотрела на ялк. Она не особенно поразилась. Не удивилась, не обрадовалась, не испугалась.

Свет слабел. Только внутри ялка ещё угольком светилась красная точка, но и она быстро потухла. После этого света кухня показалась полутёмной, серой, запылённой.

Лиза так и не удивилась. Если бы у меня был мнемоник, подумалось мне, я бы тоже не удивлялся какой-то деревяшке...

Однако любопытством Лиза не была обделена. Она без слов протянула мне руку. Я дал ей ялк. Она взяла его без всяких усилий и прошептала сама себе: «Лёгкий...». Изменений в цвете сначала не было.

Лиза приблизила ялк к губам и тихонько подышала на него, как на замёрзшее стекло. Красный уголёк разгорелся. Свет менял цвета, становился сильнее, и снова вся кухня озарилась мягким белым светом. Ялк светился даже сильнее, чем от моих рук. Тонкие пальцы Лизы как будто стали прозрачными. Когда свет снова потух, Лиза торжествующе улыбнулась.

Я хотел поразить Лизу, а поразился сам. Она, не отдавая ялк, выпалила: «Подожди», — и метнулась из кухни. Неужели она собиралась тут же посвятить во всё родителей?

Лиза быстро вернулась — она бегала в свою комнату. В одной руке у неё был мой ялк. В другой — украшенный похожими узорами шар. Такие же шары стояли на полках в доме Гурова.

— Это папе подарили, — сказала Лиза и слегка сжала шар пальцами.

Внутри шара загорелся красный уголёк.

## Глава VII. Июнь

На экзамене по истории тёмных веков Майя упала в обморок. Она не боялась провалиться, она знала всё на пять с плюсом. Она упала в обморок из-за жары. Это был второй случай, когда студентка истфила упала в обморок. Первый закончился ничем. После второго к декану пришёл отец Майи. Сам не видел, но говорили, что разговор был серьёзный.

На следующий день в коридорах появились памятки, как избежать теплового удара, а в буфете стали бесплатно раздавать минеральную воду и яблочный сок.

Жара была страшная. Температура не опускалась ниже плюс тридцати даже ночью. За городом горели леса и торфяники.

Когда я ехал домой, то с эстакады видел зависший над улицами желтоватый туман — смесь автомобильных выхлопных газов, заводского дыма и дыма от пожаров. Особенно густым туман был над промзоной и микрорайонами. Радио советовало горожанам не выпускать из дома детей, пореже открывать окна и, выходя на улицу, надевать на лицо ватно-марлевую повязку. Детские сады закрылись, в гимназиях перенесли выпускные экзамены.

В институте экзамены никто не перенёс. Наверное, правильно. Мы все хотели как можно скорее перейти на третий курс. Аудитории были как комнаты пыток. Пытки были на любой вкус. Хотите задохнуться от жары — закройте окно. Хотите задохнуться от жёлтого тумана — откройте окно. Каждый из профессоров выбирал меньшее из зол. У каждого меньшее из зол было своё собственное. Профессор тёмных веков считал меньшим злом жару. За что Майя и поплатилась.

В день экзамена по литературе тёмных веков нас собрал Жебелев, одетый в неизменный костюм с бабочкой.

— Господа студенты, — сказал он. — Как вы знаете, сейчас проводится расчистка оврага в русле реки Туганки.

— Речка Вонючка, — сказал кто-то с задней парты.

— Для того, чтобы Туганка, имеющая столь важное историческое значение для нашего города, больше не издавала неприятных запахов, её и решено было почистить, — сказал Жебелев. — О новости, которую я вам сообщу, ещё не знают ни газеты, ни радио. Вчера вечером в овраге были найдены остатки древних сооружений.

В аудитории поднялся шум.

— Клад!

— Гробница Тутанхамона!

— Атлантида!

— Гиперборея!

Жебелев с сожалением смотрел на нас. Всё, что мы учили за два года, как будто улетучилось из наших голов, и мы выдвигали гипотезы одна бредовее другой.

Артём развернулся с первой парты и спокойно сказал:

— Ребята, угомнитесь.

— Господа студенты историко-филологического факультета, — сказал Жебелев, подчёркивая интонацией название факультета, — никто пока не знает, что за сооружение было найдено. У вас есть возможность внести свой вклад в науку. Раскопки проводит

сотрудник Краеведческого музея, наш бывший студент, мой ученик. Ему...

Кто-то на задней парте закашлялся. Жебелев встревожился. Он достал бутылку с водой и попросил передать её тому, что кашлял. Тот попил, но продолжал кашлять, и Жебелев разрешил ему выйти.

— На чём я остановился? — сказал Жебелев.

— «Наш бывший студент, мой ученик. И ему...», — процитировал Артём.

— Спасибо, Артём, — сказал Жебелев. — Краеведческому музею требуются добровольцы для раскопок. Обычно они справляются своими силами, но теперь важна скорость. Раскопки не должны надолго задерживать расчистку. Разумеется, оплата не предусмотрена. Работа тяжёлая. Из-за нынешних условий будет длиться по полдня. Хорошо подумайте и после экзамена подходите ко мне. Всё сугубо добровольно.

Было видно, что сугубо добровольный подход не подействует. В такую жару, в таком дыму копать землю! Кому она нужна, эта наука?

— Час назад я общался со студентами физико-математического факультета, — как бы невзначай проговорил коварный Жебелев. — Больше половины уже записалось.

— Физматовцы! — сказал Артём. — Больше половины!

— Не может быть! — закричали все. — Физматовцы! Больше половины! Да они тяжелее карандаша ничего в руках не держали! Да им бы детские совочки!..

После экзамена почти весь наш курс — кроме самых больных — согласился участвовать в раскопках. Даже некоторые девочки попросили их записать.

На следующее утро мы в походной одежде, в резиновых сапогах, в кепках и панاماх, с запасами еды в рюкзаках — хотя нас обещали кормить — шли на раскопки. С утра было не так жарко, дым вроде рассеялся. Мы затянули переделанный гимн истфила, в котором герой прогуливает все лекции, сдаёт экзамены на двойки, получает диплом и идёт учить новых студентов.

От места сбора у института мы прошли по Республиканской до Краеведческого музея. На площади у музея возвышалась копия пирамиды Хеопса в два человеческих роста — реклама выставки египетских древностей. У пирамиды стоял руководитель раскопок. Артём поздоровался с ним за руку и назвал Юликом. Руководитель Юлик не ожидал так много добровольцев и убежал договариваться с завхозом о дополнительных лопатах.

С лопатами мы направились в обход музея, к оврагу. Берег был огорожен низкой чугунной решёткой. Мы подошли к решётке. Ощутимо потянуло канализацией. Вниз вела тропинка. На дне стояло человек пять в походной одежде и резиновых сапогах. Руководитель Юлик окликнул их, ему замахали в ответ. Мы полубоком спустились на дно и растянулись по оврагу, стараясь не провалиться в самую Туганку. В такой сухой сезон её нельзя было назвать даже ручейком.

Из берега повсюду на протяжении двухсот метров торчали толстые почерневшие брёвна. Никто из музейщиков, включая нашего руководителя, не мог догадаться, частью какого сооружения они были. Датировали их примерно пятнадцатым веком, когда на месте музея стоял острог. Я трогал брёвна и вспоминал старинную перевернутую карту, которую рассматривал в Инткоме.

Мы работали до двух часов дня с небольшими перерывами в конце каждого часа. Жара, дым, запахи и мошкара превращали овраг в адское пекло. Ватно-марлевые повязки ни от чего не спасали. Через пару часов эти пропитанные пылью и потом тряпки ещё больше мешали дышать.

С противоположной стороны оврага на нас смотрели владельцы новых особняков. Всё это были коренастые пузатые полуголые мужчины с бутылками пива. Допив пиво, они бросали бутылки прямо в овраг.

В первый день мы ни до чего не докопались. В полдень пришли наши сменщики — физматовцы. Они были так же веселы, как мы утром. Они улюлюкали, кричали, что мы тяжелее карандашей ничего в руках не держали, советовали дать нам вместо лопат детские совочки. «Посмотрим, — говорили мы, — как вы запоёте к вечеру».

В конце смены нас в разбитом на берегу шатре накормили кашей и компотом и отправили по домам.

\* \* \*

Мы с Артёмом и Денисом лежали на пологом, почти горизонтальном склоне оврага. В небо, затянутое жёлтым туманом, смотреть не хотелось. Ничего не хотелось. Хотелось поехать домой, смыть с себя грязь, поесть — хотя можно обойтись без еды — и остаток дня валяться на полу. На полу прохладнее.

Артём отхлебнул из своей фляжки и протянул нам. Вода была тёплая.

— Сходим завтра на карнавал? — предложил Артём. — Втроём, чисто мужской компанией.

— До завтра надо дожить, — сказал я.

— А Наташу не возьмём? — спросил Денис.

— Денисыч, можно хоть раз без баб, — мрачно ответил Артём.

На противоположный берег вышли два полуголых пузана с пивом. На их лицах были повязки.

— Куда поедете на лето? — опять спросил Артём.

— В Антарктиду, — сказал Денис.

— На Марс, — сказал я. — Говорят, там всегда мороз.

— Это несерьёзно, — сказал Артём и приподнялся, опираясь на локоть. — Вы хотите всё лето в городе проторчать?

— Что ты предлагаешь? — спросил Денис.

— Ребята из туркружка собираются в июле в Пермские горы. Пеший поход на неделю. Меня позвали, а я вас зову. Втроём веселее.

Денис сел, скрестив ноги, надел свои очки со стёклами толщиной в палец и сказал:

— Я хотел поехать домой, к бабушке.

Мы и не думали обзывать его бабушкиным внуком. Дениса вырастила одна бабушка. Он при любой возможности ездил к ней в Ингальск, иногда даже на выходные.

— Ванька, а ты как? — спросил Артём.

— Не могу, — сказал я.

— Чего ты не можешь? — Артём тоже сел. — Опять Интеграционный комитет? Ты почти каждый день туда ходишь. Зачем Жебелев тебя туда отправил?

— Я же вам говорил, — сказал я. — То одно, то другое... Сначала доклад, потом курсовая. У них много сведений по моей теме.

— Ты и летом будешь писать курсовую?

— У них в архиве — бардак. Попросили навести порядок.

Мои слова были правдой и неправдой. Про архив, про доклад, про курсовую — правда. Но я так и не рассказал ребятам истинных причин, по которым я ходил в Интком. Я не сказал, что теперь моё дело — интеграция, и это навсегда.

Каждый день, когда я их видел, я хотел в этом признаться. Я хотел объяснить, как это важно для всех нас. Я хотел сделать их не только своими друзьями, но и единомышленниками. Но что-то меня останавливало. Может быть, их странные взгляды при виде моей бороды? Я был единственным студентом истфила, который носил бороду. Среди физматовцев бородачей тоже не было.

Я боялся, что они надо мной посмеются. Я боялся, что они меня не поймут. Я боялся, что они окажутся... Тут мои мысли прерывались. Я говорил себе, что они не могут быть дифферами. Они не считают себя интеграторами, но и не дифферы. Они хорошие люди, а все хорошие люди — интеграторы, даже если сами об этом не знают. Сколько раз я в этом убеждался!

Сейчас я тоже ничего не сказал. Я опять что-то промямлил про доклад и курсовую.

Перерыв закончился, нас позвали копать. Мы спустились в овраг и взялись за лопаты. Нас тут же облепила мошकारа. Отбиваясь от мошकारы, я не заметил посетителей.

— Ваня! Денис! — раздались голоса сверху.

На берегу стояли Майя и Наташа в летних цветастых платьях, в белых соломенных шляпках, с повязками на лице. Мы с Денисом полезли наверх. Артём зарычал, как тираннозавр, и сильнее вгрызся в землю.

Наташа отозвала Дениса и что-то стала ему нащёптывать. Судя по унылому лицу Дениса, разговор шёл об Артёме.

Майя спустила повязку под подбородок и обняла меня. У неё были серёжки в форме египетского креста.

— Я так соскучилась, — сказала Майя. — Сто лет тебя не видела.

— Три дня, — сказал я.

— Да ну тебя, — сказала Майя. — Тоже мне счетовод. Я же в поэтическом смысле. А ты соскучился? Почему не звонишь, не заходишь?

Майя забыла, что домой к ней я ни разу не заходил.

— Пошла бы к нам копать, — сказал я, — мы бы каждый день виделись.

— Я что, должна в грязи ковыряться? — сказала Майя.

— Другие девчонки ковыряются.

— Так они из деревень приехали, привыкли на огороде. Они там все кхандские полукровки. Все такие беленькие, аж противно.

Я немного отпрянул. Первый раз я услышал от Майи о кхандах — и в таком пренебрежительном тоне. Майя не обратила внимания на моё движение и сказала:

— Ваня, завтра карнавал. Пойдём вместе? Наташка с Артёмом сейчас помирится, и пойдём все вместе. Как раньше. Пойдём?

Показался Артём. В руке у него была лопата, он притворялся, что его оторвали от очень важных для него занятий. Артём и Наташа начали свои переговоры.

— Мирятся, — сказала Майя. — А мы даже не ссорились, а словно чужие.

— Мы тут все свои, крошка, — сказал я. Опять цитаты из старых фильмов.

Артём повёл Майю показывать раскопки. Держась за руки, они спускались в овраг.

— Пойдём? — спросила Майя. — На карнавал.

Я вспомнил, что говорил Гуров. «День первых переселенцев. День уничтожения

кхандов». Мне не хотелось идти на День переселенцев-уничтожителей ни в чисто мужской компании, ни в смешанной. Я потрогал мочку уха с серёжкой-крестом и сказал:

— Пойдём. Все вместе.

— Папа подарил, — сказала Майя про серёжки и повела головой, чтобы освободить ухо. Она достала платок, потёрла мне грязную щёку и чмокнула в очищенное место.

— Борода... — сказала она неопределённым тоном. — Ты меня проводишь до дома?

Юлик, который сидел на стульчике возле шатра и что-то писал в блокноте, встал, козырьком приложил ко лбу ладонь и посмотрел на нас.

Майя обещала подождать до конца смены. Она протянула руку подошедшей Наташе, и они побежали к музею. По пути они чуть не врезались в мужчину с девочкой-подростком, громко сказали: «Просим прощения!» — и побежали дальше. Мужчина оглянулся на них и направился было к Юлику, но тут увидел меня.

Это был Карапчевский, а с ним Лиза с повязкой на лице. Я замер от волнения. Потом пошёл им навстречу. Я давно не видел Карапчевского — мешали то экзамены, то раскопки. Он совсем не изменился, только вместо свитера носил рубашку с закатанными рукавами. Зато Лиза изменилась. Вместо косы у неё была короткая причёска, которая придавала ей мальчишеский вид. На правом плече и локте были засохшие ссадины.

Мы поздоровались. Лиза расспросила меня о раскопках клада и рванулась к оврагу. Она встала у самого края и заглянула вниз.

— Иван, вы завтра свободны? — спросил Карапчевский.

— Завтра — карнавал, — сказал я.

— Совсем вылетело из головы, — сказал Карапчевский. — Но вы ведь туда не пойдёте?

Я замешкался.

— Я пока не знаю.

— Иван, я завтра собираюсь на Острова.

Это слово решало всё.

— Я с вами, — сказал я.

— Так я и думал. Тогда завтра утром встретимся возле Инткома. Или вам удобнее в другом месте?

— Можно возле Инткома.

Я не сказал, что мне было удобнее, например, возле эстакады. Но если Карапчевскому удобнее возле Инткома, так тому и быть.

Артём и Денис стояли в десятке метров от нас и с интересом разглядывали Карапчевского: бородатый, очень светлые волосы, но при этом точно не кханд.

— Ваши друзья? — спросил Карапчевский.

— Однокурсники, — сказал я. — Вот вместе копаем.

— Папа, ну, давай посмотрим... — издали крикнула Лиза. — Это же лучше всяких книжек.

Карапчевский был готов согласиться, но тут подошёл Юлик.

— Извините, — сказал он. — Вы что тут делаете?

— Юлик, это же... — начал я.

— Беседую со знакомым, — мирно ответил Карапчевский. — А что?

— Понимаете ли, тут раскопки. Посторонним нельзя.

— Так я не на раскопках.

— Здесь везде раскопки. Здесь территория музея. Посторонним нельзя.

— Нельзя так нельзя. — Карапчевский был спокоен. — Пойдём, дочка. Дяденька говорит, что посторонним нельзя.

Он без споров попрощался со мной, огорчённая Лиза что-то пробурчала, и они ушли.

— Хватит тебе водить сюда экскурсии, — сказал Юлик. — Вызвался добровольцем, так работай. Ещё полсмены осталось.

— Юлик, это же был... — снова начал я.

— Я знаю, кто это был, — сказал Юлик.

\* \* \*

Артём и Денис ничего не спрашивали о Карапчевском. Ничего не говорили о завтрашнем дне. Наверняка они слышали, что я завтра поеду куда-то с Карапчевским. Что я назвал их однокурсниками, а не друзьями. Да и плевать! В самом деле, какие мы друзья? Два года учимся на одном факультете, только и всего. У меня три десятка таких друзей, да и весь институт. Артём и Денис раньше были знакомы, у них были какие-то общие дела. Вот если бы они стали моими единомышленниками... Если бы они...

— Ребята, — сказал я. — Вы знаете, это был...

Я не успел договорить. С другого конца оврага послышался визг одной из девочек. Последовали неразборчивые крики и почти одновременно громкий шорох. Шорох осыпающейся земли. Очень большой груды земли. В другом конце поднялась туча пыли и поплыла наверх. Копатели разбежались — кто-то вбок по склону, кто-то перепрыгнул через ручеёк Туганки и забрался на противоположный склон. По рядам прошло указание: всем подниматься на берег.

Мы на четвереньках вылезли на берег, поднялись и побежали к другому концу. Все копатели собрались возле тучи пыли. Юлик стоял почти в туче. Он подошёл к берегу и посмотрел вниз.

Ограждающей решётки в этом месте не было. Берег странно изменил очертания, как будто некий гигант откусил от него кусок. «Обвал... Обвал...» — говорили копатели. То ли из-за расчистки, то ли из-за наших раскопок, то ли из-за всепроникающих ключей два-три метра берега оторвались и ухнули вниз вместе с решёткой. Никто не пострадал.

Музейщики не давали нам подойти близко к обрыву. Они посоветовались с Юликом, и он сказал нам, что мы пока можем пойти в шатёр и перекусить. На сегодня работа закончена. Никто не пошёл в шатёр, все забыли про усталость и еду. Наш руководитель явно увидел внизу что-то любопытное. Всем хотелось знать, что именно.

Юлик с двумя музейщиками отошли на несколько метров по берегу и стали осторожно спускаться на дно. Они перешли на противоположный склон. Тут к ним спустился один из пузанов и что-то начал втолковывать Юлику. Юлик долго не мог от него отбиться.

Юлик встал так, чтобы лучше увидеть место обрыва, потом снова спустился на дно, перешагнул Туганку, и мы потеряли его из виду. Мы повалили к обрыву, но оставшиеся музейщики прикрикнули на нас, напомнив, что мы не дети. Никто не догадался, что можно подойти к краю, немного отойдя в сторону от обрыва. Все стояли перед самым обрывом, перед чертой, прочерченной музейщиками.

Юлик отошёл к противоположному склону и посоветовался с музейщиками, между которыми вклинивался пузан. После совещания Юлик с коллегами вернулся к нам, а пузан

— к пиву.

— Теперь уж никакой расчистки, — сказал Юлик, от возбуждения подёргивая всем телом. — Сегодня же добьюсь продления работ до сентября.

Он был готов пуститься в пляс.

— Юлик, выкладывай, — сказал Артём.

— Великое открытие! Величайшее! — сказал Юлик. — Вы все не зря потели. За мной, легионеры!

Он повёл нас тем же путём, что прошёл сам. Мы все спустились по склону, перешли Туганку, поднялись на противоположный склон и посмотрели на место, которое обнажилось благодаря обрыву.

Это было похоже на уложенный на бок деревянный колодец. Он на метр-полтора торчал из берега. Деревянный туннель. Несомненно, вход. С одной стороны была видна стена из сплошных брёвен. Как будто под берегом, под музеем был скрыт дом или целая крепость. Высота входа была такая, что войти можно было только в полусогнутом состоянии. Юлик не исключал, что дальше вход расширяется. Вход был запечатан землёй, как бутылка — пробкой. Юлик не исключал, что дальше он свободен от земли.

— Подземная часть Туганского острога, — сказал Юлик. — Наверное, там прятались первые переселенцы во время набегов.

— Не прятались, — сказал Артём. — Делали вылазки для нападения на лагерь осаждавших.

— Вылазки, — согласился Юлик.

— Подземный ход пятнадцатого века, — сказал Денис, как бы подводя итог.

Почему-то никто до сих пор не произнёс этих слов — подземный ход. Все вроде бы поняли, что да, это подземный ход, — но слова не прозвучали. Подземный ход. Не просто запасной выход из острога, а отдельный подземный ход. Он может вести не только в острог. Он может вести... А куда он может вести?

— Юлик, почему ты думаешь, что это пятнадцатый век? — спросил я.

— А какой? — с вызовом спросил Юлик.

— Почему именно пятнадцатый? Почему не четырнадцатый или тринадцатый?

— В тринадцатом веке авзанов здесь не было. Кто тогда построил эту сложнейшую конструкцию?

В его голосе слышалось высокомерие профессионала, снизошедшего до разговора с дилетантом.

— Кханды, — сказал я.

— Это несерьёзно! — воскликнул Артём.

Все хором загалдели.

— Что же заставляет вас думать, что это кханды? — спросил у меня Юлик.

— Здесь были такие же строения, как Островах, — сказал я. — Дома, пристройки, заборы, тротуары — всё соединено в один, как бы это назвать, комплекс. Брёвна, стена, подземный ход — это часть такого комплекса.

— А вы были на Островах? — ехидно спросил Юлик.

— Бывал, — ответил я.

Все ребята издали одновременное: «О-о-о!..» — то ли в восхищение, то ли в осуждение. Артём был готов захохотать над такой шуткой и обнял меня за плечи. Но он увидел, что я не шутил.

— И сколько же раз? — спросил Юлик.

Больше, чем ты, подумал я и сказал:

— Один раз.

Снова по оврагу понеслось: «О-о-о!...»

— А завтра поеду опять, — сказал я.

— Это ваше дело, — сказал Юлик. — Как я говорил, на сегодня работа закончена.

Поешьте — и домой.

Юлик оставил музейщиков охранять подземный вход и обрыв, погнал нас к шатру, а сам отправился сообщать начальству важные новости.

Артём и Денис пошли есть кашу и компот. Артём предложил, что надо по этому случаю купить торт, и не только торт. Я миновал шатёр и пошёл дальше — на площадь, где мы договорились встретиться с Майей.

Майя и Наташа сидели на скамейке и лизали мороженое. Я коротко рассказал им об открытии. Наташа изумилась больше Майи. Она бросила растаявшее мороженое в урну и побежала узнавать подробности от Артёма.

Майя доела мороженое и вытерла платком руки и губы, потом закрыла рот и нос повязкой. Я достал свою повязку, которую сегодня ни разу не надевал, поэтому она была белоснежной, и тоже закрыл себе лицо.

\* \* \*

Мы шли вдоль набережной. Я посмотрел на другой берег Ерги, который тонул в жёлтом дыму. Острова совсем не различались. Я подумал: может быть, подземный ход ведёт на Острова? Это значит... Тут Майя что-то сказала, и я сбился с мысли. Она опять что-то сказала. Я что-то ответил.

На полпути Майя протянула мне руку, и мы пошли, держась за руки. Она постоянно что-то говорила, а я что-то отвечал. Потом я что-то говорил, а она что-то отвечала. Потом мы ничего не говорили.

Мы свернули на Телеграфную, прошли под аркой и оказались во дворе дома, где жила Майя. Во дворе почти никого не было, только на собачьей площадке какая-то дама выгуливала таксу. Мы встали в тень беседки и сняли повязки.

— Завтра на карнавале? — спросила Майя.

— Да, — сказал я.

Я вспомнил о Карапчевском.

— То есть нет, — сказал я. — Я не могу.

Майя отшатнулась.

— Мы же договорились, — сказала она. — Мама с папой уехали на дачу, подальше от дыма, а я осталась. Из-за карнавала.

— Завтра я должен помочь одному человеку.

— Что это за человек?

— Не важно. Я не могу пойти на карнавал.

Сейчас она закатит истерику, подумал я. Но не всё ли мне равно? Я пошёл её провожать, чтобы сказать ей... Я хотел сказать... Что я хотел сказать?... Что я её больше не люблю. А кого я люблю? Мне было страшно подумать, что жену Карапчевского. Нет, её я не

люблю. Её не люблю. Она же мне в матери годится. В лучшем случае, в старшие сёстры. Никого я не люблю. Я люблю своё дело. Интеграция — вот моё дело.

Ничего этого я не сказал.

— Что это за человек? — повторила Майя. — Назови имя.

— Это совсем не то, что ты думаешь, — сказал я. — Я работаю в Интеграционном комитете. Завтра мы с главой этого комитета Александром Дмитриевичем Карапчевским поедem на Острова.

— Да, папа что-то говорил про этого Карапчевского, — сказал Майя. — Защитник кхандов... И ты тоже защитник кхандов?

— Мы боремся за равные права для кхандов, — сказал я. — За интеграцию авзанов и кхандов.

— Объединяться с этими поганками! — воскликнула Майя.

Во дворе не было ни кустика, ни деревца. Постриженная газонокосилкой трава пожухла от жары. Все дворы на Телеграфной, Аптекарской и других улицах старого города заросли сиренью, черёмухой, рябиной, клёнами, яблонями, тополями. Здесь были только посеревшие широкие пни от вырубленных деревьев. Раньше меня это не удивляло. Теперь двор казался мне нежилым, уютным.

Дама с таксой остановилась возле беседки. Собака была так откормлена, что не походила на таксу. Брюхо свешивалось почти до земли. Мордочка была обёрнута ватно-марлевой повязкой.

— Здравствуй, Майечка, дорогая, — сказала дама. — Какой ужасный дым. Моей Грации так трудно дышать. Она в последние дни почти ничего не ест. И ещё стала кашлять. Вы знаете, это ведь всё кханды. Они во всём виноваты.

— В чём виноваты? — спросил я. — В кашле?

— В дыме. В жаре. Им нравится, когда очень холодно или очень жарко. Помните, какая была зима? Теперь вот лето... Им нравится жара и холод, вот они и меняют погоду. Уж поверьте, они умеют. Им нравится жара и холод. Я про это читала, в научно-популярном журнале. Лет, знаете, двадцать... пятнадцать назад. Я тогда была в твоём возрасте, Майечка. Любила читать научно-популярные журналы.

## Глава VIII. Июнь, следующий день

Мы с Карапчевским сидели в пустом трамвае, который ехал в промзону. Ночью приползли низкие тучи, но температура не снизилась, ветра не было, дождя не было. Духота только усилилась. К утру тучи рассеялись, и жёлтый туман стал ещё гуще. Он втекал во дворы и улицы, как вода, заполняющая низменности.

Республиканская улица от музея до Вокзальной была перекрыта из-за карнавала, поэтому трамвай ехал по параллельным улицам. Сразу за эстакадой нам в нос ударили омерзительные запахи. Непередаваемая смесь гнилья и горячей свалки. Мы надели повязки. Сегодня я взял с собой пять штук.

Мы вышли из трамвая и перешли дорогу. На тротуаре стояло примерно двадцать кхандов с мётлами, граблями, лопатами. На их лицах были надеты респираторы. Кто-то спустил респиратор под бороду, кто-то поднял на лоб, и вся эта группа выглядела как стадо экзотических животных из видового кинофильма.

Карапчевский увидел знакомых, но они предпочли его не замечать и молча отворачивались. Кажется, среди них был мой ровесник Михаил, но я в этом не уверен. Приоткрылись большие железные ворота какого-то завода, оттуда высунулся авзан в костюме и с повязкой на лице и позвал кхандов. Они медленно подошли к воротам и исчезли за ними.

Карапчевский нахмурился. Он хотел, чтобы кханды получали образование и работали там же, где авзаны. Но кхандов брали только мести улицы, вывозить мусор — на самую тяжёлую и грязную работу. Выпускникам гимназий было не легче.

Мы прошли вдоль железобетонного забора с витой колючей проволокой поверху и свернули в узкую щель между двумя заборами. В траве была протоптана тропинка. Мы долго шли между двух заборов, обходя кучи коробок, ящиков, консервных банок, бутылок. Наконец мы оказались на открытом месте. Слева была площадка с железным навесом. Сюда вела бетонка, по которой мы ехали в прошлый раз.

Паром как раз пристал к нашему берегу. С него сходило несколько десятков кхандов. Они тоже были снабжены респираторами, некоторые несли инструменты. Молча посматривая на нас, они поднялись по берегу.

Мы подошли к железному навесу. От реки несло теми же запахами гнилья и горячей свалки. По воде плыли маслянистые жёлто-зелёные разводы. Противоположный берег был скрыт особенно густым жёлтым туманом.

Паром нас дождался, и мы переправились через реку. Река на несколько метров отступила от деревянной дороги. Дома кхандов и лес терялись в жёлтом тумане. Трава пожухла, она клочьями лежала на земле. Земля растрескалась, теперь здесь невозможно было провалиться даже такому растяпе, как я. Но мы всё равно шли по дороге.

— Александр Дмитриевич, — сказал я, — можно спросить про Гурова?

— Может, лучше у него самого спросите? — сказал Карапчевский.

— Да я лучше у вас. У Гурова есть родственники? Кто с ним живёт? Кто-то же мне ботинки почистил. Я искал какие-нибудь сведения в комитете, но ничего не нашёл.

— Нечего искать. У Гурова — обычная кхандская семья. Несколько лет назад они разъехались. Одни уехали на север на заработки, другие переселись в микрорайоны, дети учились в совместных гимназиях. Потом снова собрались. Большая семья. Четыре поколения

живут под одной крышей, человек тридцать.

— И никого не видно, тишина.

— Такие у них порядки. Когда к Гурову приходят гости, все ведут себя тихо.

Поселение кхандов всё не проглядывало сквозь туман. Послышалось жужжание пилы, потом удары по дереву. Пройдя немного, мы увидели, что дорога обрывается. Причина была не в поломке досок. Десять метров дороги сгорели. Трава вокруг тоже выгорела. Несколько кхандов удаляли доски настила и брёвна опор. Рядом лежала груда новых белых досок. Одежда, руки, лица работников были перемазаны сажей. Светлые волосы и бороды затемнялись слоем пепла.

Карапчевский поздоровался. Кханды продолжали заниматься своим делом. Мы спустились с дороги в траву. Под ногами она превращалась в серую пыль. Мы обошли работников и снова забрались на дорогу.

Нас окликнул какой-то кханд. Мы обернулись.

— Александр Дмитриевич, — сказал кханд. — Дальше дорога тоже горела. Спокойнее по земле идти.

Кто-то из кхандов ухмыльнулся.

— Спасибо за совет, Осип Степанович, — сказал Карапчевский. — Так мы и поступим. А что произошло с дорогой? Это из-за жары?

— Да нет, — сказал Осип Степанович. — Поджоги. Сразу в нескольких местах подожгли.

— А дома?

— Тоже горели.

— Кто поджигатель?

Тот же кханд опять ухмыльнулся.

— Кто всегда, — сказал Осип Степанович и вернулся к работе.

Карапчевский его поблагодарил и направился по земле вдоль дороги. Я последовал за ним. По пути мы ещё три раза видели сгоревшую дорогу и чинивших её кхандов.

\* \* \*

Крайний дом — комплекс домов — был изуродован огромным следом от пожара. В ближнюю к нам сторону как будто врезался огромный кусок угля, смял целый угол и рассыпался, замарав остальные части дома и тротуар. На пожарище тоже трудились почерневшие от сажи кханды.

Цитадель поселения — дом Гурова и дом на противоположной стороне улицы, соединённые мостом, — была цела. Башни воткнулись в жёлтый туман.

Пса-проводжатога не было. Карапчевский нажал на доски, которые ничем не отличались от соседних, и калитка открылась. Знакомые лестницы и площадки, и вот мы в светлой комнате. После жёлтого тумана и запахов промзоны как приятно было вдыхать запах Гуровского дома — запах дерева, пряных трав, спелых ягод. Внешние запахи сюда совсем не доносились.

Гуров сидел на табурете и ножом вырезал узоры на длинной кривой палке. Пол у его ног был засыпан стружками. Нож был небольшой, похожий на скальпель, — длинная рукоятка и короткий клинок. Нижняя часть палки уже была покрыта узорами. Гуров был одет в чёрные

брюки и чёрную длинную рубашу без воротника, у пояса подвязанную ремнём. На орехово-смуглом лице не было ни капельки пота.

Когда мы вошли, Гуров не прервал работы. Он поздоровался своим хриловатым голосом, предложил сесть и самим налить себе чай. На столе стояло всё, что нужно для чая.

Мы не отказывались, сели на табуреты, налили чай. Чай был такой же крепкий и горячий, пить его не хотелось. Но пара-тройка глотков утолили жажду. А когда я выпил полчашки, то почувствовал себя полным бодрости.

— Очень вкусно пьёте, — сказал Гуров. — Тоже себе налью.

Он встал и стряхнул стружки с бороды, с рубахи, с ног. Ботинок у него было. Правая стопа гулко стукнула в половицы. Она была искусственная. Деревянная. Кажется, и выше стопы нога была деревянная. Искусственная стопа и цветом, и видом имитировала настоящую. На ней были вырезаны пальцы, вены, жилы, ногти. Но это была деревянная нога. Естественности движений она не мешала. В прошлый раз Гуров был обут, и я ничего не замечал.

Гуров заметил мой взгляд и сказал:

— Удивляетесь, Иван? А вы думали, кханды не болеют, не стареют, ноги не отмораживают?

— Я так не думал, — сказал я.

— Отмораживают, — сказал Гуров. — На Карской железной дороги всякое бывало.

— Великая северная дорога, — сказал я.

— У авзанов всё великое. Всё большое, всё огромное. Всё великое, а строилось маленькими кхандами. — Он сел и отпил чай.

— Семён Кириллович, — сказал Карапчевский, — вы ведь знаете, что на Карском полуострове стоит памятник кхандам — строителям железной дороги. Компенсаций пострадавшим мы тоже добились.

— Стоит памятник, — сказал Гуров. — Надо было собрать наши руки и ноги. Из них слепить памятник. Был бы памятник выше любого небоскрёба. Выше пирамиды Хеопса.

— Вы и про пирамиду Хеопса знаете?

— Знаю. Хоть в гимназиях не учился.

Карапчевский перевернул пустую чашку вверх дном и положил на стол руки с переплетёнными пальцами.

— Семён Кириллович, я хотел поговорить о пожарах.

Гуров промолчал.

— Мне сказали, что это были поджоги, — сказал Карапчевский. — У вас есть доказательства?

— Доказательств нет, — сказал Гуров.

— Расскажите, как это случилось.

— Это случилось, случается, будет случаться. Наша земля горит веками.

— Опять мы друг друга не понимаем. Как будто говорим на разных языках. Я спрашиваю о конкретном случае, а вы переводите всё на общее.

— Что вы хотите знать, Александр Дмитриевич?

— Я про поджог дороги.

— Это мелочь. Починим.

— Снова непонимание, — сказал Карапчевский.

— Ночью поднялась тревога, — сказал Гуров. — Горела дорога в нескольких местах.

Горел один дом. Какие-то люди убежали. Кто это был — не знаем. Не разглядели.

Я вспомнил худощавого парня в капюшоне, который вандалил дверь в ИнткOME. Представил себе команду таких же парней, которые жгут дорогу. Это было очень легко представить. Я даже мог бы назвать имена тех, кто согласится участвовать.

— Может быть, они оставили какие-то следы, — сказал Карапчевский. — Какие-нибудь предметы для разжигания. Цистерны с бензином, спички... Что-нибудь.

— Мы ничего не нашли, — сказал Гуров.

— Ведь вы хорошо знаете эти места. Вы хорошо ориентируетесь здесь даже ночью. Как же они сумели скрыться? Вы их не преследовали? Не пытались поймать?

— Придут другие.

Гуров был непрошибаем. За ним стоял многотысячелетний жизненный опыт кхандов, которые жили в окружении врага. Понятно, что поджог дороги не сильно волновал Гурова. Враг применял к кхандам и более жестокие способы устрашения.

Но Карапчевский всё пытался пробиться. На его лице снова появилось то выражение крайнего утомления, которое я видел в день нашего знакомства. Он сжимал и разжимал переплетённые пальцы, как будто боролся сам с собой.

Карапчевский был сильным человеком. Но Гуров был намного сильнее. Карапчевский был одинокий человек, несмотря на свою семью, своих друзей. Одинокий человек из большого города. Город не поддерживал его, только отнимал силы. Гуров был неотделимой частью этого крепкого здания — не верилось, что оно может загореться, — частью самой земли, травы, деревьев, неба.

Да, это была его земля. Пусть теперь она страдала от вонючего жёлтого тумана, как предки Гурова страдали от первых переселенцев, а Гуров — от современных чиновников. Гуров был своим на земле, которая принадлежала другим, а Карапчевский был чужаком даже в городе, который он считал своим.

— Я хочу вам помочь, — безнадёжным голосом сказал Карапчевский. — А вы...

— Вы ничем не сможете нам помочь, Александр Дмитриевич, — безжалостно сказал Гуров. — Один человек против миллионов.

— Хотя бы против миллиардов, — сказал Карапчевский. — Делай, что должно, и будь, что будет.

— Вот именно, — неожиданно согласился Гуров. — Делай, что должно...

Тут он умолк и прислушался. Я не слышал никаких звуков. Только деревянные птицы, висящие на нитках, покачнулись, тихо стукнулись крыльями, потом клювами.

Гуров вскочил и выбежал в ту дверь, куда в прошлый раз выставил мои грязные ботинки. Дверь осталась открытой. За ней был коридор, а справа виднелась лестница наверх.

Гуров позвал нас. Мы взбежали по лестнице. Это была лестница башни. Она вела на мост между двумя домами цитадели. Мост был похож на деревянную дорогу — тот же сплошной настил. Только сбоку везде были перила, украшенные узором.

Отсюда открывался вид на всё поселение. Дома-кораллы, дома-кристаллы росли из земли. Как будто по равнине рассыпали огромные кубы, пирамиды, многогранники. Это тоже был абстрактный узор, состоящий из линий, плоскостей, углов, фигур... Река сливалась с местностью, воды не было видно. Но хорошо был виден другой, крутой берег — с многоярусной набережной и старинными особняками. Дальше всё расплывалось.

Пока мы сидели у Гурова, туман рассеялся. В воздухе чувствовался свежий запах озона. С севера в сторону реки мчались тучи густого чёрно-фиолетового цвета, на горизонте

сверкали зарницы. В спину дул сильный ветер, и в рубашке мне было холодно.

Перемена погоды была не самым главным зрелищем. Главным были горящие дороги. Две огненные ленты тянулись от поселения кхандов к реке. От них по траве расходились волны огня. На наших глазах огненные ленты сливались в одну стену огня. Точнее, в одну стену дыма. Огонь и дым вместе с тучами двигался к реке.

Улицы между домами были заполнены кхандами. Одни тушили загоревшиеся крайние дома, другие бежали к дорогам, третьи звали соседей на помощь. Никогда не видел столько кхандов вместе. Не думал, что здесь живёт столько кхандов.

Гуров и Карапчевский побежали внутрь дома. По лестницам и площадкам мы вышли на улицу. Не на центральную улицу, по которой пришли, а на боковую. Здесь было относительно пусто. По центральной же улице валили и валили кханды.

Прямо перед нами был вход в узкую улочку. Из неё выскочил незнакомый кханд. Борода у него была не по-кхандски жидкая. Жиже моей. Только усы и отдельные волоски на подбородке. Кханд с жидкой бородой оглядел Карапчевского и меня и сказал Гурову одно слово:

— Поймали.

Гуров не переспрашивал. Видимо, он сразу догадался, кто и кого поймал.

— Идите пока в дом, — сказал он Карапчевскому и мне. — Ждите моего прихода.

— Семён Кириллович, я всё понял, — сказал Карапчевский. — Я не допущу...

Гуров ничего не сказал и нырнул в улочку. Кханд с жидкой бородой снова нас оглядел, потом нырнул вслед Гурову. Карапчевский направился за ними. Я — за Карапчевским.

Улочка заросла крапивой в человеческий рост. Листья её были пыльные, сухие, но жглись, как раскалённый утюг. Из-за очередных крапивных зарослей я не заметил, как улочка закончилась. Я чуть не выпал на краю большой площади, со всех сторон окружённой заборами и стенами. С центральной улицы этой площади нельзя было увидеть. С моста же я не обратил на неё внимания, увлечённый видом огня.

Я увидел спины многих кхандов. Гуров и Карапчевский протиснулись между спинами и там потерялись. Кханды кричали что-то неразборчивое. В руках у некоторых были палки, топоры, лопаты.

Не успел я ничего выяснить, как кто-то заорал: «Ещё один!». Чьи-то сильные руки схватили меня и повалили на землю. «Бей! Бей!» — кричали разъярённые кханды.

Первый удар был ногой в лицо, другие — в живот, в грудь, в спину. Кто-то огрел меня по руке палкой. Я не мог отбиваться и не мог защищаться. Я даже не мог встать. Я только пытался прикрыть голову и пах. Меня не столько били, сколько одновременно проталкивали, протаскивали, волочили в центр площади и центр толпы.

Удары стали наноситься реже. Вокруг меня образовался небольшой свободный круг. В этот круг вбежал чёрный, лохматый медведеподобный пёс. Голова его была чуть прижата к земле. Оскал обнажал белые зубы. Откуда-то из самого нутра пса исходил низкий рык.

Кханды перестали меня бить и расступились. Пёс подошёл ко мне, убрал оскал и посмотрел мне в лицо своими умными глазами. В них было всё то же выражение: ай-ай-ай, ну, что за растяпа!

Он отвернулся, снова напрягся, рык перерос в три коротких лающих звука. Затем он замолк. Грязной окровавленной рукой я опёрся о его твёрдую, как бревно, спину и поднялся. Ссадины, синяки, но руки-ноги двигались. Даже из носа кровь не шла.

Пёс вёл меня через толпу. При нашем проходе кханды меня пропускали. Один раз кто-

то начал: «Ещё один!..» В ответ раздался нутряной рык. Крик прервался.

Ближе к центру крики становились всё тише, а лица всё мрачнее. В самом центре, в окружении толпы кхандов находились три фигуры.

Босой Гуров медленно-медленно покачивал головой, как добрый дедушка, который укоряет расшалившегося внука.

Позади него стоял Карапчевский в почти боксёрской стойке. Левая нога впереди, кулаки сжаты, но руки подняты только до пояса.

Между ними на коленях стоял авзан в тёмной куртке с капюшоном. Хотя он стоял на коленях, но было видно, что он невысокий. Квадратное туловище под курткой бугрилось мышцами.

Карапчевский заметил меня. Он двинулся с места. По толпе пошла волна. Пёс сел возле Гурова. Я почувствовал дрожь в коленках, свалился на землю и обхватил пса за шею.

— Иван! — сказал Карапчевский и присел рядом.

Гуров тоже меня заметил и погладил по голове, как будто перепутал с псом. Но от этого поглаживания мне стало легче. Я сумел подняться.

Так мы стояли вчетвером посреди толпы кхандов. Редкие возгласы слышались только из задних рядов. Передние ряды молчали.

Из переднего ряда выскочил немолодой кханд и крикнул:

— Бей поджигателя!

Он откинул капюшон с головы авзана и левой рукой дёрнул его за волосы. Тот запрокинул голову и показал лицо — молодое лицо с широко посаженными глазами и курносым носом. Глаза увлажнились от боли.

Кханд правой рукой ударил авзана в лицо и сам сморщился от боли. Авзан упал лицом на землю и закрыл руками голову. Карапчевский перехватил руку кханда, чтобы не допустить второго удара. Они смотрели друг другу в глаза.

Гуров положил руку на грудь кханда и тихо сказал:

— Отойди, Захар, не надо.

С этими словами он оттолкнул кханда от Карапчевского. Оттолкнул легко, одними пальцами, как будто толкал воздушный шарик. Кханд по имени Захар шагнул назад. Остальные не пошли в нападение из-за удара. Они всё так же молчали.

Захар не переставал смотреть на Карапчевского.

— По какому праву ты вмешиваешься? — спросил Захар.

— Нельзя его просто так избить, — сказал Карапчевский. — Вы должны сдать его в полицию.

— В полицию!? — переспросил Захар. — Мы его поймали. Он жёг наш лес. Он жёг наши дома.

— Они все заодно! — донеслось из задних рядов.

— Никто не будет его бить, — сказал Карапчевский.

— Почему ты его защищаешь? — спросил Захар. — Ты говорил, что ты за нас. А теперь — с поджигателями?

— Да что говорить? — вмешался стоящий рядом кханд. — Он авзан! Вот он его и защищает!

— Он против кхандов! — кричали в толпе. — Он против нас!

— Вы знаете, что это неправда, — сказал Карапчевский. — Моя помощь кхандам всем известна. Спросите у Семёна Кирилловича...

Гуров медленно покачал головой. Непонятно, что это обозначало.

— Этот поджигатель — плохой человек, — сказал Карапчевский, и углы его губ сильно загнулись вниз. — Я так же, как вы, ненавижу его. Но я не буду его избивать. И вы не будете его избивать. Я отведу его в полицию и заставлю посадить его в тюрьму. И его, и всех его сообщников. Но я не допущу избиений, не допущу самосуда.

— Мы его не будем избивать, — сказал Захар. — Мы его убьём.

Все замерли. Авзан съёжился на земле и дрожал.

Карапчевский с нетерпением оглядывался на Гурова. Гуров перестал качать головой и поднял правую руку.

— Не тратьте своё время на этого мальчика, — сказал он. — Он авзан. Пусть им занимаются авзаны. У нас своя беда. Надо тушить пожары.

— Зачем тушить пожары? — спросил Захар. — Придут новые поджигатели. Надо расправляться с поджигателями.

— Никто не будет расправляться с этим мальчиком, — сказал Гуров. — Идите и тушите пожары. Потом расходитесь по домам. Это мои последние слова.

Последние слова Гурова полетели по толпе. Их повторяли с тревогой, с испугом.

Гуров, ни на кого не глядя, пошёл через толпу. Толпа расступалась. Во взгляде Карапчевского было отчаяние. Он поднял кулаки к лицу и принял настоящую боксёрскую стойку.

Пёс со звуком «Уф!» свалился на бок и начал задней лапой чесать ухо, как обыкновенная дворняжка. Всё его большое тело сотрясалось, и это сотрясение передавалось мне. Поджигатель лежал и молчал.

Тут в центр выбежал кханд с жидкой бородой и закричал:

— У Фомки дом полыхает!

Новость подействовала, или кханды послушались Гурова, но они молча разворачивались и уходили. Толпа отступала от нас, как утекающая вода. Они проникали в узкие улочки, в ворота, в двери. Захар оставался среди последних. Потом и он с ненавистью посмотрел на Карапчевского — не на поджигателя, а на Карапчевского! — и ушёл.

Площадь опустела. Остались мы с Карапчевским, поджигатель и кханд с жидкой бородой. Пёс тоже остался. Он выгрызал что-то между пальцами передней лапы. Ветер гонял по площади пепел. Совсем чёрные тучи превратили полдень в сумерки. Я почувствовал, что замерзаю.

Кханд с жидкой бородой поманил нас. Мы с Карапчевским помогли поджигателю подняться. Он был совсем слабый, еле переставлял ноги. Мы пошли через площадь, потом через улочку. По пути нам не встретился ни один человек.

Улочка кончилась, мы оказались на краю луга, ближе к лесу. Огонь был в стороне. Гуров сидел на лавке, рядом с ним лежал свитер. Он протянул мне свитер и сказал:

— А то простудитесь.

Я взял свитер. Я ожидал, что в нём будет что-то необычное, кхандское. На нём не было даже узора. Обычный толстый серый свитер с горлом. Такие продаются в магазинах. Постанывая из-за ссадин, я натянул свитер. Стало теплее. Я погладил пса по пробору на голове. Сегодня он спас меня. Чем я мог отблагодарить? Я мысленно пообещал, что в следующий раз принесу ему кость. Огромную, слоновью.

— Я обещаю, что это всё закончится, Семён Кириллович, — сказал Карапчевский.

— Всё закончится, Александр Дмитриевич, — сказал Гуров. — Скоро закончится.

Возле леса не было деревянной дороги, была только тропинка для одного пешехода. Но мы не могли идти гуськом. Мы с Карапчевским вынуждены были тащить поджигателя. Он висел между нами, как мешок. Очень тяжёлый мешок. Его сильные руки давили на мои синяки. Я понял, что долго не выдержу.

Когда мы скрылись за поворотом, поджигатель слабым голосом сказал:

— Мне уже легче, я сам пойду.

Он опустил на обе ноги и действительно без труда пошёл сам. Теперь мы шли гуськом, и как можно скорее: Карапчевский, потом поджигатель, потом я.

В стороне поселения сверкнула молния. Через три секунды раздался гром. Дождя не было. Ветер гнул деревья, на нас сыпались листья и древесный сор.

— Мне холодно, — слабым голосом сказал поджигатель.

Кажется, он намекал на мой свитер. Свитер ты не получишь, подумал я.

Снова сверкнула молния над поселением, снова ударил гром. Идя вдоль леса, чтобы обойти выжженную землю, мы делали большой крюк. Сейчас мы, по сути, шли параллельно реке. Карапчевский хотел свернуть где-то дальше.

— Бледные поганки! — сказал поджигатель.

Карапчевский не оборачивался.

— Ты бы помолчал, — сказал я.

— Не собираюсь, — сказал поджигатель. — Поганки и есть поганки. Их не только жечь надо.

— Хватит! — сказал я и толкнул его в спину.

Он обернулся. На его лице была наглая ухмылка.

— Тебе мало сегодня наваяли? — спросил он. — Могу добавить.

— Надо было отдать тебя кхандам, — сказал я.

— Отдай, — сказал поджигатель. — Тогда вы все сядете в тюрьму. А мне полиция ничего не сделает.

Вот же гад, подумал я. Никаких человеческих чувств. Уже забыл, как лежал на земле и рыдал.

— Не отставайте, — сказал Карапчевский через плечо.

— Александр Дмитриевич, — сказал я, — давайте его оставим. Слышите, что он говорит?

— Дойдём до реки и оставим, — сказал Карапчевский, шагая вперёд.

Наглая ухмылка не сползла с лица поджигателя.

— Всё равно не оставите, — сказал он.

Я был готов его придушить. Карапчевский только махнул рукой и свернул к реке по ответвлению тропинки. Прямо над головой сверкнула молния, и сразу же громыхнул гром.

Кое-как мы добрались до реки. По серой воде бежали волны. На песчаной отмели нас ждала лодка, наполовину вытащенная на берег и привязанная к колышку.

Карапчевский вдруг обернулся к поджигателю и спросил:

— Кто вас подослал? Сколько вас было? Говори всё, что знаешь.

— Всё равно не оставите, — сказал поджигатель.

Карапчевский махнул мне рукой, а поджигателя, наоборот, придержал. Теперь

поджигатель точно испугался.

— Последний раз задаю вопросы, — сказал Карапчевский. — Не ответишь, останешься на этом берегу. Кто вас подослал? Сколько вас было?

— Нас... нас было пятеро, — сказал он. — Шестеро... Я и ещё пятеро. Подошёл к нам какой-то мужик. Мы его никогда не видели. Предложил заработать. Мы согласились. Говорит: «Приезжайте в промзону к вечеру». Мужик сидит в моторке. Нас перевёз, дал бутылки с какой-то вонючей дрянью, зажигалки. Говорит: «Подожгите дорогу, чтобы в нескольких местах». Мы и подожгли. Я сам не жёг — у меня зажигалка не загоралась. Кто-то ещё дом поджёт. Но не я. Поганки нас засекли...

— Кханды, — поправил Карапчевский.

— Кханды засекли, — сказал поджигатель. — Мы убежали. До утра прятались в лесу, ждали мужика. Решили лес поджечь. Тут опять поганки... кханды. Все убежали, а меня...

У него сделалось такое же лицо, какое было там, на площади.

— Алексан Митрич, — заканючил он, — не оставляйте меня...

Карапчевский отвязал лодку.

— Алекса-а-ан Ми-и-трич... — канючил поджигатель.

— Замолчи, — сказал Карапчевский и стал толкать лодку в воду. — Ваня, помоги.

Первый раз Карапчевский обратился ко мне на «ты».

Он пропустил нас в лодку, а сам ещё стоял на отмели, по колено в воде, когда закапали первые капли. Я понял, что сегодня промокну до нитки. Я позавидовал поджигателю. Этот гад был одет в непромокаемую куртку с капюшоном.

Хлынул ливень. В свете молнии Карапчевский проявился, как призрак. Он что-то сказал, но его заглушил гром.

— Что вы сказали? — спросил я.

Дождь продолжался. Я заметил, что мой свитер не промокает. Вода стекала по нему, как по резине. Я с удивлением пощупал воротник, рукав и окликнул Карапчевского.

Его не было видно. Он как будто растворился в темноте.

## Глава IX. Пять лет назад, сентябрь

Урок только начался, как в аудиторию вошёл сам Антон Фёдорович, директор. Екатерина Леонидовна почтительно умолкла. Гоша, который собирался послать бумажного голубя в чью-то макушку, передумал и спрятал голубя под учебник. Класс встал, директор поздоровался и жестом разрешил садиться.

За солидной фигурой директора следовал какой-то мальчишка. Бледная кожа, светло-серые волосы, голубые глаза. Это был кханд! Класс притих от неожиданности.

Ваня узнал кханда. Гоша тоже узнал, ткнул Ваню ручкой в спину и прошептал:

— Это же он!

Ваня отмахнулся.

— Дорогие дети! — сказал директор. — С сегодняшнего дня с вами будет учиться вот этот мальчик. Его зовут Кирилл Гуров. Надеюсь, что в лице Кирилла вы найдёте себе хорошего товарища. А он найдёт хороших товарищей в вашем лице... В ваших лицах.

Гоша опять ткнул Ваню в спину. Ваня обернулся и прошептал:

— Отвали.

— Тюменев! — сказала Екатерина Леонидовна. — Даже перед Антоном Фёдоровичем вертишься.

— Ничего, ничего, — сказал директор. — Все мы волнуемся. И я, и вы, и дети, и Кирилл.

Он посмотрел на Кирилла. Кирилл был совершенно спокоен.

— Это и немудрено, — сказал директор. — Наша гимназия избрана, чтобы участвовать в очень важном деле: интеграционном эксперименте. Вам уже рассказывали об интеграционном эксперименте?

— Да... рассказывали... рассказывали... — раздалось несколько голосов.

— Вот и прекрасно! — сказал директор. — Помните: на всех нас лежит большая ответственность. Теперь в том числе от нас зависит, как скоро интеграция будет начата по всей стране. Я надеюсь, что в лице Кирилла вы найдёте...

В классе захихикали. Директор понял, что пошёл по второму кругу, и сказал:

— Садитесь, Кирилл.

Кирилл не знал, к какому ряду идти.

— Куда бы нам посадить Кирилла? — спросил директор у Екатерины Леонидовны.

— С Тюменевым, — сказала Екатерина Леонидовна и прибавила: — Может быть, Кирилл повлияет на его поведение.

Сосед Вани пересел на другое место, и рядом с Ваней сел Кирилл. Гоша снова ткнул Ваню в спину.

— Ты чем-то недоволен, Тюменев? — спросила Екатерина Леонидовна.

— Доволен, — сказал Ваня.

Директор посмотрел на часы.

— Начинайте урок, не буду мешать.

Когда он выходил, класс опять встал, затем с разрешения Екатерины Леонидовны сел. Все оглядывались на парту, где сидели Ваня и Кирилл. Ване казалось, что смотрят на него. Девчонки пихали друг дружку. «Голубые глаза...» — вполголоса сказала одна. Кирилл выложил тетрадь и ручку и приготовился слушать учительницу. Его не волновали ничьи

Взгляды.

— Ребята! — сказала Екатерина Леонидовна, которая тоже не могла оторваться от необычной внешности Кирилла. — Сегодня у нас особенный урок. В этом году мы будем говорить не только об истории страны, но и об истории нашего с вами города.

— А в следующем — про историю микрашей, — сказал Гоша.

— Интересная мысль, Крапивин, — сказала Екатерина Леонидовна. — Только почему же в следующем году? Микрорайоны или, как ты выразился, микраши — это такая же часть нашего города. Может быть, ты хочешь что-то про них рассказать? Встань, расскажи, а мы слушаем.

Гоша замялся.

— Ну, Крапивин, мы ждём, — сказала Екатерина Леонидовна.

— Выдай про Трубу, — сказал Гошин сосед Васёк, его приятель и телохранитель, а иногда шут.

— Расскажи нам, пожалуйста, про Трубу, — сказала Екатерина Леонидовна.

— Да я... — бормотал Гоша. — Я не это...

— Я не это, я не то, — сказала Екатерина Леонидовна. — Садись, Крапивин, горь луковое. Вернёмся к более древней части нашего города. Начнём с основания. Кто знает дату основания Туганска?

Знали две отличницы — Настя и Анфиса. Отличница Настя ответила.

— А что значит название Туганска?

Отличница Настя сказала, что название Туганска и речки Туганки — это нерешённый наукой вопрос, и получила свою пятёрку.

— Действительно, — сказала Екатерина Леонидовна, — в истории нашего города много тёмных пятен. Таким пятном является и происхождение названия.

Кирилл поднял руку — левая лежит на парте, правая локтем упирается в ладонь левой и торчит вертикально с выпрямленными пальцами. Так учат малышей в первом классе.

— Ты что-то хотел, Кирилл? — сказала Екатерина Леонидовна.

Кирилл поднялся. Его светлые волосы сияли под лучами солнца.

— Я хотел уточнить, — сказал Кирилл. — На месте Туганска раньше находился кхандский город Туган. Туганский острог называли в честь Тугана. «Туган» по-кхандски значит «земля».

— Ничо се! — сказал Васёк.

Класс расшумелся. Все были возмущены, особенно Гоша. Чтобы название нашего города происходило от какого-то кхандского слова!.. От учительницы требовали опровержения.

— На самом деле, — волнуясь, сказала Екатерина Леонидовна, — Кирилл, возможно, — подчеркну, возможно, — прав. Учёные высказывают и такую версию. Но она признана далеко не всеми учёными.

— Понял? — сказал Гоша и ткнул Кирилла ручкой в спину.

Кирилл с быстротой змеи обернулся и вырвал ручку у Гоши.

— Э... — только и сказал Гоша.

Екатерина Леонидовна заставила Кирилла отдать ручку. Дальше урок прошёл мирно. Отличница Анфиса получила пятёрку. Кирилл больше не поднимал руку. Гоша перестал тыкать в спины и о чём-то шептался с Васьком.

На перемене Кирилл вышел в коридор и встал у окна, ни с кем не общаясь. Ваня хотел подойти к нему, просто так поговорить. Он-то знал, что Кирилл — непростой человек. Ваню

опередили Гоша и Васёк.

— Узнаёшь, молчун? — спросил Гоша.

Кирилл не ответил.

— Он и вправду молчун, — сказал Васёк. — У нас он будет крикун.

Васёк притворно замахнулся рукой. Кирилл не дрогнул.

— Ладно, молчун, — сказал Гоша. — Если не сканишь — приходи после уроков на пустырь, в Ангар. Знаешь, где Ангар? В окно глянь.

На остальных уроках Кирилл не отличился. По латыни чуть не получил двойку, но его простили как новичка. Ваня так и не подошёл к нему.

\* \* \*

Ангар когда-то был элингом — помещением для дирижаблей. Но его называли просто Ангар.

В начале века на месте пустыря был воздухоплавательный парк. Здесь взлетали и приземлялись огромные дирижабли. Дирижабли давно не использовались, их постепенно заменяли самолёты. От дирижаблей долго оставался ржавый двигатель, который лежал в середине пустыря, наполовину вросший в землю, как камень из сказок. Возле него удобно было назначать встречи. «Возле двигателя?» — «Возле двигателя». В прошлом году подъехали какие-то люди на грузовике и увезли двигатель.

Ангар поражал воображение своими размерами. Он был виден с любого конца пустыря. Никто его не мерил, но отец говорил маленькому Ване, что длина Ангара — как три футбольных поля, а высота — как почти две девятиэтажки. Снаружи он походил на кашалота, выброшенного на берег. Внутри был виден мощный скелет кашалота, его металлические кости, скреплённые намертво прикрученными болтами. В земле, только копни, до сих пор можно было найти железки, болты, гаечные ключи, монеты. Всё это бережно пряталось в бездонные карманы мальчишек, в шкафы и тумбочки — на всякий случай.

Каждому мальчишке родители запрещали играть в Ангаре, боясь, что какая-нибудь балка обвалится. И каждый мальчишка нарушал этот запрет. Но только днём. Ночью в Ангар никто не совался.

Радио иногда говорило, что Ангар собираются снести, чтобы освободить место для новых домов. Как будто вокруг было мало места! Ангар всё не сносили. Казалось, он стоял здесь с начала времён и простоит до конца света.

В Ангаре собрался не только тот класс, где учился Ваня, подошли и ученики других классов — и помладше, и постарше. Они стояли, сидели на ящиках, болтали, курили. Все ждали хорошего развлечения. А что может быть лучше драки, когда сам не дерёшься, а только смотришь? Стоять, сжимать кулаки, кричать: «Врежь ему, врежь!»

Голуби перепархивали с балки на балку. Земля была загажена голубиным помётом. На стенах были те картинки, которые обычно появляются на стенах заброшенных зданий. Объёмными буквами были написаны ругательства — «бледные поганки», «дифферы» и так далее.

Прошло полчаса, а Кирилла не было. Начали говорить, что он сканил. Гоша закурил вторую сигарету и сказал:

— Молчун и в лагере всегда канил. Ванёк, подтверди.

Кирилл зашёл в Ангар через огромные ворота и встал перед толпой. Толпа расступилась, пропустила его и замкнулась, образовав круг. Гоша и Кирилл знали, зачем они сюда пришли, и не стали тратить времени на слова. Гоша, не вынимая изо рта сигарету, снял куртку и передал её Ваську. Кирилл положил куртку на землю.

Гоша постоянно хвастался, что его отец владеет каким-то особенным единоборством, которому учат на полицейских курсах, и что отец научил Гошу. Но дрался он обыкновенно — махал руками и ногами. И часто использовал запрещённые приёмы.

Гоша и Кирилл сходились. Гоша взял сигарету, как будто собирался её выбросить, и неожиданно потянулся горящим концом сигареты к лицу Кирилла.

Кирилл перехватил Гошину руку... И вот уже Гоша валялся на земле с вывернутой рукой, а в спину ему давило колено Кирилла. Гоша, уткнувшись лицом в кучку помёта, стонал от боли. Мальчишки издали крик восторга, девчонки охнули. Кирилла подзуживали сломать Гошину руку, и громче всех подзуживал Васёк. Кирилл потянул руку и надавил коленом. Гоша застонал сильнее.

— Сломай его! — кричали вокруг. — Сломай!

Кирилл отпустил руку и отошёл.

Гоша упал на землю. Он немного полежал, потом поднялся. Его лицо и одежда были измазаны помётом. Кто-то захихикал. Васёк подал Гоше куртку, но Гоша её не взял.

— Это было нечестно, — сказал Гоша. — Он раньше начал. Правда ведь? Все видели. Он раньше начал. Васёк?

— Он раньше начал, — сказал Васёк, который понял, что развлечение можно продлить. — Теперь давайте по-честному.

Гоша отряхнулся и встал в боксёрскую стойку. Кирилл не приближался к Гоше, поэтому Гоша сам приблизился.

Гоша нанёс удар. Мимо! Ещё серия ударов. Мимо! Мимо! Мимо! Кирилл уворачивался, но сам не бил.

Гоша наседал на Кирилла, Кирилл отступал. Толпа разошлась, и Гоша прижал Кирилла к ящикам. Ваня видел только широкую спину Гоши, его рубашку с пятнами пота между лопаток. Кирилла он не видел.

Тут толпа заслонила соперников от Вани. Снова крик восторга мальчишек и снова оханье девчонок. Что-то случилось... «Гоша, бей!» — послышался голос Васька. Ваня протискивался вперёд, когда раздался всеобщий крик... не крик, а вопль... вопль уже не восторга, а восторга, смешанного с ужасом. Гимназисты развернулись и помчались в сторону ворот. Ваню задевали со всех сторон, чуть не сбили с ног. Ваня смотрел в перекошенные лица гимназистов и ничего не понимал. Что их так испугало?

Когда стало свободнее, он увидел возле ящиков обоих соперников. Они были окутаны странно густым сигаретным дымом. Кирилл стоял и с напряжением тёр ладони. Гоша лежал на земле, лицом вниз, вытянув правую руку. Рядом с правой рукой лежали какие-то обломки.

Это был сломанный складной нож — рукоятка отдельно, лезвие отдельно. Лезвие было скручено, как штопор.

На следующий день Гоша в гимназии не было. Кирилл пришёл, и никто к нему больше не лез. На него смотрели кто с уважением, кто со страхом. Ваня сидел за одной партой с Кириллом, и они не сказали друг другу ни слова. Ваня хотел поздравить Кирилла с честной победой. Но теперь было поздно. Раньше он как будто боялся, а теперь пытается подружиться с победителем.

Через неделю Гоша явился в гимназию с заживающими ссадинами на лице и с перебинтованной правой кистью. На Кирилла он старался не смотреть и попросил посадить его за первую парту. Екатерина Леонидовна удивилась и разрешила.

Когда какой-нибудь гимназист только открывал рот, чтобы сказать что-то Гоше, Гоша так на него смотрел, что гимназист закрывал рот и уходил. Но за спиной у него шушукались. Учителя считали, что Гоша повредил руку при падении с лестницы. По-настоящему огорчился только физкультурник, которому надо было готовить сборную по баскетболу для чемпионата города.

Ещё через три дня исчез Кирилл. Учителя не знали, что с ним. Телефона у него дома, как и у большинства, не было. Гоша в тот день чувствовал себя увереннее. Шушукались уже меньше. На одной перемене Гоша даже начал говорить Ваську: «Как я его тогда...» Васёк хмыкнул, но не возразил.

После последнего урока в класс зашла Екатерина Леонидовна и сказала:

— Ребята, кто-нибудь знает, почему Кирилл сегодня отсутствует?.. Как же так? Это ваш товарищ. Вы уже две недели учитесь вместе. Его нет, а вы ничего не знаете.

— Болеет, наверное, — сказал кто-то.

— Воспалением хитрости, — сказал Васёк.

— Ребята, — сказала Екатерина Леонидовна, — нужно сходить домой к Кириллу и узнать, что с ним. Кто пойдёт?

Никто не хотел идти.

— Тюменев, — сказала Екатерина Леонидовна, — ты был с Кириллом в лагере. Ты с ним сидишь за одной партой и лучше всех его знаешь. Не хочешь навестить товарища?

По классу пронеслись смешки.

— Главное, не целуйся, а то заразишься! — заржал Гоша.

— Крапивин, — сказала Екатерина Леонидовна. — Ты ведь тоже был в лагере. Сходишь вместе с Тюменевым. Так Кириллу будет приятнее.

Снова пронеслись смешки, смысл которых Екатерина Леонидовна явно не понимала. Гоша перестал ржать. Теперь поржали над ним.

На улице Гоша сказал Ване:

— Вот Екатерина чокнулась. Ещё ходи к этому...

— Я пойду, — сказал Ваня.

Гоша даже не удивился. Ещё в лагере он понял, что Ваня относится к Кириллу по-другому.

— Иди к своей поганке, — сказал Гоша.

— Пойду, — сказал Ваня. — А ты попробуй ему в лицо сказать, что он поганка.

Гоша нахмурился.

— Ты чего?.. Может, в Ангар сходим?

— Руку береги. Это твой самый ценный орган.

— Выбрал время, когда у меня рука... Да я тебя потом...

Подошёл Васёк и другие. Гоша опять затевает драку!

— Совсем оборзел... — сказал Гоша.

Он хотел ещё что-то крикнуть вслед Ване, но на крыльце показался Антон Фёдорович. Он кого-то высматривал. Старшекласники попрятали сигареты, малыши перестали орать. Директора не интересовали сигареты. Он быстрым шагом нагнал Ваню:

— Подожди-ка минуту.

Ваня остановился. От разговора с директором ничего хорошего не жди. Ваня стал вспоминать, за что его могли ругать. Хвалить вроде не за что.

— Тюменев, да? — сказал директор. — Тюменев, сделай одолжение. Когда вернёшься от Кирилла, то зайди опять в гимназию, ко мне в кабинет и расскажи, что с ним случилось. Передай также Кириллу, что если у него какие-то неприятности, пусть смело обращается прямо ко мне. Хорошо?

Ваня пообещал. Когда он неделю болел, то к нему никого не посылали. А уж директор до сих пор вообще не знал, что у него учится такой Ваня. Ване сразу расхотелось идти к этому любимчику учителей. Он всё равно пошёл — не ради Кирилла, а назло Гоше и его приятелям.

Кирилл жил на улице Свадебной, в самой новой шестнадцатизэтажке. Ваня поднялся на шестнадцатый этаж. На площадке у двери квартиры, где жил Кирилл, необычно пахло. Свежей стружкой, сушёными травами, ещё чем-то летним. Хорошо пахло. Косяки вокруг двери были украшены сложными узорами. Такими же узорами были украшены деревянные ручки вокруг звонка и глазка.

На звонок открыл парень-кханд, похожий на Кирилла. Наверное, старший брат. Он недоверчиво осмотрел Ваню.

— Здравствуйте, — сказал Ваня. — А Кирилл дома?

— Дома, — сказал брат.

Из комнаты вышла полная женщина. Её лицо было очень бледное, морщинистое, усталое, и сначала Ваня подумал, что это бабушка Кирилла.

— Мам, тут к Кириллу пришли, — нерадостным голосом сказал брат. — Гости...

— Здравствуй, — сказала женщина. — Ты проходи.

Прихожая была тесной, как у всех. Пахло сушёными травами. В кухне что-то варилось, оттуда доносились ещё более вкусные запахи.

— А Кирилл дома? — спросил Ваня.

— Дома, — сказала мать Кирилла.

— Меня прислали из гимназии. Чтобы узнать, что с ним.

— Что с ним делается? Прходи, проходи.

В коридоре показался Кирилл, который вёл за собой девочку примерно пяти лет. Значит, брат, сестра — большая у них семья... Кирилл не выглядел больным. Увидев неожиданного гостя, он удивлённо воскликнул:

— Иван! Это ты!?

От другого человека было бы нормальным такое услышать, но для Кирилла такое восклицание было всё равно, как если бы он начал прыгать на месте, хлопать в ладоши и орать в полный голос. Он действительно очень-очень сильно удивился.

Вся его семья очень сильно удивилась приходу Вани. Все четверо стояли и смотрели на него. Девочка прижималась к Кириллу, как будто боялась, но было заметно, что любопытство побеждает. У матери волосы были желтоватые, а у детей — одинаковые светло-серые.

— Это Иван, — сказал Кирилл. — Он из нашего класса.

— Это мы уже слышали, — сказала его мать. — Проводи Ивана в комнату.

Кирилл передал девочку матери и пошёл по коридору обратно.

Мебель в комнате Кирилла была обычной. Двухъярусная кровать — наверное, здесь жили оба брата, — стол, тумбочка, шкаф, полки. Но вся она была украшена узорами. На полке рядом с учебниками лежали деревянная плоская шкатулка, тоже вся в узорах, и деревянная ещё гладкая птица. У птицы было украшено только одно крыло. Рядом с ней лежал нож, похожий на скальпель, — длинная рукоятка и короткий клинок.

Дом стоял на краю пустыря, но окна выходили во двор. Дальше были видны высотки других микрорайонов, а за лесополосой железной дороги — небоскрёбы на Республиканской улице.

— Значит, не болеешь? — спросил Ваня.

— Надоела гимназия, — сказал Кирилл. — Больше не буду туда ходить. Кхандам это не нужно. — Последнюю фразу он сказал так, как будто повторил чьи-то слова.

— А родители?

— Отец на севере работает, на Юраке. А мать... Она думает, это только на неделю. Она хочет, чтобы я получил образование. А зачем? Для дворника или строителя не нужно образование.

— Окончишь гимназию, потом институт. Тебя возьмут на любую работу.

Кирилл смотрел на Ваню, как взрослый — на ребёнка. Видно, Ваня чего-то действительно не понимал.

Он подбирал слова для ответа, когда в комнату вошла сестра Кирилла. Она тихо открыла дверь, быстрыми шагами обогнула Ваню, приблизилась к Кириллу и спряталась за ним.

— Тебя как зовут? — спросил Ваня.

Девочка молчала.

— Маша, — ответил за неё Кирилл.

— Тебе хорошо: есть брат и сестра, — сказал Ваня. — У меня вот ни брата, ни сестры. Иногда скучно.

— У меня два брата, — сказал Кирилл. — Яков и Данила. Данила живёт на Островах.

— И вы там жили?

— Лучше бы не уезжали, — сказал Кирилл.

Маша, немного привыкнув к гостю, отлипла от брата, взяла с полки шкатулку и посмотрела на неё. Её лицо осветилось красноватым светом. Наверное, внутри шкатулки была лампочка. Кирилл отобрал шкатулку.

— Дай мне ялк, — капризным голосом сказала Маша.

Ялк... Странное слово. Ваня слышал такое первый раз.

Кирилл засунул ялк за учебники и дал Маше птицу. Маша потянулась и за ножом, но нож Кирилл отобрал.

— Так что сказать в гимназии? — спросил Ваня.

— Так и скажи, — ответил Кирилл. — Больше не буду туда ходить. Устроюсь на завод. Там мать работает, и Яков тоже. Потом поеду с отцом на север.

Ваня подумал, что пора уходить.

Не успел он попрощаться, как вошла мать Кирилла и позвала всех на обед. Ваня пытался отказать, но его стал уговаривать даже Кирилл.

За стол сели Ваня, Кирилл и Маша. Якова не было. Мать Кирилла поставила перед Ваней большую глубокую тарелку и налила туда... Ваня не знал, что она туда налила.

Еда была пахучая, непонятно из чего сделанная. Густая жижа с кусками то ли овощей, то ли мяса, то ли теста. Суп — не суп, жаркое — не жаркое. Ваня попробовал и так быстро съел всю тарелку, что ему предложили добавку. Он хотел отказаться, но не отказался и быстро съел добавку.

Ему налили чай — тёмный, с травами. Подвинули другую кружку — с орехами в меду и тоже с какими-то травами. Дома орехи в меду были совсем другие. После третьей кружки чая и второй кружки орехов он понял, что не сможет подняться.

А мать Кирилла ещё отрезала ему кусок от толстого ягодного пирога. От пирога уже шёл такой запах, что можно было его вообще не есть — только нюхать и нюхать. Ваня следил за тем, как мать Кирилла режет пирог, и думал, что домой сегодня не дойдет.

Он заметил, что она случайно задела ножом свой палец. Он ожидал, что она вскрикнет. Она не кричала, а спокойно продолжала резать. Кровь из пальца не шла. Но Ваня ясно видел, что она порезала палец. Нож был очень острый — резал пирог так, что тесто почти не прогибалось. Он внимательно смотрел за действиями женщины. Никаких криков, никакой крови.

Мать Кирилла не заставила Ваню есть пирог. Она завернула его в бумагу и сказала: — Вот, дома поешь.

Провожали Ваню тоже всей семьёй, кроме Якова.

— Ты ещё заходи, — сказала мать Кирилла. — Кирюше нелегко в гимназии. Он у нас два года ходил на курсы в Интеграционном комитете. Сдал экзамены за все классы. Предлагали пойти в шестой или в седьмой. А он — сразу в восьмой. Конечно, нелегко. Я ему — не помощник. Яша — тоже. Мы читать и писать кое-как умеем. А Кирилл — в гимназии. Нелегко. С друзьями будет легче.

Она погладила Кирилла по светло-серым волосам. Кирилл не отстранился, как сделал бы в таком случае Ваня.

Кто-то позвонил в дверь. Ваня отодвинулся, мать Кирилла впустила аванскую женщину в халате. Женщина со всеми поздоровалась и шёпотом, хотя её все слышали, сказала матери Кирилла:

— Аннушка, вы мне опять не погадаете?

Мать Кирилла немного застеснялась и увела женщину в комнату.

\* \* \*

Кирилл не превратился в великого оратора, но говорил с Ваней как со старым знакомым. На уроках он часто тянул руку — в той же манере первоклассника, — и удивлённые учителя ставили ему заслуженные пятёрки.

Ваня позвал Кирилла к себе в гости. Потому что мама сказала, что на гостеприимстве нужно отвечать. Кирилл согласился. После уроков они пошли к Ване. Больше всего Кирилла поразила библиотека. Он брал в руки обычные книги, как будто это была большая ценность. Ваня дал ему почитать «Карту острова сокровищ», «Занимательную Грецию» и «Чёрную землю фараонов». Сам он читал эти книги не один раз, а Кирилл о них даже не знал.

После приезда Вани из лагеря отец купил ему новейшую радиолу. Она стояла не на

полу, а на столе. Ваня провёл рукой по пластиковому корпусу, открыл стеклянную крышку, показал проигрыватель для пластинок. Выяснилось, что Кирилл слушал радио только на подготовительных курсах в этом самом Интеграционном комитете. Ваня не предполагал, что существуют люди, у которых дома нет радиоприёмника.

Ваня так любил передачу «Клуб великих учёных» и спектакли о знаменитом сыщике Улиссе и его враге авантюристе Одиссее, так огорчился, когда их пропускал! У него было несколько пластинок со старыми записями «Клуба великих учёных». Он поставил пластинку с первым выпуском, и они целый час просидели у радиолы. Ваня хотел дать Кириллу пластинки, но у Кирилла не было и проигрывателя. Ваня пообещал, что вечером спросит у родителей, можно ли подарить Кириллу старый Ванин проигрыватель. Всё равно он валяется на антресолях.

Чтобы дать Кириллу возможность побольше насладиться звучанием радио, Ваня щёлкнул переключателем. Какой-то голос говорил: «Смешно, что в нашем мегаполисе приходится использовать паром, как в глуши. В ближайшее время мост через Ергу будет обязательно построен». Ваня переключил на более интересную передачу.

Следующие дни Ваня и Кирилл после гимназии не разлучались. Забежав домой и перекусив, они собирались у одного или у другого, и Кирилл говорил:

— Пойдём погуляем.

— Пойдём, — говорил Ваня.

И они шли шататься по пустырю.

Они подходили к Ангару, и Ваня рассказывал об Ангаре, о воздухоплавательном парке и двигателе, который увезли в прошлом году.

Они спускались во впадину посреди пустыря, которая тянулась к железной дороге, и Ваня рассказывал о том, что здесь раньше была река, а теперь её заключили в трубу, и это место так и называли — Труба. Кое-где показывался ржавый бок трубы, и можно было услышать, как внутри течёт вода. А с другой стороны железной дороги, рассказывал Ваня, река освобождалась и текла в овраге через промзону к Ерге. Правда, Ваня ни разу не видел эту реку с другой стороны железной дороги. Кирилл сказал, что его мать работает на заводе, который стоит рядом с этим оврагом.

Через час они добирались до магазина «Новогодний» на Новогодней улице. Тут уже начинался другой микрорайон. На базарчике возле магазина продавали овощи, одежду, игрушки, книги. Парень в кожаной куртке продавал старые вещи. Многие из них были найдены на пустыре. Ване и Кириллу парень предлагал купить значки Преторианской гвардии. «Это уже редкость», — говорил он.

На обратном пути они шли по другой тропинке, ближе к объездной дороге и заглядывали на Кладбище статуй. Среди кустов ивы лежали и стояли памятники генералам и адмиралам — с постаментами и без постаментов, групповые и одиночные, пешие и конные, в современных мундирах, в греческих плащах и римских тогах, с орденами... С множеством орденов. Их было несколько десятков. У многих были отбиты носы, руки, ноги, головы, мечи. Некоторые просто распались на куски.

Памятники никто не охранял, не было никакого забора. Отец говорил Ване, что их привезли из города лет семь назад и бросили в этом месте, потому что они устарели. Он говорил об этом с большим удовольствием.

Наверное, генералы и адмиралы были знаменитые в своё время люди. Они совершили великие победы, если им ставили памятники. Но теперь эти солдаты каменного войска

проигрывали сражение траве и воде, которые разрушали камень, насекомым, которые заползали в щели, птицам, которые усаживались на гордые головы и торжественно поднятые руки.

Маленький Ваня думал, что эти каменные солдаты заснули. Он думал, что когда-нибудь они проснутся и снова начнут войну.

Ваня и Кирилл шли вдоль объездной дороги, смотрели на грузовики и темнеющий за дорогой лес, и однажды Кирилл сказал:

— Раньше здесь были кхандские посёлки. Тогда везде вокруг Туганска были кхандские посёлки. Теперь остался только один — за рекой.

— Откуда ты знаешь? В книжке вычитал? — спросил Ваня.

— Нет таких книжек, — сказал Кирилл. — Мне дед рассказал. Он на Островах живёт.

Уже второй раз Кирилл показывал, что знает об истории что-то такое, чего никто не знает. Ване захотелось познакомиться с дедом Кирилла, который жил на Островах.

## Глава X. Снова июнь

— Кто здесь Тюменев? — спросила какая-то строгая женщина.

Студенты указали ей на подоконник, на котором я сидел. Я сполз с подоконника. Строгая женщина брезгливо посмотрела на моё лицо, на котором красовались синяки и ссадины, и сказала:

— После экзамена — к ректору.

Я не успел спросить о причине, как она уже ушла.

— Ректор без нашего Ваньки не может управлять институтом, — сказал Артём.

На рукаве его пиджака была нашивка — чёрный ромб с красными буквами СД. Такие же нашивки были у всех студентов, даже у девушек. Всех студентов записали в организацию под названием Студенческая дружина по охране порядка. Коротко — Студенческая дружина. Хотя это была добровольная организация, но никого не спрашивали, хочет он туда вступить или нет. Меня тоже записали. Нашивка лежала у меня в кармане.

Я был не против вступления в СД. Помогать полиции патрулировать улицы, ловить шпану и пьяниц — что в этом плохого? Расцветка ромбов напоминала чёрно-красные галстуки Легиона. А как я мечтал о Легионе, ещё когда ходил в детский сад! Как я завидовал старшим ребятам! Какие у них были значки — орёл со сложенными крыльями! Но ещё лучше были значки у старшеклассников из Преторианской гвардии — орёл с расправленными крыльями.

Я пробыл в Легионе всего год — в первом классе. Легионерская жизнь уже ничем не отличалась от обычной гимназической жизни. Никаких тебе военных игр. А потом Легион и вовсе закрыли. Остались только лагеря Легиона, которые переделали в Лесные лагеря. Родители почему-то радовались закрытию Легиона. Я не мог понять, чему тут радоваться.

Студенческая дружина была похожа на Легион или Преторианскую гвардию. Но теперь я почему-то сомневался. Я думал, что чиновники, которые придумали СД, наверняка дифферы. Как и все чиновники. А в дифферских делах я участвовать не собирался. Я хотел посоветоваться с Карапчевским. Поэтому носил нашивку в кармане.

Из кабинета вышел Денис. Он показал мне пять пальцев — конечно, пятёрка, и спрашивать не надо! — и подошёл к Наташе. Она пришила ромб золотыми нитками — так он был ещё заметнее.

Я решил, что зайду среди последних. Латынь никогда мне хорошо не удавалась, и подготовился я плохо. Неудобно готовиться, когда при каждом повороте или напряжении между рёбрами ввинчивается резкая боль. Пришлось всё-таки пойти к врачу, пить обезболивающее, мазать грудь мазью. Вся одежда пропахла аптекой.

Артём тоже ждал конца экзамена. Он тоже плохо подготовился. Но по другим причинам. Он так старательно притворялся равнодушным, когда смотрел в сторону Дениса и Наташи, что всё было ясно.

Артём получил четвёрку, а я напереводил на тройку, но профессор сжалился и поставил четвёрку. Мы вышли и со словами: «Друг мой, брат мой!» — начали так прыгать и танцевать, что у меня опять стрельнуло между рёбрами. Профессор нас наверняка услышал, но нам было всё равно. Мы были уже третьекурсники, а не какие-то второкурсники и тем более не эти малыши-первокурсники. В коридоре никого не было, никто не хотел разделить нашу радость.

За окном шумел бесконечный мелкий дождик. Такой серый, такой нудный, такой осенний... Печальное сопровождение для нашего триумфа.

— Тебе же к ректору, — сказал Артём. — Тебя подождать?

— Не надо, — сказал я. — Я потом...

— В Интеграционный комитет, — понял Артём.

— Может, ты со мной? — спросил я.

— Мне вечером в патруль, — сказал Артём и похлопал по ромбу на рукаве.

Мы распрощались, и я пошёл к ректору. Строгая женщина в приёмной ректора велела мне сидеть и ждать. Я сел в приёмной. Строгая женщина велела мне сидеть в коридоре и ждать. Я ждал полчаса.

Через полчаса из кабинета вышел сам ректор и его посетитель. Посетитель был невысокий мужчина, в очках, с залысинами. Сам он был довольно щуплый, но лицо у него было по-младенчески круглое. Он пытался придать своему младенческому лицу сердитое выражение — хмурил брови и сжимал пухлые губы.

— Виктор Викторович, — сказал ректор, — не беспокойтесь. Наш институт на вашей стороне.

В присутствии круглолицего он как будто старался сузить своё расплывшееся квадратное тело.

— Хотелось бы верить, — сказал круглолицый и сердито посмотрел на меня.

Проводив посетителя, ректор тоже посмотрел на меня, но не позвал, а ушёл к себе. Я просидел ещё пять минут. После этого строгая женщина разрешила мне войти.

Я уже был знатоком начальнических кабинетов, и меня не удивил ни Т-образный стол, ни портрет первого консула, ни египетские безделушки на столе. А сам ректор меня тем более не удивил.

— Тюменев? — сказал он, что-то записывая. — Что у вас, Тюменев?

Как будто не он меня вызвал, а я сам к нему припёрся.

— Последний экзамен? — спросил он.

— Да, по латыни, — сказал я.

— И что получили?

— Четвёрку.

— Поздравляю. Но можно было лучше. Ведь можно было?

Я думал о том, зачем он меня вызвал. Это же не гимназия, а он не классный руководитель, чтобы ругать каждого за оценки.

— Вы ведь член Студенческой дружины, — сказал ректор. — Почему не носите нашивку?

— Не успел пришить, — соврал я. — Завтра пришью.

— Может быть, вы против Студенческой дружины? — сказал ректор.

— Не против, — сказал я. — Завтра пришью — не оторвёте.

— Вы остроумный человек, — сказал ректор.

Он встал, подошёл ко мне и предложил садиться. Мы оба сели. Ректор взял в руки карандаш.

— А чем вы занимаетесь, помимо учёбы? — спросил ректор.

— Помогаю музейщикам, — сказал я. — Копаю подземный ход в овраге за музеем.

— А чем занимались до раскопок? — сказал ректор.

— Ходил в Луна-парк.

— И девушка, конечно, есть?

Я не ответил.

— И подраться вы тоже любите. — Он обвёл карандашом моё лицо.

Я опять не ответил.

Ректор оглянулся на дверь, как будто боялся, что кто-нибудь войдёт.

— А чем ещё? Есть у вас какое-то важное занятие?

Я молчал.

— У вас есть важное занятие, — утвердительно сказал ректор. — Почему вы скрываете?

В этом нет ничего постыдного. Вы работаете в Интеграционном комитете. Проводите там много времени, получаете жалованье. Хорошо знакомы с Александром Дмитриевичем Карапчевским.

Мне не понравилось, каким тоном он произнёс имя Карапчевского.

— А разве работа в Инткоме — это нарушение институтского устава? — спросил я.

— Конечно, не нарушение, — сказал ректор. — Я только приветствую ваше желание принять участие в интеграции. Наш город прославился на всю страну как площадка для интеграционного эксперимента. Но вот вопрос: насколько эта работа совместима с учёбой в Педагогическом институте? Совместима ли?

— Я работаю только полдня. А полдня учусь.

— А как же библиотека? Как же подготовка к семинарам, к экзаменам? Вы сами говорите, что на экзамене по латыни получили четвёрку. А если бы вы не работали в Интеграционном комитете, то что бы вы получили?

— Тройку, — сказал я.

Ректор засмеялся.

— Вы остроумный человек. Я ценю в людях остроумие. Но чтобы добиться успеха в жизни, мало остроумия. Знаете, что нужно, чтобы добиться успеха в жизни? Знаете?

Он так наседал, что заставил меня ответить:

— Не знаю.

— Нужно выбрать себе правильное занятие, — сказал ректор. — Нужно выбрать одну-единственную дорогу и идти по ней, не сворачивая. У меня в молодости тоже был выбор: остаться на заводе или идти в науку. Я выбрал науку и не жалею о выборе. А если бы вам предложили выбрать одну-единственную дорогу, что бы вы выбрали? Учёбу в Педагогическом институте или интеграцию?

Так вот на что ты намекаешь, подумал я. И как я сразу не догадался? Ещё один диффер!

— Я вас не заставляю, — сказал ректор. — Не имею права вас заставлять. Но поверьте опытному педагогу, что продолжение работы в Интеграционном комитете — или где-то ещё — только отвлечёт вас от учёбы. Вы перешли на третий курс, а это самый сложный курс. Спросите у старших товарищей. Многие срываются, бросают учёбу. Зачастую это происходит из-за посторонних занятий.

— А как же Студенческая дружина? — спросил я. — Она не будет меня отвлекать?

— Это только на время каникул, — сказал ректор. — Можете считать, что это наш эксперимент. Надеюсь, вам всё понятно?

Мне всё было понятно. Мне было понятно, что если видишь небольшого начальника, который сидит за Т-образным столом перед портретом большого начальника, то знай: этот человек — диффер. Не нужно с ним разговаривать. Не нужно ни о чём его просить. Не нужно ни в чём его убеждать.

Солнце не показывалось после той грозы над Островами. На улице было серо из-за низких туч. От осеннего дождика при сильном ветре костенели пальцы на руках. Этот летний холод был хуже любого мороза. Но Гуровский свитер под курткой обволакивал моё тело приятным теплом.

Дверь в комитет была заперта и опечатана полицией. Окно рядом было полностью выбито и закрыто упавшим шкафом. Вокруг крыльца валялись насквозь промокшие папки и отдельные бумаги. Я заметил папку «О-ва (II)». Она была пустая. Когда-то в ней хранились карты Островов. Значит, опять было нападение. От ненависти я перестал чувствовать дождинки, которые текли по лицу. Или это были не дождинки, а слёзы?

Я пошёл в префектуру к Никите Максимовичу. Никмак разговаривал с какими-то людьми в мокрых плащах. Когда он увидел меня, то быстро с ними распрощался. Я спросил, что произошло в комитете.

— Полный разгром, — сказал Никмак. — Полнейший.

— А что с Александром Дмитриевичем?

— В комитете никого не было. Вандалы вломились, всё разрушили, всё, как бы это мягче выразиться, обгадили и удалились.

— А комитетский архив?

— Ничего не уцелело. Порвано, сожжено, выброшено под дождь, украдено. Приезжал инспектор полиции. Он уже уверен, что это простое ограбление.

Мы сидели в кабинете Никмака и молчали. Вся работа Карапчевских по сбору архива, вся моя работа по приведению архива в порядок пошла к воронам. Взять бы этих вандалов за шкурки!..

Я вспомнил о поджигателе.

— Его отпустили, — сказал Никмак. — Отсутствие улик, отсутствие свидетелей. Преступления вообще не было. Дорога и дома на Островах загорелись из-за молний.

Я рассказал ему о разговоре с ректором. Никмак пообещал, что позвонит ректору. Хотя если меня захотят исключить, то что сможет сделать Никмак?

— А где Александр Дмитриевич? — спросил я. — Я хотел с ним поговорить.

— Он тоже хотел с нами поговорить. Вечером, часов в шесть приходите к нему домой.

Домой ехать бесполезно, подумал я. Надо где-то пересидеть до вечера. Я пошёл в общежитие к Артёму. Артёма в комнате не было. Я пошёл к Денису. Денис страшно смущался, извинялся, но меня не пустил. Я хотел пойти в библиотеку, но тут встретил одного плохо знакомого физматовца. Мы вместе копали подземный ход. На рукаве у него был пришит ромб СД. Он позвал меня к себе и угостил чаем с бутербродами.

Я прилёг на кровать и нечаянно проспал часа три. Физматовец меня не будил. Когда я проснулся, в комнате сидело уже двое физматовцев и обсуждали мою бороду. Они вели себя так, как будто я тут живу и сплю на своей кровати. Я посмотрел на часы и убежал.

Я подходил к дому с атлантами и кариатидами и уже издалека увидел возле подъезда Карапчевского чёрный «Эквус». Мокрый капот сверкал под фонарём. В автомобиль с двух сторон садились трое в плащах. У одного, невысокого шея была закутана шарфом. Это был Карапчевский. Я ускорил шаг, но не успел. Когда я подошёл ближе, «Эквус» уже тронулся. Он медленно проехал мимо, и я посторонился, чтобы меня не забрызгало грязью. За

тёмными стёклами автомобиля ничего не было видно.

В квартире Карапчевского уже сидели Никмак и Жебелев. Приход Жебелева меня удивил. Неужели Карапчевский его позвал? Ведь он не работает в Инткоме. Никогда не работал и сомневается в нашей работе. Жебелев как будто понял мои чувства и быстро ушёл.

— Саша улетел в Константинополь, — сказал Никмак. — Срочный вызов первого консула. Прислали сопровождающих. Сашу не допускали к первому консулу почти год. Будем надеяться, теперь все наши неприятности — позади.

— Эти сопровождающие... — сказала Евгения. — Такие лица... Мурашки по коже...

— Не выдумывай, Женя, — сказал Никмак. — Обычные охранники.

Мне этот отъезд тоже показался подозрительным. Но откуда я знал, как там принято у них, у консулов? С консулами я пока не встречался.

— Зачем Александр Дмитриевич нас позвал? — спросил я.

— Он ничего не успел рассказать, — сказал Никмак. — Я только пришёл, а он уже уходил.

Евгения предложила мне остаться на ужин. Мне хотелось немного посидеть в этой квартире, среди этих бесконечных книжных полок, поговорить с этими людьми, подурачиться с Лизой. Но я не принял предложения.

Когда я выходил из подъезда, то обратил внимание, что на стене, рядом с дверью намалёваны большие чёрные буквы — ОЧК.

Что это? Новое детское ругательство? Или аббревиатура? Вроде знакомая аббревиатура... Как я ни мучился, я не мог вспомнить, где же я её видел.

Карапчевского не было три дня. Мы собрались на том же месте той же компанией, только без Жебелева. Никмак дозвонился до помощников первого консула.

Выяснилось, что первый консул хотел вызвать Карапчевского на следующей неделе, а на этой неделе его не вызывал и сопровождающих за ним не высылал.

Когда Никмак рассказал об этом, Евгения потеряла сознание. Скоро она пришла в себя и тихо произнесла:

— Это всё...

— Что всё? — сказал Никмак. — Пока ничего ужасного не случилось.

— Это похищение, — сказала Евгения.

— Не говори ерунды, — сказал Никмак, который от слов Евгении заметно разволновался. — Ты не могла не обратить внимания, что Сашин характер сильно изменился. Когда-то это был самый спокойный, самый терпеливый человек в мире. Ничто не могло вывести его из равновесия. В последнее время он всё чаще срывался. Он стал раздражительным, непредсказуемым. Никто не мог догадаться, что он выкинет в следующее мгновение. Я знаю его с детства, но даже я иногда поражался его словам и поступкам.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Возможно, Саша устал и решил отдохнуть. А, возможно, он затаился и готовится к новым сражениям. Кто знает?

— Он бы сообщил мне.

— В его нынешнем состоянии...

— Ты говоришь так, как будто он болен.

Никмак могуче выдохнул.

— Возможно, ему не помешает небольшой отдых. В санатории.

Евгения вскочила, но тут же сморщилась и присела, схватившись за голову. Никмак

сунулся к ней. Она его отстранила.

— Возможно, — сказала она, — ты хочешь его бросить, Никита?

Я подумал, что это уже перебор. Как же Бульдог интеграции бросит вождя интеграции?

— Женя, — сказал Никмак, — тебе надо полежать.

— Ты и меня записал в больные, — сказала Евгения. — Я полежу, а ты уйди.

— Евгения... — сказал я и запнулся. Я впервые назвал её Евгения — до этого как-то обходился без обращений. — Никита Максимович всегда был с Александром Дмитриевичем. Зачем вы так говорите?

— И вы тоже... — устало сказала Евгения. — Уходите оба.

Мы не ушли.

Никмак позвонил кому-то, потом ещё кому-то, потом Жебелеву, потом инспектору полиции. Инспектор полиции ответил, что не видит связи между отсутствием Карапчевского и ограблением Инткома. Но посоветовал подать заявление.

Втроём мы отправились в полицию. Заявление приняли, обещали принять меры. Молодой инспектор смотрел на Евгению с такой усмешкой, что хотелось дать ему в глаз.

Я всё думал о том вечере, когда уехал Карапчевский. «Эквус» проезжал мимо меня... Тёмные стёкла, залитые дождём... Мне казалось, что я видел Карапчевского. Мне казалось, что он пытался подать мне какой-то знак, а сидящий рядом человек ему помешал. Это было похоже на утреннее ощущение, когда пытаешься вспомнить свой сон, а сон уже улетучился.

\* \* \*

Я мучился от воспоминаний, домазывал мазь и допивал обезболивающие. Когда я почти выздоровел, я позвонил Никмаку. Мне сказали, что Никита Максимович ненадолго вышел. Я поехал к нему в префектуру. Мне сказали, что он не возвращался. Я первый раз заметил, что на столе Никмака стоит небольшая фотография первого консула. Я не считал, что это как-то унижает Никмака.

От Никмака я направился в дом с атлантами и кариатидами. У Карапчевских никто не открывал.

Я стоял во дворе под непрекращающимся дождём и думал, куда же пойти. Может быть, к Жебелеву? Наверняка Жебелев каждый день ходит к Евгении. Сейчас мне припомнились странные взгляды, которые Жебелев бросал на Евгению. Я знал, что Никмак разведён. А Жебелев никогда не был женат. За это другие профессора над ним посмеивались. Почему он не женился? Надеялся, что Евгения когда-нибудь освободится? Вся эта компания вилась вокруг Евгении. Да и сам-то я...

Жебелев жил в соседнем подъезде. Он действительно и дома ходил в костюме с бабочкой. Я не удивился. В комнате на диване была разложена одежда. На полу стояли два больших кожаных чемодана на колёсиках.

— Сергей Павлович, — сказал я, — вы что-нибудь знаете об Александре Дмитриевиче?

— Не больше, чем ты, — сказал Жебелев, аккуратно складывая выглаженную рубашку.

— А вы видели Никиту Максимовича или Евгению Валерьевну?

— Женю видел вчера. К сожалению, ничего нового. Саша не возвращался и не подавал о себе никаких вестей.

Можно было уходить. Но я задал ещё вопрос:

— Вы переезжаете?

— Ухожу в отпуск, — сказал Жебелев. — Пока в отпуск, а там поглядим.

Он положил в чемодан стопку рубашек.

— Тогда я пойду, — сказал я.

— Хорошо, — сказал он и тут же добавил: — Хотя постой...

Я замер.

— Иван, — сказал он, — возможно, мы с тобой больше не увидимся. Я решил перевестись на работу в Новоергинский архив.

Вот это была новость так новость!

— Вы не вернётесь в институт?

— Мне немного надоело преподавание.

— Жалко, — искренне сказал я.

Я вспомнил лекции Жебелева на первом курсе. Только они заставили меня поверить, что я выбрал правильный факультет.

Жебелев сел на диван, прямо на пиджак. Он вытянул из-под себя пиджак и бросил его в угол. Такого Жебелева я раньше не видел.

— Иван, — сказал Жебелев. — Я знаю о твоём разговоре с ректором. Я бы посоветовал тебе его послушаться. Интком в самом деле может повредить твоей учёбе. Лучше тебе бросить эту работу.

Я ничего не ответил. У меня не было слов. В горле у меня застрял какой-то густой горький комок.

— В прошлый раз, — сказал Жебелев, и голос его звучал глухо, — всё началось с исчезновений. Люди исчезали, и больше их никто не видел. Теперь исчез Саша. Всё повторяется.

Я наконец проглотил комок и сказал:

— Да когда это было!

— Это было не так давно, как тебе думается, — сказал Жебелев. — Я всё хорошо помню. Когда военные пришли к власти, мне было всего четыре года. А через две недели исчез мой отец. Его друг спросил, как он относится к новому режиму. Спросил, а потом донёс. Обо всех исчезновениях заводили дела, но никого не находили. Не находили даже мертвецов. Я видел эти дела. Это была хорошая полицейская работа. Инспектора полиции делали всё возможное, чтобы найти исчезнувших. Они звонили семьям исчезнувших и сообщали о каждом своём шаге. Они умоляли, чтобы родственники вспомнили что-то ещё об исчезнувшем. Какую-нибудь особую примету, упоминание какого-то места в разговоре. Они были так искренни. Когда военный режим пал и начались реформы, то открылись все архивы. Но и там не было никаких сведений. До сих пор не нашли даже братских могил. Генералы тщательно скрыли все следы. Исчезнувшие словно растворились.

Я думал о том, что же сделали с этим поколением. Что сделали с этими умными людьми, если они так боятся.

— Потом всё изменилось, — сказал я.

— Нам тоже казалось, что всё изменилось, — сказал Жебелев. — Реформы, интеграция! Молодые вожди оппозиции! А всех вождей победил один — самый простой, самый незаметный. Первый помощник второго заместителя третьего письмоводителя. Когда он смотрел на Сашу, то его снедала зависть. Саша был первым человеком и в оппозиции, и в интеграционном движении. Он должен был стать первым консулом. Если бы он тогда

захотел, он мог бы стать хоть императором. Но зависть придумала хитрый план с Туганским экспериментом. Только потом Саша осознал, что это была ловушка. Под предлогом эксперимента Сашу, по сути говоря, сослали в глушь, отлучили от всех газет, отстранили от политики. Здесь его встретили с распростёртыми объятиями, но исподтишка всегда противодействовали. Через несколько лет о нём забыли. Главным и единственным вождём народа стал господин первый консул.

— Но Туганский эксперимент был проведён, — сказал я. — Кхандов приняли в институт, в гимназии...

Я не успел договорить, как уже понял, насколько слабы мои аргументы.

— Он и Женю с собой привёз, — сказал Жебелев как бы самому себе. — А ведь она была известная художница, выставлялась. Он увёз её в глушь и загубил талант. Загубил свой талант, загубил её талант. Загубил всех тех, кто верил в интеграцию. Он и тебя загубил, Иван.

— Никто меня не загубил, — сказал я. — А вы и Евгению Валерьевну оставите?

— Ты забыл, Иван, что для тебя она — просто Евгения.

— А для вас?

Он посмотрел мне в лицо. Я не отводил глаза. Он опустил голову и сказал:

— Для меня... Для меня она — жена исчезнувшего друга. Может быть, погибшего друга...

Я разозлился. Он хотел, чтобы его пожалели. Я не хотел его жалеть.

— А зачем вы всё это мне рассказываете? Не бойтесь, что я тоже донесу? Даже не успеете уехать!

На лице Жебелева появилось нечто вроде злости. Тень злости. Он встал, несколькими рывками снял бабочку и собирался бросить её к пиджаку. Но понял, что это слишком, положил бабочку на диван и сказал:

— Смеёшься надо мной? Над моей трусостью? Очень легко быть смелым, когда тебе двадцать лет. В двадцать лет кажется, что жизнь бесконечна, что ты неуязвим. Но если тебе так кажется, то это значит только одно: ты ещё мальчик, ребёнок, дитя...

— Щенок, сопляк, — продолжил я. — Скажите мне, что я — сопляк!..

— И что ты сделаешь? — спросил Жебелев. — Ударишь своего педагога?

Без бабочки он выглядел нелепо, растрёпанно. Я развернулся и пошёл к входной двери. Жебелев нагнал меня. Он дрожащими руками что-то совал мне в ладонь. Что-то маленькое, прохладное, с острыми гранями. Я раскрыл ладонь. Сначала я подумал, что это кусок льда. Это был кристалл размером с полмизинца, похожий на карандашик.

— Это мне дал Саша, — сказал Жебелев. — Я с этим связываться не хочу. Это для вас, детей и храбрецов, а не для нас, престарелых трусов.

Он что-то ещё говорил мне в спину — то ли иронизировал, то ли оправдывался. Но я не слышал. Я больше не хотел его слышать. Я его презирал.

На улице я сунул кристалл-карандашик в карман и нащупал там нашивку СД.

# Глава XI. Июль, вечер

Дождь опять усилился.

Сначала из «Бронтозауруса» вылезли полицейские, потом мы с Артёмом. Лейтенант указал нам наши места в безбрежной луже возле подъезда. Полицейские без разговоров направились в подъезд. Через полминуты мы слышали голос лейтенанта из окна над головой. Кханды всегда жили или на первом этаже, или на самом последнем. Из окна был слышен только голос лейтенанта. Ему никто не возражал.

Полицейские вывели семью. Шесть человек: муж, беременная жена, четверо детей. Это была одна из последних кхандских семей, которые почему-то ещё жили в микрорайонах. По приказу комиссара полиции их собирали в одно здание, чтобы потом вывезти на Острова.

К полицейским добавляли двух членов Студенческой дружины. Мы были бесполезны. Просто стояли возле подъезда, чтобы якобы отгонять любопытных. Любопытных не было.

После введения чрезвычайного положения на улице нельзя было появляться позже девяти вечера. Никто и не появлялся.

«Бронтозаурус» катил по пустой Республиканской улице. Кханды сидели тихо. Они не казались испуганными или расстроенными. Они ничего не говорили, на вопросы не отвечали. Даже дети не шумели.

— Этим ещё повезло, — сказал один полицейский нам с Артёмом. — В Юго-западном микрорайоне семью кхандов соседи чуть не пришибли.

— За что? — спросил Артём.

— За то, что кханды, — сказал полицейский. — Из-за них ведь такой дождь. Наши ребята помешали, а то бы... А соседей, авзанов наказали штрафом. Всё из-за этих кхандов. — Он говорил это прямо на глазах кхандской семьи. — За такую работу надо и денег давать побольше. А то домой зайти некогда, ребёнка не видишь. Меня жена самого скоро пришибёт.

Второй полицейский кивал в ответ на каждую фразу. Лейтенант недовольно слушал подчинённого и наконец крикнул:

— Отставить болтовню!

Я дрожал. Мне было холодно. И мне было противно от самого себя.

Я не хотел пришивать ромб СД на Гуровский свитер. Я надел старый свитер. Поэтому мне было холодно.

Я не хотел участвовать в вывозе кхандов на Острова, в этом дифферском деле. Я участвовал. Поэтому мне было противно.

Но как я мог не участвовать? Я остался один, без какой-либо поддержки. Власти уже не скрывали: интеграционный эксперимент окончательно закончился. Инткома больше не существовало. Карапчевский исчез, Никмак исчез, Жебелев оказался предателем и уехал. Евгения тоже собиралась уезжать — в Константинополь, к родителям.

Один я ничего не мог. Я решил, что надо пережить это трудное время, не привлекать к себе внимания. Надо притвориться, что выбрал одну-единственную дорогу. Жить, как все студенты. Надо сохранить себя для дальнейшей борьбы.

Но и это — борьба! Бывает борьба явная и бывает борьба тайная, скрытая, подпольная. Карапчевский и его товарищи с этого начинали, с тайных собраний. Я до последнего надеялся, что Карапчевский, как сказал Никмак, затаился и готовится к новым сражениям.

Если я был прав, когда-нибудь он свяжется со мной.

Поэтому я сбрил бороду, вступил в СД и ходил в патрули с Артёмом. Поэтому я выполнял приказ о помощи полиции в вывозе кхандов на Острова. Но мне всё равно было противно...

«Бронтозаурус» въехал на улицы старого города. Он докатил до Туганки, перевалил мост и остановился у здания старой пятиэтажной гостиницы. Площадь перед зданием была забита «Бронтозаурусами» и людьми в плащах и с автоматами. Всё это для того, чтобы охранять безобидных кхандов.

Полицейские вывели кхандскую семью. Мы тоже вышли, но внутрь нас не пустили. Нас никогда не пускали внутрь.

К нам подошёл лейтенант и сказал, что на сегодня всё. Он должен был довести нас до штаба на «Бронтозаурусе», но вместо этого спросил:

— Сами до штаба дойдёте?

— Дойдём, — сказал Артём.

Мы перешли мост. Справа показался музей с оврагом Туганки позади, слева — набережная Ерги. Артём уговорил меня подойти к оврагу. Я с удивлением увидел, что овраг до половины наполнен водой. Подземного хода не было видно.

Артём рассказал, что под поверхностью воды скрыт только вход. Дальше подземный ход делает перископический изгиб и продолжается выше уровня воды. А ещё дальше опять снижается и проходит под руслом Ерги. Там музейщики остановились. Начались дожди, вход забили землёй и накрыли плёнкой. Юлик хотел возобновить раскопки после дождей, но дожди не прекращались. Да и копатели были заняты на другой, более важной добровольной работе.

\* \* \*

Последние дни мы жили в штабе СД — в Пединституте. Завтракали, обедали и ужинали в столовой, ночевали в гимнастическом зале в спальнях мешках. Домой не отпускали даже тех студентов, которые жили в общежитии неподалёку.

В институте было холодно и сыро. Мы мёрзли больше, чем зимой.

Мы с Артёмом и другими патрульными поели остывшей каши и пошли в гимнастический зал. Денис позвал нас и предложил горячего чая. Он умудрился где-то раздобыть термос с горячим чаем. После чая Артём и Денис затеяли карточную игру с другими студентами. Я в одежде лёг на спальный мешок и укутался одеялом, высунув наружу только глаза.

Я думал о кристалле-карандашике, который дал мне Жебелев. Но ничего не надумал.

В зал вошли ещё два истфиловца — четверокурсник и пятикурсник, которые вернулись с патрулирования. Они громко и весело разговаривали. Они говорили о том, какие кислые лица были у кхандов, которых отвозили в старую гостиницу.

— Со мной училась одна бледная поганка, — сказал четверокурсник. — Учился — не доучился. Мы его...

Из-за ржання окружающих окончания я не услышал. Я откинул одеяло, медленно поднялся и заковылял к четверокурснику и пятикурснику. Артём и Денис отвлеклись от карточной игры.

— Сколько лет терпели! — сказал четверокурсник.

— Заткнись, — сказал я ему в спину.

Я сказал это так тихо, что он не расслышал. Он повернулся ко мне с весёлым лицом, как будто ожидал, что я присоединюсь к его болтовне.

— Заткнись, — громче сказал я.

— Чего? — сказал четверокурсник.

— Ему что-то не нравится, — сказал пятикурсник.

— Тебе что-то не нравится? — спросил у меня четверокурсник.

— Просто заткнись, — сказал я.

У меня не было сил что-то ему объяснять.

— Дай-ка ему, — сказал пятикурсник.

Вокруг стали собираться студенты. Начинаясь драка. Всем хотелось стоять, сжимать кулаки и кричать: «Врежь ему, врежь!»

Четверокурсник толкнул меня. Я устоял и толкнул его. Он толкнул меня сильнее.

Подскочил Артём. Он встал между нами, легко раздвинул нас руками и сказал:

— В чём дело, ребята?

— Ты у своего друга спроси! — сказал пятикурсник.

— Мы говорили про поганок, — сказал раскрасневшийся четверокурсник. — А тут этот...

— Заткнись, гад! — крикнул я. — Заткнись, диффер!

Я обогнул Артёма, вцепился в четверокурсника, и мы повалились на спальные мешки. Я совал кулак куда-то ему в нос, в ухо. Он отбивался руками и ногами.

Артём оторвал меня от четверокурсника и отодвинул к Денису. Денис взял меня за руки.

— Посмотрим ещё, кто тут гад, — сказал четверокурсник и шмыгнул носом, из которого шла кровь.

— Этот защитник поганок... — сказал пятикурсник.

За его спиной встало ещё несколько человек.

— У тебя есть вопросы к этому защитнику поганок? — спросил Артём. — Скажи мне, а я передам.

Пятикурсник не рискнул ничего сказать и вышел из зала вместе с четверокурсником.

— Спектакль окончен, — сказал Артём и повёл меня на моё место.

Я сел на спальный мешок и уставился в пол.

— В следующий раз предупреждай, истеричка, — со злостью сказал Артём.

— Я не понимаю, что с тобой, — сказал Денис. — Из-за чего ты полез в драку?

— Из-за своих кхандов, конечно, — сказал Артём.

— Ты ведь больше не работаешь в Интеграционном комитете, — сказал Денис.

— Он всегда там будет работать, — сказал Артём. — Даже если останется последним интегратором на свете.

Я сидел и думал о том, что Артём и Денис так и не стали моими единомышленниками. Может быть, они были моими друзьями, но мне этого было мало.

Пятикурсник и четверокурсник снова вошли в зал. Четверокурсник прижимал к носу платок.

За ними шла группа мужчин в плащах. Плащи были сухие. Это были важные чиновники, которых на автомобиле довозили до самого крыльца нужного здания. Поэтому их одежда

оставалась сухой.

Впереди группы торопливо вышагивал невысокий мужчина, в очках, с залысинами, с круглым лицом. Он хмурил брови и сжимал пухлые губы. По бокам от него шли два высоких типа. Они напряжённо осматривали всё, что их окружало: стены, людей. Остальные семенили за круглолицым и двумя высокими типами. Я узнал среди остальных проректора. Ректор, как нам говорили, заболел и уехал из города.

— Господа студенты, прошу внимания! — сказал проректор.

Все повернули головы в сторону вошедших.

— Господа студенты, члены добровольной Студенческой дружины! — сказал круглолицый. Голос у него был тонкий, и он пытался придать ему твёрдость. — От имени и по поручению господина первого консула я хочу поблагодарить вас за отличную работу. Я хочу поблагодарить вас за преданность стране и лично господину первому консулу. Самых усердных ожидает достойная награда, но я уверен, что усердие проявили все. Господа студенты, я пришёл к вам в столь поздний час не только для того, чтобы выразить благодарность. Я хочу предупредить вас, что завтра — именно завтра! — нас всех ждёт трудный день. Есть отдельные персоны, которые могут воспрепятствовать перемещению кхандского населения. Возможны провокации. Поэтому я прошу вас удвоить бдительность. Я прошу сообщать командирам и старшим товарищам обо всём подозрительном. Завтра трудный день. Готовьтесь. Ещё раз благодарю за работу!

Студенты переваривали эту речь. Круглолицый окинул зал последним хмурым взглядом и вышел. Чиновники засеменяли за ним. Четверокурсник о чём-то пошептался с пятикурсником, и они тоже вышли.

— Он донесёт на тебя, — прошептал мне Артём.

— Пусть доносит, — сказал я.

Что-то в словах круглолицего показалось мне странным. Он говорил о перемещении кхандов. Не о перемещении на Острова, а о перемещении...

Денис толкнул меня и сказал:

— Ты не понял? Он донесёт. Тебе надо уходить!

Я думал о словах круглолицего. Ещё я думал о кристалле-карандашике. Всё обдумав, я сказал:

— Да. Мне срочно надо уходить.

— Через центральный вход не выйти, — сказал Артём.

— Можно через окно, — сказал Денис.

— Точно, — сказал Артём. — В туалете.

Он потянулся и громко сказал:

— Схожу-ка я на горшок перед сном. Денисыч, ты как?

— Я с тобой, — сказал Денис.

— Не промахнитесь, — традиционно пошутил кто-то.

Втроём мы пошли из зала. Мы хотели спуститься на первый этаж, но услышали внизу лестницы голоса. Мы прошли через весь коридор и спустились по другой лестнице. Там было пусто.

Окно в туалете растворилось с подёргиванием и дребезжанием. Ветер забрызгал нас каплями дождя. На улице уже стемнело и казалось ещё темнее из-за туч.

— Иди ко мне в общагу, — сказал Артём. — Ты знаешь, вахтёр у нас — свой человек. Он тебя пропустит и не выдаст. Скажешь ему, что ко мне.

Я сказал, что есть более надёжное убежище, и вылез под дождь. У центрального входа рычал «Бронтозаурус», темнели ещё какие-то автомобили. Я обошёл здание, нырнул в парк и под прикрытием деревьев направился к Аптекарской улице.

\* \* \*

Во дворе дома с атлантами и кариатидами было пусто. Я поднялся к Карапчевским. Я ждал, что откроет Евгения. Открыла Лиза.

— Ваня! — Она схватила меня за руку и втащила в квартиру. — Хорошо, что ты пришёл. А то никого нет. Никого. Никого.

Она не плакала, но голос её дрожал.

— А где твоя мама? — спросил я.

— Мама ушла. Ушла в полицию. Уже давно. Пять... то есть шесть часов назад. Или семь. — Она тащила меня в гостиную. — Заходи скорей, заходи. Мне одной страшно... то есть скучно. Очень скучно.

В гостиной на столе стоял небольшой проигрыватель для пластинок. Пластинка крутилась, а игла была отставлена в сторону.

Лиза говорила без остановки.

— Никто больше не приходит. Никто. Папа уехал. Дядя Сергей уехал. Даже Никмак уехал.

— Тебе же не нравится Никмак, — сказал я.

— Пусть он придёт, — капризным голосом сказала Лиза. — Пусть дядя Сергей придёт. Пусть папа придёт. Пусть всё будет, как раньше.

Пластинка продолжала крутиться. Я взял обложку пластинки. Какой-то джаз.

— Всё будет как раньше, — сказал я то, что она хотела услышать.

Лиза поставила иглу на пластинку. Заиграла музыка.

— Я слушаю пластинки, — сказала Лиза. — В тишине так страшно... то есть скучно. А по радио — ничего нет.

Я подошёл к радиоле, которая стояла в углу и щёлкнул переключателем. По всем частотам — только шум, потрескивание. Через шорохи слышалось что-то на других языках, но ничего нельзя было разобрать.

— Хочешь есть? — спросила Лиза. — Я могу разогреть обед.

— Спасибо, не надо.

Лиза села на диван, поджала одну ногу и смотрела то на меня, то на проигрыватель. Я сел в кресло и достал кристалл-карандашик размером с полмизинца.

На этом кристалле могло уместиться больше песен, чем на грампластинке. На него можно было поместить даже фильм. А уж о книгах и говорить нечего. Библиотека в кармане!

Но чтобы прочитать эту информацию, нужны были огромные электронно-вычислительные машины — шкафы, которые занимали целые комнаты. У меня такой машины, конечно, не было. В нашем институте была одна, на физмате. Она стояла под замком, её использовали только для научных целей, к ней нужен был особый допуск. Я не мог до неё добраться.

Так что кристалл, который дал мне Жебелев, был просто красивой безделушкой.

Привязать к шнурку и повесить на шею. Я даже думал, не обладает ли ялк такой способностью — читать кристаллы с информацией? От кхандских поделок всего можно было ожидать. Ялк такой способностью не обладал.

Но потом я вспомнил — есть электронно-вычислительные машины размером с книгу. И это мнемоники. Кристалл можно прочесть на мнемонике. А у меня совершенно случайно есть знакомая, которой подарили мнемоник.

Вот я и пришёл к Лизе.

Я беспокоился о Евгении. Она куда-то ушла и оставила Лизу одну. Это было очень странно. Неужели она тоже исчезла? Я боялся об этом думать.

Лиза тоже чего-то боялась, поэтому весь вечер слушала джаз. Хотя раньше джаз её совсем не интересовал. И раньше она ничего не боялась.

— Лиза, — сказал я. — Мне нужен твой мнемоник.

## Глава XII. Время неизвестно

Просторная комната с высокими потолками и большими окнами за пышными шторами. Портреты монархов в позолоченных рамах, старинная или под старину мебель, мраморные и бронзовые статуи обнажённых богов и героев. Шкафы с книгами тоже есть. Но, кажется, книгами никто не пользуется. Они украшают комнату, как картины или статуи. Это похоже на музей.

В середине — круглый, точнее овальный стол. На столе — хрустальная посуда, бутылки с вином, блюда с рыбой и птицей, соусницы, лоснящиеся овощи, корзина со свежим пористым пшеничным хлебом. Вокруг стола — шесть стульев с изящно изогнутыми ножками и спинками. Шесть наборов тарелок, шесть бокалов, шесть наборов ложек, вилок и ножей, шесть шалашиков из салфеток.

Мужчина в чёрном костюме и женщина в платье до колен, в чепчике и переднике входят и выходят из комнаты, суетятся вокруг стола. Наконец они выходят. Двери остаются открытыми.

Заходят два высоких типа в чёрных костюмах. Но стол накрыт не для них. Они только напряжённо осматривают стены, мебель, портреты, потом выходят.

Слышен шум за пределами комнаты. Как будто несколько человек снимают одежду, переговариваются, шутят.

У двери появляются мужчины в костюмах. Впереди вышагивает невысокий мужчина, в очках, с залысинами, с круглым лицом, с нахмуренными бровями и сжатыми пухлыми губами. Когда он смотрит на накрытый стол, его лицо немного расслабляется. За ним следуют ещё пятеро мужчин, которые наблюдают за каждым его движением, за каждым его взглядом. Понятно, что здесь нет шестерых равных мужчин. Есть первый, главный — и ещё пятеро как дополнение.

Они рассаживаются. Главный садится в центре.

— Вы уж извините, — говорит один из пятерых, — у меня без изысков, простая, домашняя еда. Угощайтесь, пожалуйста... Доктор, вы говорили, что прислуга не нужна?

— Зачем прислуга шестерым здоровым авзанам? — говорит главный, которого назвали доктором. — Неужели авзанские мужчины настолько ослабели, что не смогут отломить себе кусок хлеба и налить бокал вина?

— Авзанские мужчины могут не только отломить кусок хлеба, — говорит ещё один из пятерых, — но и добыть себе кусок мяса. На севере мы часто охотились.

— Охота — это дикость... — говорит главный, которого назвали доктором.

— Да-да, дикость, — говорит ещё один из пятерых. — По нынешним временам...

— Но изредка нам необходимо превращаться в дикарей, — говорит главный, которого назвали доктором. — Сила дикости и ум цивилизации — вот где залог наших побед.

— Полностью согласен, — говорит ещё один из пятерых.

— Нам нужно быть сильными, — говорит главный, которого назвали доктором. — Ради нашего вида. За силу!

Все шестеро поднимают бокалы и пьют. Доктору придвигают мясо и хлеб. Когда он откусывает от ножки, остальные воспринимают это как знак и тоже приступают к еде.

Доктор кладёт на тарелку кость, отодвигает тарелку и тщательно вытирает руки и губы салфеткой. Это тоже знак. Один из пятерых звонит в колокольчик. Входят мужчина в чёрном костюме и женщина в платье, чепчике и переднике. Женщина ставит на столик поднос с кофейником и чашками. Потом они оба уносят грязную посуду с горами костей, недоеденными кусками хлеба и овощей.

— Прекрасно обошлись и без прислуги, — говорит доктор.

Один из пятерых разливает кофе по чашкам. Доктор с наслаждением отпивает кофе. Ещё один из пятерых достаёт портсигар. Он перехватывает хмурый взгляд доктора и засовывает портсигар в карман.

— Пора перейти к делу, господа, — говорит доктор.

И это действительно знак. Входят два высоких типа, раздают папки — сначала доктору, потом пятерым — и выходят. Все раскрывают папки и перелистывают бумаги.

— Итак, в первую очередь, нужно обеспечить безопасность горожан, — говорит доктор. — Как авзанов, так и кхандов. Я подчёркиваю, как авзанов, так и кхандов. Я не потерплю никаких погромов и самосудов.

— В нашем городе никогда не было погромов и самосудов, — говорит один из пятерых.

— Хотя я понимаю, — говорит доктор, — что за всем уследить невозможно. Я понимаю, что так долго притесняемые авзаны захотят поквитаться со своими обидчиками. Я не исключаю вероятности, что может произойти несколько случаев расправ над кхандами.

— Очень даже может.

— Но все виновники должны быть строго наказаны.

— Разумеется.

Доктор отпивает из чашки.

— Для большей безопасности как авзанов, так и кхандов, — говорит доктор, — следует подумать о введении чрезвычайного положения. Я не настаиваю на этой мере, но предлагаю подумать.

— Разумная мера, — говорит один из пятерых. — Полицейские патрули, комендантский час...

— Вы верно упомянули о полицейских патрулях. Операцию должна проводить полиция. Недопустимо использование военных. Сейчас не военный режим. Армия должна остаться в стороне.

— Полиция в полной боевой готовности.

— В полной? А хватит ли сил у местной полиции?

— Должно хватить.

— На всякий случай мы должны договориться с соседними провинциями. Пусть они будут готовы прислать подкрепление. Но у них тоже может не найтись нужного числа полицейских. В этом, самом крайнем случае предлагаю использовать военных. А чтобы не пугать горожан, солдат можно переодеть в полицейскую форму.

— Если солдат переодеть в полицейскую форму, то кто отличит их от полицейских?

— Попрошу без остроумных замечаний. Мы обсуждаем серьёзные вопросы.

— Разумеется.

Доктор отпивает из чашки.

— В помощь полиции следует придать молодёжь, — говорит доктор. — Участие молодёжи должно быть строго добровольное. Я предлагаю создать добровольную молодёжную организацию. Это будет полезно для нашей молодёжи. Молодёжь была

отторгнута от государственных дел. Пора ей возвращаться, пора засучить рукава и приступать к настоящей работе. Начнём с учащейся молодёжи, со студентов Пединститута. Название организации: Студенческая дружина. Затем, если опыт будет удачен, можно привлечь рабочую молодёжь.

— Блестящая мысль! — говорит один из пятерых. — Но пойдёт ли за нами нынешняя молодёжь? Развалили Легион и Преторианскую гвардию — теперь молодёжь уже не та. Слишком много свободы, сплошная расхлябанность.

— Я верю в нашу молодёжь. Студенческая дружина должна выполнить свою задачу не хуже преторианцев. В дальнейшем подумаем и о создании гимназических дружин.

— Разумеется.

Доктор отпивает из чашки.

— Продолжим о безопасности, — говорит доктор. — Для предотвращения паники среди кхандов предлагаю использовать сонный газ «морфей». Сонный газ «морфей» совершенно безопасен. Это даже не столько сонный газ, сколько расслабляющий. Уснут дети, женщины, старики и больные. Молодые и здоровые мужчины лишь немного утерпят способность сопротивляться. Газ следует распылить с аэропланов перед операцией.

— Дожди могут помешать распылению газа, — говорит один из пятерых.

— По предварительным прогнозам, — говорит доктор, — в городе ожидается сухое, жаркое лето, без дождей. Кто-нибудь видит какие-то другие препятствия для использования газа?

— Прошу прощения, — говорит ещё один из пятерых. — Но газ не может попасть на территорию Туганска?

— Как я уже сказал, — говорит доктор, — газ совершенно безвреден. Даже если небольшая часть попадёт на территорию Туганска, то жители почувствуют лёгкую слабость, сонливость. Через сутки всё пройдёт. Вы удовлетворены?

— Разумеется.

Доктор отпивает из чашки.

— Подходим к самому перемещению, — говорит доктор. — Кхандов переправят через реку по временному мосту из барж, увезут на вокзал и посадят на поезда. Количество необходимых барж, грузовиков-вездеходов, вагонов указано в бумагах. Предлагаю сделать это ночью, чтобы не вызывать лишних разговоров.

— Прошу прощения, — говорит один из пятерых. — Это касается кхандов с Островов?

— А что, имеются ещё какие-то кханды?

— Ну, есть кханды, которые живут в микрорайонах.

Доктор кажется озадаченным. Он ещё сильнее хмурит брови и сжимает губы.

— Признаюсь, меня не поставили в известность, что кханды живут в самом Туганске. Я считал, что они давно проживают только на Островах.

— Это следы реформы, — говорит ещё один из пятерых. — Некоторое количество кхандов осталось в микрорайонах. Их очень мало.

— Выяснить, сколько кхандов проживает в микрорайонах, — говорит доктор. — Проживающих в микрорайонах кхандов следует заранее переселить куда-нибудь...

— На Острова?

— Нет. Найдите какое-нибудь другое место в самом городе. Тихое, укромное, удобное место.

— Прошу прощения, — говорит ещё один из пятерых. — А как же заводы в промзоне?

— А что не так с заводами? — говорит доктор.

— Многие кханды и с Островов, и из микрорайонов работали на заводах. Владельцы заводов лишатся рабочих рук.

Доктор со звяканьем ставит чашку на блюдце.

— Речь идёт о безопасности нашего вида! — говорит он. — А вас волнуют убытки, которые понесут владельцы заводов. Возможно, вы заботитесь о собственных убытках?

— Нет, я только...

— Я думаю, владельцы заводов пойдут нам навстречу. Впрочем, можно подумать и о компенсации убытков. Городская казна это выдержит?

— Город не так богат, — говорит один из пятерых.

— Тогда городу поспособствует провинция, — говорит доктор. — Я прав?

— Разумеется.

Доктор просит налить себе ещё кофе и отпивает из чашки.

— Вернёмся к перемещению, — говорит доктор. — Как вы помните, конечный пункт перемещения вызвал довольно много споров. Я склонен полагать, что Юракское озеро — лучший из возможных вариантов.

— На Карском полуострове? — говорит один из пятерых.

— Юракское озеро на Карском полуострове.

— Подходят ли условия Карского полуострова для постоянного поселения кхандов?

— Конечно, подходят. Много земли, чистая вода.

— На Карском полуострове бывают морозы до минус пятидесяти.

— К вашему сведению, достоверно доказано, что организм кхандов приспособлен к воздействию сверхнизких и сверхвысоких температур. Подобные эксперименты проводили ещё военные... То есть эксперименты проводили учёные под наблюдением военных. Как вы знаете, эволюция авзанов происходила на побережье тёплого моря Тетис. Кханды эволюционировали на крайнем севере, в условиях резкой смены времён года. Естественная среда обитания кхандов — ледяные пустыни. Можно сказать, что мы возвращаем кхандов на их родину. Мы спасаем кхандов от губительного для них климата. Конечно, эксперименты военного режима не могут быть полностью убедительны. Но сейчас по понятным причинам мы не можем проводить ничего похожего.

— Разумеется.

Доктор отпивает из чашки.

— Преступления военного режима осуждены господином первым консулом, — говорит доктор. — Осуждены, и никто не вправе искать оправданий для генералов. Но, со своей стороны, осмелюсь заметить, что господин первый консул не осудил всех генералов без разбора. Не все генералы были преступниками. Кто-то из них защищал страну. Кто-то — боролся с бандитами и охранял покой мирных граждан. Мы должны отделить правильное от неправильного. Мы должны взять лучшее из всех эпох. Из эпохи монархии. — Доктор обводит руками портреты монархов на стенах. — Из эпохи военных. — Он молчит. — Из эпохи реформ.

— Как вы правы, доктор, — говорит один из пятерых. — А то в последнее время вошло в моду ругать реформы. Словно от реформ был один вред.

— Мы ничего не собираемся вычёркивать из нашей истории, — говорит доктор. — Ни хорошее, ни дурное. Хватит, навывчёркивались. Помните, как власти вашего города быстро свезли на свалку все памятники военного режима? Как я уже сказал, далеко не все генералы

были преступниками. Но все памятники генералам оказались на свалке. Вот образчик поспешного вычёркивания. Кстати, удалось ли выяснить, кто подписывал приказ?

Все пятеро молчат. Доктор переводит хмурый взгляд с одного на другого и говорит:

— И последний, но не менее важный пункт. Следует обеспечить особую — я подчёркиваю, особую — безопасность сотрудникам Интеграционного комитета.

— Разве господин первый консул не закроет Интком? — говорит один из пятерых. — Ведь после перемещения продолжение интеграционной реформы бессмысленно.

— Господин первый консул не закроет Интеграционный комитет. Интеграционный комитет продолжит свою работу.

— Где, простите?

— Там, где будут проживать его подопечные. В поселении на Юракском озере. Всех сотрудников следует переместить вместе с кхандами. Всех, кроме Александра Дмитриевича Карапчевского. Александру Дмитриевичу будет предложена другая должность в другом городе. Это понятно?

— Разумеется.

Доктор хочет отпить из чашки, но передумывает и ставит почти пустую чашку обратно. Пятеро ставят чашки и больше к ним не прикасаются.

— Господа, — говорит доктор, — в Туганске будет проведено экспериментальное перемещение кхандов. Помните: на всех нас лежит большая ответственность. Теперь в том числе от нас зависит, как скоро перемещение пройдёт по всей стране. Благодарю за внимание.

Стулья отодвигаются от столов, все шестеро встают.

— Спасибо, что решили переночевать в моём скромном жилище, доктор, — говорит один из пятерых.

— Я привык к спартанской обстановке, — говорит доктор.

— Господа, вас я тоже приглашаю остаться, — говорит один из пятерых. — Места всем хватит.

Но остальные четверо отказываются. Хозяин выходит, чтобы их проводить. Доктор остаётся в одиночестве. Он наливает себе ещё кофе и садится на диван. Он расслабляет своё по-младенчески круглое лицо, перестаёт хмурить брови и сжимать губы. Он снимает очки, откидывает голову на спинку и трёт переносицу и глаза. В тишине становится слышен отдалённый шум автомобильных двигателей.

У дверей показываются два высоких типа. Доктор отгоняет их жестом, надевает очки и отпивает из чашки.

\* \* \*

В двери входит толстый, широкоплечий, мужчина с шарообразным животом, с двойным подбородком, с выкаченной вперёд нижней челюстью. Настоящий великан. На усатом лице великана — беспомощное, просящее выражение.

— Добрый вечер, Виктор Викторович, — говорит великан.

Доктор снова хмурит брови и сжимает губы. В приветствии великана ему что-то не нравится.

— Вечер... — говорит доктор. — Разве уже вечер?

— Уже вечер, — говорит великан.

Великан садится возле стола и могуче выдыхает. Двое мужчин сидят друг против друга, но не смотрят друг на друга. Великан смотрит на стол, на кофейник, на чашки. Доктор смотрит в сторону, на портреты монархов. Наконец доктор переводит хмурый взгляд на великана.

— О чём вы хотели попросить? — говорит доктор.

— Об Александре Дмитриевиче Карапчевском, — говорит великан.

— Что вас беспокоит?

— Насколько я понимаю, все сотрудники Интеграционного комитета — даже бывшие — будут высланы...

— Перемещены.

— ...Будут перемещены в лагерь...

— В поселение.

— ...В поселение на Юраке.

Доктор встаёт и подходит к портрету последнего монарха. Он делает вид, что портрет его сильно заинтересовал. Он смотрит на доброе лицо, большие глаза, подбородок, который упирается в стоячий воротник военного мундира, на эполеты и ордена.

— Сотрудники Интеграционного комитета, — говорит доктор, — будут перемещены в поселение на Юраке, где получают возможность продолжать свою работу.

— Александр Дмитриевич тоже будет перемещён?

— Господин первый консул, несмотря на мои советы, решил иначе. Александру Дмитриевичу будет предложена другая должность в другом городе.

— Я бы хотел попросить, чтобы Александр Дмитриевич остался в Туганске. Он может преподавать в Пединституте.

— Вы не поверите, но именно такими были мои советы господину первому консулу. Он меня не послушал. Теперь ничего нельзя изменить.

— Здесь у него семья, друзья.

— Семья, конечно, со временем присоединится к Александру Дмитриевичу. Что же касается друзей... Кажется, у Александра Дмитриевича осталось не очень много друзей?

— Кое-какие остались.

Доктор переходит к изучению следующего портрета.

— У нас есть сведения о кхандской террористической организации, — говорит доктор, — которая готовит похищение, а, возможно, и устранение Александра Дмитриевича. Ему следует уехать ради его же безопасности.

— Известно, на какую должность его назначат? — говорит великан.

— Мне — неизвестно. Господину первому консулу — известно. Это право господина первого консула, не моё. Должность высокая, хотя и не министерского уровня.

— Значит, решено?

— Простите?

— Разве Александр Дмитриевич опасен? Я имею в виду, разве он будет опасен, если останется в родном городе?

— Никто не утверждает, что Александр Дмитриевич опасен. Я вижу, что вы беспокоитесь не о том, о чём нужно беспокоиться. Побеспокойтесь не о положении вашего брата, а о своём положении. Господин первый консул пока не решил, на какую должность назначить вас. Вы бы сами чем хотели заниматься?

Великан молчит.

— Вы, кажется, работаете в экономическом управлении префектуры? — говорит доктор. — Я предложу господину первому консулу перевести вас в министерство экономики. Но не знаю, согласится ли он.

— Я бы тоже хотел остаться в Туганске, — говорит великан.

— Ни один интегратор не останется в Туганске. Даже бывший интегратор. Даже отрёкшийся интегратор.

Великан шевелит своим огромным телом, как будто ему неудобно сидеть.

— Кстати, вы приготовили списки сотрудников? — говорит доктор.

— Приготовил и передал вашим помощникам.

Доктор отходит от портретов и снова садится на диван. Оба молчат.

— У вас что-то ещё? — говорит доктор.

— Всё-таки насчёт Карапчевского... — говорит великан.

Доктор смотрит прямо на великана и бьёт себя ребром ладони по горлу.

— Вы, Карапчевские, у меня уже вот где сидите, — говорит он. — Вам известна статистика? Вам известно, сколько в среднем детей рождает авзанская женщина, а сколько — кхандская? Вы понимаете, что через двадцать лет авзанов будет меньше, чем кхандов? Вы понимаете, что речь идёт о судьбе нашего вида? Не только в нашей стране, но и во всём мире!

— Я знаю, что точной статистики нет, — говорит великан. — Никто не знает, сколько кхандов живёт в нашей стране и сколько кхандов живёт в мире. И я точно знаю, что количество детей в кхандских семьях за последние десять лет сокращается.

— Никто не знает... А чем тогда занимался ваш комитет, если никто ничего не знает?

Великан молчит.

— Вам известно об исследовании профессора Магнуса? — говорит доктор.

— Оно засекречено.

— Но вам известно, до чего докопался Магнус?

— В общих чертах.

— И что вы об этом думаете?

— То, до чего докопался Магнус, в нашем городе испокон веков знает любой мальчишка.

Доктор поднялся. Ещё сильнее нахмуриться он не может. Губы его белеют от напряжения.

— Что вы хотите этим сказать? — говорит доктор.

— Открытие Магнуса ничего не меняет, — говорит великан. — Магнус открыл то, что было известно мне с глубокого детства. А последних полукровок в городе перестреляли при военном режиме. Может быть, ещё в деревнях...

— Не смей! — кричит доктор. — Не смей! Я вам запрещаю! Ни один авзан!.. Никогда!.. С этими!.. Поганками!..

Вбегают два высоких типа. В их руках зажаты пистолеты. Великан открывает рот, чтобы что-то сказать...

## Глава XIII. Пять лет назад, декабрь

За окном светила огнями большая живая ёлка, которую поставили возле гимназии. Ваня и Кирилл вместе с остальными после уроков остались, чтобы украсить класс: вырезали снежинки из фольги, делали длинные цепочки из цветной бумаги. Гоша стоял на парте и привязывал к гвоздику нитку с флажками. Девочки сочиняли текст для открыток учителям и раздумывали, как писать: «Дорогая...» или «Любимая...».

— Прекраснейшая! — крикнул Гоша и с грохотом спрыгнул с парты.

Ваня и Кирилл сидели за второй партой от учительского стола, а за первой никто не сидел. Екатерина Леонидовна куда-то вышла, на столе стояла её раскрытая сумка. Кирилл отложил ножницы и подошёл к окну.

— Вы уже поставили ёлку? — спросил Ваня, складывая лист фольги.

— Кханды не ставят ёлки, — сказал Кирилл.

— Кхандам это не нужно, — договорил за него Ваня.

Кирилл не улыбнулся. Он снова сел, взялся за ножницы, но не стал брать фольгу.

— Снежинки из фольги плохие, — сказал он.

— Почему? — спросил Ваня.

— Плохие.

— А из чего хорошие?

Кирилл не ответил. Он открыл свой портфель и достал оттуда шар. Шар был так украшен узорами, что походил на снежинку. Кирилл положил его на парту. Ваня взял шар. Шар был очень лёгкий, как будто сделанный из бумаги. Но всё-таки он был твёрдый, как настоящее дерево.

— Ничо се! — сказал Васёк, который сидел сзади. — Вот это снежиница!

Он привлёк внимание девочек. Они обступили парту и с восхищением осматривали шар. Когда они выяснили, что это сделал сам Кирилл, они тут же стали просить принести что-нибудь такое для украшения класса. Гоша вклинился между девочками, без разрешения схватил шар, скривил лицо и тут же поставил шар обратно.

— Тяжеленный какой! — сказал Гоша. — Из чугуна, что ли?

Отличница Настя взяла шар и взвесила его на ладони.

— Обычное дерево, — сказала она и передала шар отличнице Анфисе.

— Курить надо меньше, Крапивин, — сказала Анфиса.

В класс вошла Екатерина Леонидовна. Девочки позвали её посмотреть на шар. Екатерина Леонидовна тоже восхитилась.

— Кирилл, у тебя талант, — сказала она. — Такой талант нельзя скрывать. Мы разместим твою поделку на новогодней выставке.

Кирилл насупился.

— Это для класса, — сказал он.

— Мы разместим поделку от всего класса.

— Я не хочу на выставку.

— Мы должны что-то дать на выставку. Тогда наш класс получит первый приз.

— Мне это не нужно.

Ваня знал — если Кирилл заладил про «не нужно», значит, ему это действительно не нужно. Кирилла никто не смог бы переубедить. Екатерина Леонидовна этого не понимала.

— Ты не хочешь помочь классу? — спросила она.

Кирилл промолчал. Это означало конец всех переговоров. Теперь Екатерина Леонидовна поняла. Она положила шар на парту и сказала:

— Что ж, Гуров, общение с Тюменевым тебя до добра не довело.

Она отошла к своему столу. Девочки вернулись к открыткам и украшениям.

— Да чего ты опять? — прошептал Ваня Кириллу. — Всего лишь выставка...

Кирилл не ответил.

Екатерина Леонидовна заглянула в свою сумку, которая стояла на столе. Потом подняла сумку, осмотрела поверхность стола, по одной открыла полки. Скосила глаза вниз, под стол. Снова осмотрела сумку и стол.

— Ребята! — сказала она. — Никто ничего не брал со стола?

— Я взяла ножницы, — сказала Настя.

— А больше ничего?

— Больше ничего.

— Екатерина Леонидовна, вы что-то потеряли? — спросила Анфиса.

На лице Екатерины Леонидовны появилось такое выражение, как будто она сейчас заплачет.

— Потеряла... — сказала она. — Или где-то обронила... Наверное, обронила...

Все смотрели на Екатерину Леонидовну.

— Ребята, — сказала она. — Здесь, в сумке лежал кошелёк. Я хорошо помню, что когда я выходила, кошелёк лежал в сумке. Сейчас его нет.

Девочки ахнули.

— Я думаю, это была неудачная шутка, — сказала Екатерина Леонидовна. — Я прошу того, кто так неудачно пошутил, вернуть мне кошелёк. Тогда мы все сделаем вид, что ничего не произошло. Всего лишь неудачная шутка...

Все запереглядывались. В нашем классе — вор! Каждый готов был обвинить каждого. Никто не признался.

— Иван, Кирилл, — сказала Екатерина Леонидовна, — вы сидели ближе всех. Вы ничего не видели?

— Я ничего не видел, — сказал Ваня.

Кирилл помотал головой.

— В кошельке были деньги на подарок моему сынишке, — сказала Екатерина Леонидовна совсем не учительским голосом, а голосом уставшей женщины. — Пожалуйста, я прошу вас, ребята... Давайте прекратим эту шутку.

— Ну, кто там взял — верните! — сказала Настя.

— Да, верните, и всё! — сказала Анфиса.

— Пацаны! — сказал Гоша. — Хватит шутить.

Ничего не действовало. Екатерина Леонидовна оглядела класс жалостливым взглядом и вышла. Поднялся всеобщий гвалт.

— Какая гадость! — сказали Настя и Анфиса.

— Екатерина, конечно, чокнутая, — сказал Гоша. — Но воровать у неё... Она же и так нищая.

При этом он посмотрел на Ваню и Кирилла. Кирилл положил шар в портфель. Ваня дрожащими руками вырезал снежинку, потом бросил ножницы и фольгу.

Вошла Екатерина Леонидовна, а за ней — Антон Фёдорович, директор. Класс умолк.

— Дорогие дети! — сказал директор. — Екатерина Леонидовна уведомила меня о том, что произошло. Воровство в нашей гимназии — недопустимо. Случаи воровства наказываются исключением.

Кажется, Екатерина Леонидовна испугалась больше, чем дети. Она повернулась спиной к классу, как бы защищая его от директора, и сказала:

— Я думаю, это неудачная шутка.

— Екатерина Леонидовна полагает, что это чья-то неудачная шутка, — сказал директор. — Дадим шутнику последнюю возможность сознаться и вернуть кошелёк.

Слова директора тоже не подействовали.

— Получается, это была не шутка, — сказал директор. — Значит, будем называть воровство воровством. Поскольку вор не сознался, мы вынуждены пойти на крайние меры и обыскать всех, кто присутствовал в классе.

— Всех? — спросила Настя. — И девочек?

— Начнём с мальчиков, — сказал директор. — Надеюсь, до девочек дело не дойдёт.

— Да я хоть щас! — сказал Васёк.

Он вскочил и принялся быстро стягивать через голову свитер, при этом носком одного ботинка надавил на пятку другого. Скоро он стоял без свитера и в одном ботинке. По классу пронёсся смех — сначала засмеялся один, потом второй, и вот уже смеялись все. Васёк растёгивал рубашку и снимал второй ботинок, когда Екатерина Леонидовна сказала:

— Лагунов, сейчас же прекрати паясничать!

Этот цирковой номер не заставил её даже улыбнуться. А директор всерьёз разозлился.

— Если вы намерены превратить всё в балаган, — сказал он, — тогда мне не остаётся ничего, кроме как вызвать полицию. В нашем государстве преступников разоблачает полиция.

— Антон Фёдорович, может быть, обойдёмся без полиции? — сказала Екатерина Леонидовна.

— Что вы предлагаете? — спросил директор.

— Я предлагаю обыскать не ребят, а класс. Наверное, я всё-таки его обронила...

Директор строго смотрел на побледневшую Екатерину Леонидовну. Он понял её хитрый трюк. Это была ещё одна возможность мирно вернуть кошелёк.

— И ещё, Антон Фёдорович, я хотела вам кое-что сообщить, — сказала Екатерина Леонидовна и вывела директора из класса.

Гоша выбежал к доске. На уроках он особо к доске не стремился.

— Надо найти этот кошелёк, — сказал Гоша.

— А где мы его найдём? — сказала Настя.

Гоша пошарил по учительскому столу.

— Должен быть где-то здесь, — сказал он. — Чего сидите? Ищите давайте!

Тридцать человек осмотрели свои парты, встали, толкались между рядами. Настя и Анфиса тоже обыскали учительский стол.

— Я тут уже всё облазил, — сказал Гоша.

Настя и Анфиса прошлись рядом с подоконниками.

— Гуров, а ты почему не ищешь? — спросила Настя.

Кирилл нехотя заглянул под парту. Ваня надеялся, что сейчас Кирилл снова проявит свою способность находить предметы, и тогда все забудут о его упрямстве из-за шара. Кирилл даже не встал.

— Да вот же он! — воскликнула Настя.

Она стояла между подоконником и местом Кирилла и просовывала руку за длинный цветочный горшок. Она достала кошелек и с радостной улыбкой подняла его над головой. Все повернули головы к Насте.

— Гуров, ты не видел, кто его спрятал? — спросила Настя.

— Не видел, — сказал Кирилл.

Анфиса выбежала за дверь. Гоша направился к Кириллу.

— Молчун! — сказал Гоша. Он не называл так Кирилла со дня знаменитой драки. —

Так это ты его спёр?

— Не имеешь права обвинять, — сказал Ваня.

— А ты заткнись, — сказал Гоша. — А то пойдёшь соучастником.

— Сначала докажи! — сказал Ваня.

— Я тебе в Ангаре докажу! — сказал Гоша. — Давно пора! Очень храбрый стал!

Вернулась Анфиса с Екатериной Леонидовной и директором. Настя отдала кошелек.

— Действительно, обронила, — неестественным голосом сказала Екатерина Леонидовна. — А кто-то подобрал и положил на подоконник. Ребята, извините, что обвинила вас всех... Что обвинила вас всех в шутке.

— Я рад, что всё так счастливо завершилось, — сказал директор.

Екатерина Леонидовна через силу улыбалась. Директор обвёл взглядом класс и сказал:

— Неплохо украсили, неплохо. Но хотелось бы побольше ярких красок. Всё-таки Новый год. Продолжайте, дети... Екатерина Леонидовна, будьте добры, проводите меня.

\* \* \*

Когда Ваня на следующий день пришёл в гимназию, то его отозвали Гоша, Васёк и ещё несколько мальчишек из их класса. Весь класс был убеждён, что «молчун» — вор, и объявил ему бойкот. От Вани потребовали, чтобы он тоже не разговаривал с Кириллом. Ваня попытался вырваться из тесного кружка. Его не выпускали.

— Хоть одно слово — и встретимся в Ангаре, — сказал Гоша, и Ваню отпустили.

Кирилл как обычно зашёл в класс и сел за парту с Ваней. Учителя ещё не было. Одноклассники занимались своими делами, но искоса наблюдали за Ваней. Будет ли он говорить с вором, приговорённым к бойкоту? Будет ли он говорить с отверженным?

— Мать спрашивала, почему ты давно к нам не заходил, — сказал Кирилл Ване. — Зайдёшь сегодня?

Ваня упёрся взглядом в парту.

— Зайдешь? — повторил Кирилл. — Она пирог испечёт. С малиной.

Ваня не поднимал головы.

— Зайду, — тихо сказал он.

По классу пронеслись возмущённые возгласы.

— Предатель! — громко сказал Васёк.

Кирилл непонимающе оглянулся. Вошёл учитель, и тут же прозвенел звонок на урок.

После уроков Ваня собрался идти в гости к Кириллу. Возле ёлки стоял Гоша со своей компанией. Гоша не остановил Ваню и Кирилла, и Ваня подумал, что на этот раз пронесло. Никто не будет наказывать его за «предательство», а Кирилла — за «воровство». При мысли

о кхандских угощениях у него уже текли слюнки.

Сразу за забором гимназии Ваню и Кирилла встретили три высоких парня — старшеклассники или недавние старшеклассники. Ваня, кажется, в прошлые годы встречал их в гимназии. Из тех типов, которые курят и пьют пиво прямо перед директором, а директор делает вид, что ничего не замечает. Гоша бегал для них за пивом и считал это своей наградой. Несмотря на холод, парни были одеты в лёгкие куртки и кепки.

— Гуров — это ты, что ли? — спросил у Кирилла один парень. У него не хватало верхнего переднего зуба, поэтому он немного шепелявил.

Ваня спрятал руки в карманы, чтобы не было видно, как он задрожал.

— Да, я, — спокойно ответил Кирилл.

— Кханд? — сказал шепелявый. — Многовато вас, поганок, развелось.

Подошла Гошина компания.

— Это он украл? — спросил шепелявый у Гоши.

— Он, он, — сказал Гоша. — Молчун.

— У нас он будет крикун, — сказал шепелявый.

Он своей лапой схватил Кирилла за плечо и попытался сдвинуть. Кирилл стоял на месте. Шепелявый дёрнул за одежду. Кирилл сделал шаг в сторону, поднял руку, захватил руку шепелявого, и вот шепелявый уткнулся носом в землю, как когда-то Гоша. Но теперь Кирилл знал, что этого мало. Он потянул руку шепелявого, изо всей силы въехал ему ногой в живот и отбросил. Парень лежал на снегу, как раздавленная гусеница, и кашлял.

Гошина компания отступила на несколько метров. Кирилл обернулся к другим парням. Двое других не испугались. Они даже развеселились из-за того, что их приятеля побили.

— Чего разлегся, придурок? — сказал один из них шепелявому. — Загораешь?

Он смотрел на шепелявого и вдруг, не оборачиваясь, резко вытянул руку и ударил Ваню в лицо. В кулаке парня было зажато что-то твёрдое, металлическое. Ваня мотнул головой назад и прикрыл лицо руками. Губа была разбита до крови.

Кирилл хотел схватить парня, но тот отошёл спиной вперёд. Кирилл двигался за парнем. Второй парень переместился, пнул Ваню под коленку и одновременно кулаком ударил Ване в ухо. Ваня упал на бок. Гошина компания заржала.

Кирилл обернулся на Ваню. Он был в растерянности. Бить одного или второго? Защищаться самому или защищать Ваню? Ваня был бессилен против этих парней с их неожиданными ударами исподтишка.

— Пойдём в Ангар, — сказал Кириллу один из парней. — Поговорим.

Ваня опёрся рукой о землю и хотел встать. Второй парень ботинком толкнул его в спину и снова повалил.

Кирилл подошёл к Ване, и второй парень тоже отступил. Кирилл помог Ване подняться и сказал:

— Иди домой.

— Я с тобой, — сказал Ваня, хотя понимал, что от него не будет никакой пользы.

Шепелявый поднялся. Он злобно смотрел на Кирилла, кашлял и разминал плечо. Другие двое чуть ли не смеялись. Они уже поняли, что победили. По крайней мере, добились своей первой цели — заманили Кирилла в Ангар. Наверняка там их ждало подкрепление...

Кирилл, трое парней, половина Гошиной компании и другие гимназисты направились в Ангар. Кирилл и трое парней шли на одной линии, на расстоянии друг от друга, чтобы не показывать спину. Остальные тянулись сзади.

Гоша и Васёк остались. Ваня подумал, что сейчас Гоша будет его бить. Но с Гошей Ваня ещё подерётся. С трудом, но подерётся. В лагере он увидел, что Гоша вовсе не такой силач. У него много жира, и он быстро выдыхается. И удар у него не такой уж мощный. И никакими приёмами полицейского единоборства Гоша не владеет. Только хвастается. Ваня был готов к драке с Гошей.

Но Гоша не думал драться. Он стоял в стороне и внимательно смотрел на Ваню. Ваня решил, что драки не будет, и повернул к Ангару.

— Тебе же твой дружок приказал — иди домой, — сказал Гоша.

— Не твоё дело, — сказал Ваня.

Гоша и Васёк быстро нагнали Ваню и схватили его за руки. Ваня забыл: Гоша не владел никакими приёмами, кроме запрещённых. Но Гоша всё равно не бил Ваню. Ваня пытался вырваться, но Гоша и Васёк держали крепко. Они отволокли его подальше от гимназического забора, завели в арку девятиэтажки и прижали к стене.

— Отпустите, гады! — крикнул Ваня.

— Для тебя же стараемся, — сказал Гоша. — С этой поганкой хотят поговорить серьёзные люди. Тебе лучше не лезть.

Ваня вырывался, а сам думал, что ничем не сможет помочь Кириллу. Кирилл нашёл предметы в лесу, он справился с Гошей. У него какие-то сверхспособности. Он же кханд. Они все колдуны. Его мать — гадалка. Он — колдун. Он и сейчас справится.

Минут через десять Гоша и Васёк отпустили Ваню. Он поднялся, чувствуя, как затекли руки. На подбородке засохла кровь из разбитой губы. Он ничего не сказал Гоше и Ваську и отошёл от них. Они его не преследовали. Поняли, что он не пойдёт в Ангар. Или им уже было всё равно?

Ваня и вправду не пошёл в Ангар. Он пошёл домой, упал на кровать и лежал до вечера, пока не пришли родители. Он ненавидел себя. И Кирилл имел право ненавидеть его.

\* \* \*

Ваня стоял во дворе самой новой шестнадцатиэтажки на улице Свадебной — во дворе дома, где жил Кирилл. Он надеялся, что ему не придётся подниматься на последний этаж. Вдруг Кирилл зачем-то выйдет сам? Ване тяжело было идти к Кириллу и совсем не хотелось видеть его мать, или брата, или сестру.

Мать Кирилла он один раз видел. Он встретил её в коридоре гимназии, когда она пришла к директору. Ваня поздоровался, она ответила: «Здравствуй», — и сразу отвернулась. Говорили, что директор хочет исключить Кирилла — за постоянные драки и прогулы. Кирилл не ходил в гимназию две недели подряд! Мать Кирилла долго говорила с директором и Екатериной Леонидовной и ушла в слезах.

Ваня не заметил, как вошёл в подъезд, поднялся на шестнадцатый этаж, подошёл к знакомой двери. Узоры на косяках оставались, но возле квартиры не пахло ни стружкой, ни травами. Пахло обычным подъездным запахом.

Ваня не решался звонить. Он прислушивался к звукам за дверью. Там кто-то ходил, кто-то говорил. Или ему показалось, и это ходили и говорили в соседних квартирах?

Лифт открылся, из него вышла женщина. Кажется, та самая соседка, которая просила мать Кирилла погадать. Она подозрительно оглядела Кирилла.

— Кого ждёшь? — спросила она. — Гуровых? Они переехали. Переехали — и очень хорошо, что переехали. Давно пора было выгнать этих поганок. Весь подъезд провонял от ихней бурды. — Она долго возилась с замком и всё что-то бормотала.

Гуровы переехали! Кирилл переехал!

Ваня этого не знал. Он повесил голову и стал медленно спускаться по лестнице. Почему-то на четырнадцатом этаже он остановился. Он немного подождал и снова поднялся на шестнадцатый, к двери Кирилла.

Хотя он только что услышал, что Гуровы переехали, но всё-таки позвонил. Никто не открыл. Он позвонил несколько раз. Он схватил за ручку и подёргал. Ручка свободно опустилась вниз, и дверь растворилась. Дверь не была заперта на замок.

Ваня постоял перед открытой дверью, огляделся — он представил, как соседка наблюдает за ним через глазок, — и вошёл в квартиру.

В квартире осталась вся мебель. В шкафах была одежда, игрушки. На кухне — вымытая посуда. Холодильник работал, в нём стояли большая кастрюля и несколько банок. Было такое ощущение, что хозяйева вышли и сейчас вернутся. Или что хозяйева срочно всё бросили и уехали, как будто боялись наводнения или пожара.

В комнате Кирилла тоже всё было на месте — и двухъярусная кровать, и другая мебель. На полке всё так же стояли учебники, но деревянной птицы не было. Ваня вспомнил о ноже с длинной рукояткой и коротким клинком и посмотрел, нет ли его за учебниками.

Тут же он вспомнил о другом ноже — о том, которым порезалась и не порезалась мать Кирилла, и вернулся на кухню. На кухне он не нашёл ни одного ножа.

В гостиной на самом видном месте стоял проигрыватель пластинок. Это был старый Ванин проигрыватель, который он с разрешения родителей подарил Кириллу. Рядом с проигрывателем лежала плоская деревянная шкатулка размером примерно с ладонь. Как же Маша её назвала? Какое-то странное слово. Ялт или что-то вроде того... А, да, ялк!

Ваня взял ялк. Ялк был очень лёгкий, как будто из бумаги, но твёрдый. Таким же лёгким и твёрдым был шар-снежинка. Ваня попробовал открыть ялк. Ялк не открывался. Это была не шкатулка. Это был кусок дерева, полностью украшенный узорами. Он как будто состоял из одних узоров. Сложнейшие узоры — и треугольники, ромбы, зигзаги, и вьющиеся растения с листочками, и чудовища с множеством голов и хвостов. Как всё это уместилось на таком маленьком предмете?

Ваня снова попытался найти тайный замок, и тут внутри ялка загорелся красный огонёк. От удивления Ваня чуть не выронил ялк, но всё-таки удержал. Ялк был тепловатым — немного теплее, чем ладонь.

Ваня слегка сжал ялк пальцами, и красный свет сменился жёлтым, потом зелёным, голубым, фиолетовым, красным. Комнату осветил мягкий белый свет. Свет как будто очистил воздух от всех примесей, от пыли, от малейшей тени. Были отчётливо видны мебель, стены, окно. Свет за окном по сравнению со светом ялка казался тусклым.

Ваня ослабил нажим, и свет стал гаснуть. Только внутри ялка ещё угольком светилась красная точка. Когда она потухла, то комната показалась полутёмной, серой, ещё более заброшенной. Как будто тут не жили не неделю или две, а целый год.

Ваня положил ялк обратно, рядом с проигрывателем. Проигрыватель он брать не хотел — это же подарок!

Он хотел взять ялк. Хотя ялк не был подарком. Это была чужая вещь. Но её забыли. Теперь она ничья. Ване были противны такие рассуждения, но он продолжал спорить сам с

собой, продолжал придумывать новые аргументы.

Может быть, Кирилл оставил ялк для меня?

Для меня — для предателя?

Может быть, я возьму ялк на время? Возьму, а потом, когда-нибудь потом отдам Кириллу. Когда-нибудь потом я поеду на Острова, найду, где живут Гуровы, где живёт этот таинственный, всезнающий дед Кирилла, — и тогда отдам Кириллу ялк. Даю честное слово.

Ваня положил ялк во внутренний карман куртки. Когда он шёл по зимней улице и склонял голову из-за холодного ветра, он чувствовал теплоту ялка. Даю честное слово, думал он. Даю честное слово.

## Глава XIV. Июль, ночь и утро

В окно забарабанили. Лиза открыла глаза и испуганно оглянулась. Я тоже испугался.

— Дождь, — сказала Лиза.

Мы подошли к окну. Фонари во дворе не горели. В темноте раскачивалась листва кустов. Ветер сыпал в стекло белые горошины.

— Какой град! — с восхищением сказала Лиза и рванулась, что открыть створку окна.

Я остановил Лизу и сказал:

— Града только не хватало.

Мы вернулись на диван к мнемонику.

— Это было странное кино, — сказала Лиза. — Я ничего не поняла. Разговоры разговоры... И этот пухленький — такой противный... А чем там всё закончилось?

— Они жили долго и счастливо и умерли в один день, — сказал я.

Лиза уставилась на меня. Глаза у неё были тёмно-серые — точь-в-точь как у Карапчевского. Сейчас она больше походила не на мать, а на отца.

— Ты какое-то другое кино смотрел? — спросила Лиза. — Оно же не про любовь!

— Оно про ненависть, — сказал я.

Лиза легла на диване, подложив руки под голову.

— Ложись спать, — сказал я. — А мне нужно уходить.

Лиза тут же поднялась.

— Как это уходить? — сказала она. — И так никого нет, все уехали. И ты уедешь?

— Мне нужно уходить.

— Ваня, давай кино посмотрим. Только теперь я выберу.

Она взяла мнемоник и защёлкала по кнопкам.

— Лиза, мне нужно уходить, — сказал я. — Знаешь такое слово — нужно?

Лиза отложила мнемоник.

— Папа уехал, — сказала она скучным голосом. — Дядя Сергей уехал. Никмак уехал. Ваня уехал.

Она вскочила и выбежала из гостиной. Нельзя её оставлять. Я подошёл к двери её комнаты и громко сказал:

— Ладно, давай посидим немного.

Она с улыбкой открыла дверь.

— Давай посмотрим кино, — сказала она.

— Давай лучше чаю попьём. Я сейчас поставлю.

— Я поставлю! — Она побежала на кухню.

Мы сидели на кухне, под картиной с фруктами и пили чай. Мне надо было уходить, а я пил чай. Мне вовсе не хотелось идти под дождь и град. Ещё и снег начнётся!

Лиза выпила полкружки и сонным голосом сказала:

— Пойдём в гостиную.

Мы пошли в гостиную. Она снова легла на диван, ещё раз предложила посмотреть кино, потом предложила послушать музыку, потом что-то пробормотала и уснула.

Я накрыл её диванным покрывалом, сел в кресло и стал думать над тем, что показала мне запись на кристалле-карандашике.

Было о чём подумать. Кто мог сделать эту запись? От кого её получил Карапчевский?

Значит, у интеграции есть сторонники среди таких высоких чинов. Значит, ещё не всё потеряно.

Может быть, это Никмак? Я не хотел верить, что Бульдог стал предателем. Я думал, что он нарочно внедрился к дифферам, чтобы разузнать об их планах. Он и сделал эту запись, он и передал её Карапчевскому. А Карапчевский оставил одну копию Жебелеву. Конечно, одну копию. Не мог же он оставить Жебелеву единственную копию. Свою копию он повёз первому консулу.

А потом исчез. А за ним исчез Никмак. И где же Евгения? Неужели она тоже исчезла? И в архивах полиции о ней не останется никаких сведений...

Те люди, которые сидели в большой комнате среди роскошных вещей, способны на всё. Я узнал префекта — хозяина дома, я узнал первого зама заместника, я узнал комиссара полиции. Других я не знал. Не знал их имён, не знал их должностей. Но все эти лица были мне знакомы.

Я видел такие лица на портретах в энциклопедиях и учебниках. Я видел такие лица в чиновничьих коридорах. На этих лицах выражались одни и те же черты: полная уверенность в себе, в своей правоте, нежелание не то, что понимать и принимать, но даже слышать о чужой точке зрения. Такие лица были у тех, кто властвует над миром. Все они имели право принимать решения о судьбах других людей и спокойно пользовались таким правом, даже если эти решения приносили кому-то страдания, даже если они могли привести к гибели.

Особенно страшные решения они могли принять именно вот на таких собраниях, о которых никто не знает и не узнает. А значит, главное оружие борьбы против таких людей — это рассказать всем об их решениях. И о выселении кхандов — перемещении, как они это называли — нужно рассказать всем.

Всем!.. Но кому? Мне некому было довериться. Всё же был один человек, у которого могли найтись способы справиться с такими, как доктор. Это Гуров. Для него будет важно как-то остановить выселение. Хотя бы ради себя и своей семьи. Гуров — вот к кому мне нужно идти.

А я сижу и охраняю покой девочки. Хотя я ни от чего не смогу её защитить. Только от страха быть одной.

Я встал и осмотрел книжные полки. Достал том последнего издания «Академики». Статьи о профессоре Магнусе не было. Пока не заслужил.

Но его биография должна быть в справочнике «Кто есть кто». Я поискал справочник на полках. Не нашёл.

Потом опять вспомнил о мнемонике. В мнемонике была встроенная библиотека, в которой было новое издание «Кто есть кто». Информации было не много.

Аристарх Магнус. Биолог, антрополог, генетик, специалист по эволюции человека. Профессор Кайзерсбургского университета. Пять лет назад погиб в автомобильной аварии в возрасте тридцати двух лет. Автор около ста пятидесяти научных трудов. Список монографий на латыни прилагается.

Невозможно было выяснить, какое великое открытие совершил профессор Магнус, кем оно было засекречено и почему так напугало чуть ли не самого первого консула. А первый консул ведь ничего и никого не боится...

Входная дверь распахнулась. В прихожей стояла Евгения, которая пыталась закрыть сломавшийся зонтик. Она была вся мокрая, с плаща на пол натекла лужа, растрёпанные тёмно-каштановые волосы прилипли к лицу. Она увидела меня и сначала испугалась.

— Без бороды вы совсем другой, — сказала она.

Я в смущении почесал подбородок. Лиза проснулась и выбежала встречать Евгению. Я помог Евгении стянуть плащ и сказал:

— Хорошо, что вы пришли. Мне нужно уходить.

— Где ты была, мама? — спросила Лиза.

Евгения поздно возвращалась, и её задержал патруль. Документов у неё не было, и она полночи просидела в полиции. Потом попала на глаза тому молодому инспектору, который искал Карапчевского. Ему удалось убедить коллег, что Евгения не представляет опасности. Он сам довёз её до дома на полицейском автомобиле.

Пока Евгения вытирала полотенцем голову, Лиза убежала ставить чайник. Евгения уговорила Лизу лечь спать, а сама укуталась в верблюжье одеяло, села за стол и обняла ладонями горячую кружку чая с молоком.

— Мне нужно уходить, — опять сказал я.

— Дела? — спросила Евгения.

Наверное, так же она спрашивала у Карапчевского, когда он бросал всё и уходил в любое время дня и ночи. Так же она спросила, когда он вдруг полетел в Константинополь по вызову первого консула.

— Дела, — сказал я.

— Инткомовские мелочи?

Я кивнул. Всемогущий Виктор Викторович, которого называли доктором, обещал, что семья Карапчевского со временем присоединится к Карапчевскому. Я понимал, что обе они — мать и дочь — могут в эту ночь исчезнуть. Но я оделся и ушёл.

Мне вспомнилось Кладбище статуй. Увешанные орденами генералы и адмиралы поднимаются и шагают по городу. Каменные солдаты снова идут на войну. Это каменные солдаты ездят по пустым улицам в «Бронтозаурусах». Это каменные солдаты на тайных собраниях решают судьбы тысяч людей. Каменные солдаты с Кладбища статуй...

\* \* \*

Дождь лил всё сильнее. Это был ледяной ливень. Град не прекращался, но градины уменьшились. Во дворе дома с атлантами и кариатидами никого не было. Фонари не горели. На асфальте лежало несколько поваленных кустов. Под ногами, как стёклышки, хрустели градины. Из водосточных труб лились целые водопады.

Я вышел на Аптекарьскую и направился прямо к набережной. Да, в эту жуткую ночь я был готов переплыть реку.

Вода стекала по ступеням набережной, нижние ярусы были полностью затоплены. Сквозь шум дождя я услышал рёв мотора. Автомобиль? Нет, катер на реке. Речной патруль. Каменные солдаты стоят на моём пути...

Я прижался к холодному мокрому гранитному ограждению и затаился. Рёв мотора утих. Я высунулся. Чёрные волны бились о набережную. Ерга выглядела не как тихая равнинная река, а как море. Другой берег в темноте не различался. Тут мне не переплыть.

Что же делать? Паром? До него так далеко, и он теперь не работает. Лодки? Лодки спрятаны на кхандском берегу. Мне не помог бы и мост. Его бы наверняка охраняли сильнее всего.

Я пошёл по набережной в сторону музея. Ещё пару раз проехали катера. Я поднялся на Республиканскую возле площади у музея. Вершина у копии пирамиды Хеопса была разобрана — выставка египетских древностей закончилась.

За зданием музея оказался сетчатый забор, которого раньше не было. Я полез через забор. Носки ботинок соскальзывали с мокрой сетки. Позади послышались шаги и какой-то крик. Кажется, крикнули: «Стоять!»

Я долез до верха и оглянулся. Через площадь бежали полицейские в плащах и с автоматами. Каменные солдаты стоят на моём пути...

Я спрыгнул вниз и побежал к оврагу. Я ждал выстрелов, но каменные солдаты не стреляли. Они с шумом перебирались через забор. Я спустился по склону оврага до самой воды. Где-то здесь должен быть подземный ход.

Каменные солдаты приближались. Я слышал, как их каменные сапоги долбят по бетону. Они подошли к берегу немного в стороне и посмотрели вниз. Я вжался в землю, в жидкую грязь и чувствовал, что вместе с грязью сползаю в воду.

Каменные солдаты подходили ко мне. Мои ноги очутились в воде. У меня перехватило дыхание от холода. Каменные солдаты всё ближе. Я в который раз пожалел, что не надел Гуровский свитер.

Я вдохнул поглубже и нырнул в воду...

Я ничего не видел, ничего не слышал, ничего не ощущал. Я не мог плыть в такой ледяной воде. Работали только руки, которые нащупали брёвна сруба и втопили меня внутрь. Вход был свободен от земли. Наверное, её вымыла вода.

Я пробирался в воде по подземному ходу, пока не наткнулся на ступени. По скользким ступеням я забрался на верхний уровень подземного хода и повалился на пол. Тело содрогнулось от спазма, меня вырвало недопереваренной кашей и грязной водой.

Вокруг была темнота, как в закрытом ящике. Я рукавом вытер рот, достал ялк и сжал его в ладони. Ялк был тёплый, теплее обычного. Внутри ялка зажёгся красный уголёк. Мягкий белый свет осветил подземный ход на несколько метров. Туннель из брёвен уходил куда-то вдаль. В туннеле был сырой и холодный воздух, но воды на полу не было. С потолка тоже ничего не лилось.

Я насквозь промок, дрожал и стучал зубами. Я снял куртку, штаны, свитер, рубашку и выжал их, потом снова надел. Я присел и погрелся ялком. Я сжимал его в ладонях, засовывал под одежду и прикладывал к животу, к груди, к спине, к бёдрам. Ялк оставлял тёплые следы по всему телу. Мне показалось, что даже одежда немного просохла. Я прижал ялк к груди и съёжился в комок. Всё ещё было холодно, но дрожь прошла.

Я встал. Здесь можно было выпрямиться в полный рост, и ещё оставалось пространство сверху. Я ощупал брёвна, опоры, балки — на вид они были крепкими — и двинулся по туннелю. Я шёл долго и потерял ощущение времени. В свете ялка были отчётливо видны одинаковые морщинистые коричневые брёвна. Из-за отсутствия каких-либо примет мне казалось, что я хожу по кругу или топчусь на месте. А иногда мне казалось, что туннель очень круто снижается. Я боялся, что упаду и полечу вниз.

Несколько раз попадались боковые туннели, отходящие от основного. Целая сеть подземных ходов. Я заглядывал в эти боковые туннели и видел те же одинаковые брёвна. Я мог только гадать, куда они вели. Может быть, к уже несуществующим кхандским поселениям вокруг города? Может быть, какой-то боковой туннель выведет меня на пустырь? Я представил, как прихожу домой, снимаю мокрую одежду, залезаю в горячую

ванну... Я мотал отяжелевшей головой и продолжал идти по основному туннелю — куда-то за Ергу.

Я услышал за спиной шаги и остановился. Точно, меня преследовали. По туннелю разносилось странное клацанье, как будто кто-то бил по брёвнам ногтями. Или когтями? В туннеле могло жить дикое животное. Из лесов и болот вокруг Островов сюда мог залезть кто угодно, хоть медведь.

Я быстрее пошёл вперёд. Снова попался боковой туннель. Я подумал, не завернуть ли туда, не сойти ли с дороги этого неведомого зверя. Я заглянул в боковой туннель. Он почти вертикально уходил вниз. Я вернулся в основной туннель.

Клацанье не утихало. Я побежал. Я пробежал всего несколько минут и стал задыхаться. Вдыхая ртом воздух, я несколько раз оглянулся, потом несколько раз обернулся вокруг своей оси. На мгновение я запутался, в какую сторону идти. Клацанье всё так же слышалось за спиной. Значит, я шёл в правильную сторону.

Воздуха не хватало. Туннель как будто становился уже, потолок касался головы. Мне захотелось наружу, под небо, пусть под ночное небо, пусть под дождь и град. Но там можно свободно дышать.

Я дрожал — не от холода, а от слабости и страха. Я встал и прижался к стене. Я смотрел в ту сторону, откуда слышалось клацанье. Ялк выпал из рук и упал между двумя брёвнами на полу. Белый свет постепенно погас, горел только красный уголёк внутри ялка.

Надо собраться, подумал я. Надо идти дальше. Нечего бояться. Ты здесь один. Больше никого нет. Никакого клацанья нет.

Я наклонился, поднял ялк и сжал его посильнее. Туннель опять осветился. Я резко выпрямился и ударился макушкой о потолок. Я снова присел и схватился за голову. Было больно до слёз. Туннель и правда стал ниже.

Я шёл дальше, опустив голову. Впереди что-то темнело. Я остановился и поднял ялк. Темнела земля. Туннель был засыпан.

Тупик!..

Я подошёл к куче земли. Сколько метров земли лежало передо мной? Один, два, десять? А, может быть, небольшая пробка в полметра? Я копнул землю левой рукой. Земля была влажная, липкая. Я покопал ещё немного. Потом приставил ухо к земле и прислушался. Ничего не было слышно.

Зато за спиной всё так же раздавалось клацанье. Оно приближалось. Оно было совсем близко.

Я поднял ялк, и на свету показалось что-то огромное, чёрное, мохнатое...

В этом огромном и мохнатом вырисовывалась голова с висящими ушами, сильные лапы, поднятый распушённый хвост. Шерсть на голове разделялась на прямой пробор. Из-под густых лап смотрели умные глаза, в которых читалось: ай-ай-ай, ну, что за растяпа!

Это был медведеподобный пёс Гурова! Безымянный пёс... «Он и так придёт, когда понадобится», — говорил Гуров.

Пёс сел и подметал хвостом брёвна. Я гладил его чистую шерсть, обнимал его за шею и чуть ли не целовал. После обмена приветствиями пёс поднялся и развернулся.

Он хотел показать мне выход. Конечно, он знал, где выход. Это же кхандский пёс. Кхандский пёс в кхандском подземном ходе.

Пёс бежал рысью, и когти клацали о брёвна. Этот звук меня успокаивал. Потолок постепенно поднимался. Я выпрямил голову.

Пёс привёл меня к боковому туннелю и взглядом поманил туда.

— Нет, — сказал я. — Нам туда не надо.

Пёс упрямо тянул меня в боковой туннель. Здесь потолок был такой же высокий, как в начале основного туннеля. Я понял! Когда я шёл один, то сам не заметил, что свернул в боковой туннель. Я прошёл по боковому туннелю до тупика, где меня настиг пёс. Теперь пёс вернул меня в основной туннель.

Мы шли по основному туннелю. Наверное, мы были уже далеко за Ергой, под лугами и двумя сожжёнными дорогами.

С потолка капнуло. Я потрогал потолок — он был влажным. Влага копилась на брёвнах и капала вниз. Чем дальше мы шли, тем капель было больше. На полу были неглубокие лужи. Скоро я шёл, как под дождём. Воды на полу было по щиколотку, затем по колено. С потолка, между брёвнами лилась жидкая грязь. Пёс рассекал грудью воду. Его лап не было видно. Я боялся, что всё сооружение обрушится.

Вода поднялась мне до пояса. Над водой была видна только голова пса. Пёс забил лапами, показались его спина и хвост. Пёс плыл. Держась за стенку, я с трудом переставлял ноги. Я опять был насквозь мокрый, опять дрожал и стучал зубами. Теплота ялка уже не спасала.

Один раз я споткнулся и выронил ялк в воду. Он держался на воде и медленно гас. Я подхватил ялк, в несколько шагов настиг пса и перекинул левую руку через его спину. Пёс посмотрел на меня умными глазами и продолжил путь.

\* \* \*

Пёс поднимался по ступеням. Я засунул ялк в карман и на четвереньках поднимался за псом. Где-то в вышине горел свет. В пятне света виднелись неясные фигуры. Пёс вошёл в свет и на время полностью закрыл его. Потом свет снова загорелся, а пса уже не было.

Я увидел сверху люк, а в люке — наклонившегося Гурова. Он протягивал мне руку. Я взялся за руку, и он легко вытянул меня из подземного хода на поверхность. Я упал на землю, на дощатый пол и лежал, не в силах унять стучащие зубы. Гуров бесшумно закрыл деревянную крышку люка.

Я поднял голову. Небо было тёмное, по нему быстро плыли чёрные тучи, на ходу меняя очертания. Дождь и град прекратились.

Со всех сторон были брёвна, доски, стены. С одной стороны была распахнутая дверь, за которой горел свет. Мы находились не в самом доме, а во внутреннем дворике с деревянным настилом. Но я чувствовал тепло, как будто был не на открытом воздухе, а в комнате.

Возле люка стояли четверо. Первым был безымянный пёс. Второй — Гуров, который опирался на посох, полностью украшенный узорами. Двое других были дети. Кхандский мальчик лет четырнадцати с серебристыми волосами, голубыми глазами и усиками над верхней губой. Рядом с ним — девочка лет пяти с такими же серебристыми волосами и голубыми глазами, которая обеими ладонями держала деревянный шар. Шар светился, как ялк. Это и был ялк. Ещё один ялк. Он освещал весь дворик. В его свете были отчётливо видны каждая неровность, каждый сучок, каждый заусенец на досках.

Гуров был одет в старомодный костюм, ботинок на нём не было. Деревянная ступня на правой ноге не отличалась от живой ступни на левой. Мальчик был одет в длинную светлую

рубашу навыпуск и штаны. Девочка — в светлую рубашу почти до пола. И мальчик, и девочка тоже были босиком.

Я попробовал встать, но опять упал. Гуров сделал шаг вперёд и снова протянул мне руку. Я встал с его помощью.

— Почему же вы, Иван, свитер не надели? — спросил Гуров. — Такой холод!

— Холод, — только и сказал я.

Пёс во всю пасть зевнул и щёлкнул зубами.

— Кирилл Семёнович... — сказал я и поправился: — Семён Кириллович... Я пришёл чтобы вас предупредить. Это заговор. Выселение. Кхандов хотят выселить на север.

Гуров промолчал.

— Всех кхандов хотят выселить на север, — сказал я. — В городе — помощник первого консула. Он всем управляет. Все его слушаются. Они хотят выселить всех кхандов на север.

Гуров промолчал. Я подумал, что он меня не понимает, и ещё раз сказал:

— Всех кхандов хотят выселить на север!

— Кханды и так живут на севере, — сказал мальчик.

Я поразился, что мне ответил не Гуров, а этот мальчик. Кто этот мальчик? Ещё один его внук? Почему он мне отвечает?

— Семён Кириллович, — сказал я. — Вас всех хотят выселить на север. Вывезут на поездах. Будут держать в каком-то лагере, под охраной. Это даже не выселение! Это уничтожение!

Я нашёл нужное слово.

— Уничтожение! — повторил я. — Кхандов хотят уничтожить!

— Кхандов нельзя уничтожить, — сказал мальчик.

Я даже не смотрел в его сторону, я смотрел только на Гурова.

— Уничтожить! — сказал я.

— Кханды бессмертны, — сказал мальчик.

Гуров стукнул посохом в доски настила.

В тучах прямо над нашими головами появился огромный просвет, как будто ткань разрезали ножницами. В просвете показалось летнее предутреннее бледное небо.

— Ведь нужно что-то делать! — сказал я. — Надо спасти людей!.. Скоро всё начнётся!..

Гуров продолжал молчать, а мальчик сказал:

— Скоро всё закончится, Ваня. Всё уже закончилось.

Я смотрел на него в недоумении. Он не отводил своих голубых глаз. Его глаза были на одном уровне с моими. Он был моего роста. Точнее, я был его роста, а Гуров возвышался над нами, детьми, как взрослый.

Девочка приблизилась ко мне и подняла шар к моим глазам. Шар так сверкал, что ослепил меня. В виски как будто вонзилась длинная игла. Я зажмурился от боли. Голова кружилась, перед глазами поплыла серая муть.

Я приоткрыл веки и посмотрел на шар. Узоры на шаре расплылись. Они как будто шевелились, перемещались. Они как будто ожили.

Я ещё приоткрыл глаза. Шар был не деревянный. Узоры были не узоры. Это были плотно сжатые между собой капли густой жидкости. Капли двигались, сливались из нескольких в одну, из одной разделялись на многие, исчезали в глубине и снова появлялись на поверхности. Шар состоял из капель. Шар и был скопищем капель. Он лежал в ладонях

девочки и в то же время он был огромен, беспределен. Он занимал всё пространство.

Шар ещё увеличился, как под микроскопом, и я увидел, что каждая капля — это человеческое тело. Я видел сотни, тысячи, миллионы голых тел. Они составляли шар, это огромное тело.

Одно тело с края тянулось от шара. Оно пыталось вырваться. Но оно кожей было соединено с другими телами, со всем шаром. Тело тянулось, кричало и плакало. Плач и крик распространились на все остальные тела. Теперь все тела кричали и плакали.

Я закричал, как будто сам почувствовал эту боль. Я сжал ладонь в кулак, размахнулся и сверху ударил по шару в руках девочки.

Шар взорвался каплями...

\* \* \*

В комнате было светло. Вот только непонятно было, откуда струился свет. Все вещи в комнате были сделаны из дерева и украшены узорами. С потолка на нитках свисали деревянные птицы с узорчатыми крыльями и хвостами. Пахло стружками, смолой, сушёными травами, ягодами, ещё чем-то летним.

Гуров держал в руках небольшой кусок дерева размером с ладонь. Он взял свой нож — длинная рукоятка и короткий клинок — и провёл по поверхности дерева неровную линию. Он вырезал на дереве узоры и не смотрел в мою сторону.

«...Интеграция практически неосуществима, — говорил он, — и это понимал даже Карапчевский. Мы разные виды, и мы будем разными видами. Эволюция кхандов и авзанов шла разными путями. Авзаны развивают науку и технику. Кханды развивают внутренние, телесные, природные возможности. Ваш путь — открытый, а наш — скрытый, тайный, невидимый. Но придёт день, когда скрытый путь станет открыт для всех».

«...Кхандам не требуется умение владеть техникой, — говорил он. — Кханды без техники видят природу, понимают суть любого предмета. Кхандам не нужно разрезать яблоко, чтобы понять, что находится внутри яблока. Кхандам не нужно видеть яблоню, чтобы понять, как вырастает яблоко. Достаточно увидеть яблоко. Кханды используют понимание природы для создания предметов, которые авзаны назовут колдовскими. Фонарик, который работает от тепла человека. Нож, который режет всё, кроме живой плоти, и этим ножом нельзя порезаться. Одежда, которая пропускает воздух и не промокает».

«...Кхандам не требуются машины, которые очень быстро ездят, — говорил он. — Или машины, которые очень быстро считают. Или машины, которые записывают информацию. Если понимаешь суть предмета, то не нужно куда-то ехать или что-то записывать. Всё, что необходимо кхандам, они могут получить там, где живут сейчас. Всё, что необходимо записать, записано в природе. Нужно только это увидеть. Кханды видят природу. Кханды видят природу не глазами. Авзаны вообще не видят природу. Чтобы увидеть природу, недостаточно одной личности. Одна личность слишком слаба. Необходимо объединение личностей. Я имею в виду не внешнее объединение. Я имею в виду внутреннее объединение. Объединение личности в один организм, сверхорганизм. Каждый авзан — это отдельная, самостоятельная личность. Кханды составляют сверхличность».

«...Вспомни биологию, — говорил он. — Многоклеточный живой организм состоит из клеток. Отдельная клетка не может существовать. Каждый авзан — это отдельный организм,

это одна клетка. Кханды — это клетки многоклеточного организма. У отдельного кханда вообще отсутствует своя личность, своё Я. Оно подчиняется общему сознанию всех кхандов, всего сверхорганизма. Не существует отдельно Семёна Кирилловича Гурова, или Кирилла Гурова, или Маши Гуровой. Существуют кханды. Вот чем отличаются кханды от авзанов, а не внешностью, не видовыми различиями. Отсюда следует, что один кханд меньше, хуже, глупее одного авзана, но все кханды в своей совокупности больше, сильнее, могущественнее, чем все авзаны. Чтобы кханд стал равен авзану, ему нужно дать собственную личность. Для этого кханда нужно вырвать из сообщества кхандов, из сверхорганизма кхандов. Но это невозможно. В этом случае кханд погибнет. Гибель одной клетки не является трагедией для организма, но организм всё равно старается сохранить себя. Гибель одного кханда не приведёт к гибели сверхорганизма кхандов, но каждый кханд необходим. Не сам по себе, а как часть сверхорганизма. Рано или поздно клетки умирают. Кханды тоже умирают. Но на место одного кханда встаёт другой. Рождение, смерть, воскрешение, бессмертие — для кхандов нет разницы между этими понятиями. Сверхорганизм кхандов будет жить вечно».

«...Сверхорганизм — это всего лишь поверхностная аналогия, — говорил он. — Она придумана для того, чтобы авзаны могли хоть немного понять суть кхандского сообщества. По-настоящему это можно понять, только будучи частью этого сообщества. Дело не в родовой жизни, а в сверхорганизме, за пределами которого каждый кханд превратится в ничто и погибнет. Только в сверхорганизме кханд защищён. Защищён, в первую очередь, от авзанов. И для защиты кханды готовы пойти на многое».

«...Мы проверяли тебя, — говорил он. — Ты своим поступком спас не кхандов от уничтожения. Ты спас авзанов. Если бы ты поступил иначе, мы бы уничтожили весь город. Его поглотило бы наводнение, он бы утонул в грязи, погрузился в болото. Мы выбрали тебя, потому что ты почти кханд. Ты готов присоединиться к нашему сверхорганизму. Встречаются авзаны, которые больше похожи на кхандов. В них есть зачатки кхандов. Они постепенно станут частью кхандов. Интеграция невозможна в том смысле, как понимают её интеграторы. Не кханды переймут образ жизни авзанов, что привело бы к их гибели, но авзаны станут кхандами, что даст авзанам новые возможности и укрепит кхандов. Те авзаны, которые не смогут стать кхандами, погибнут. Это борьба за существование. В конце концов, на планете будет жить один разумный вид. Так и должно быть. Здесь слишком мало места для двух разумных видов».

«...Кханды не подчинялись авзанам, — говорил он. — Ни один авзан не смог бы подчинить сверхорганизм кхандов. А подчинение отдельных клеток сверхорганизма не является подчинением сверхорганизма».

«...Кханды разговаривали на языке авзанов, — говорил он. — Авзаны не смогли бы понять языка кхандов. Ты тоже пока не готов воспринять язык кхандов. Поэтому я говорю с тобой на языке авзанов».

Гуров закончил монолог. Точнее, это был диалог, но Гуров отвечал на мои вопросы ещё до того, как я успевал их задавать. И во время монолога-диалога он не открывал рот. Он говорил молча. Его голос — совсем не хрипловатый, а чистый, молодой — звучал в моей голове.

Я сосредоточился и услышал как бы отдалённый гул. Гул сотен, тысяч, миллионов других голосов. Среди них послышался голос Кирилла:

— Сопrotивляйся!

Гул утих. Кирилл стоял прямо передо мной и держал за руку Машу. Мы были одного

роста, а Гуров возвышался над нами, детьми, как взрослый.

Я засунул руку в карман и вытащил ялк.

— Ты забыл в квартире, — сказал я. — Я случайно нашёл.

Кирилл взял свой ялк. Ялк моргнул красноватым светом и погас.

— Спасибо, — сказал он. — Пойдём погуляем.

— Пойдём, — сказал я.

— Можно Маша пойдёт с нами? — сказал Кирилл.

— Конечно, — сказал я.

— Покажем ей Трубу и Кладбище статуй, — сказал он.

Раздался гулкий стук дерева о дерево. Гуров стукнул в пол то ли своим посохом, то ли босой деревянной ногой.

— Дед, мы пойдём погуляем, — сказал Кирилл.

Он не просил разрешения, он просто сообщал. Снова раздался стук дерева о дерево. Кирилл открыл дверь и взглядом поманил меня за собой. Он вёл меня через коридор. Из комнаты слышался частый, рассерженный стук, но Кирилл не останавливался.

Он несколько раз поворачивал, открывал двери, проходил через комнаты, через замкнутые внутренние дворики. Вот ещё один коридор, весь завешанный занавесками, коврами, шкурами. Кирилл продвигался через эти занавески и шкуры, не отпуская руку Маши. Я немного отстал. Я отодвинул занавеску и не увидел Кирилла с Машей. Я испугался что заблудился в этом лабиринте, как заблудился в подземном ходе. Я пробивался вперёд через эти преграды и наткнулся на дверной проём, который тоже был завешан шкурой.

Я отодвинул шкуру и увидел, что Кирилл и Маша стоят снаружи дома. Перед ними открывалось бескрайнее пространство, заросшее зелёной травой. В чистом голубом небе пылало солнце, воздух колыхался от жары. Я подошёл к Кириллу, встал рядом, и он хлопнул меня по плечу.

Вдали тушей кашалота возвышался Ангар.

По радио играла тихая музыка.

— Артём к тебе заходил, — сказал Денис, присаживаясь на стул возле моей кровати, — но ты спал, и его не пустили. А он уехал в Пермские горы, в поход. Очень жалел, что мы не поехали вместе с ним. Наташа отдыхает на море с родителями. Велела передать: скажи этому симулянту, чтобы не притворялся. Я тоже завтра уеду — в Ингальск.

Про Майю Денис ничего не говорил. Я не спрашивал.

— Студенческую дружину распустили, — сказал Денис. — А помнишь того помощника первого консула, который к нам заходил?

— Доктор, — сказал я.

— Что, тебе нужен врач? — спросил Денис.

Я помотал головой и сказал:

— Виктор Викторович.

— Его уволили, — сказал Денис. — То есть он сам уволился. Префект тоже уволился, и ещё несколько чиновников. Ректор в госпитале после инфаркта. Трёх или четырёх полицейских арестовали.

Каменные солдаты не сдаются, подумал я.

— Вот ещё что! — сказал Денис. — Подземный ход осыпался. Всё разрушилось, не раскопаешь. После того, что там случилось, это понятно...

Радио передало позывные и хорошо поставленным, бодрым голосом диктора произнесло:

«Передаём последние новости.

В кратком обращении к журналистам господин первый консул отметил, что мода на Древний Египет перешла все границы. „Мы должны вернуться к нашим истокам — к великой античной цивилизации, — объявил господин первый консул. — К наследию греков и римлян, от которого кое-какие господа призывали нас отказаться“. Слова господина первого консула вызвали большой интерес среди журналистов.

Известный политик и публицист Александр Карапчевский погиб в ходе полицейской операции по его освобождению. Напомним, что Карапчевский был похищен возле своего дома членами кхандской террористической группировки, известной как ОЧК. Полиция быстро вышла на след террористов и попыталась освободить Карапчевского, но он был смертельно ранен одним из террористов.

Новый глава Интеграционного комитета Никита Карапчевский сообщил, что вскоре начнёт работу над книгой о Туганском интеграционном эксперименте. Он пообещал рассказать об успешном завершении первого этапа эксперимента.

В Хобокене состоялся международный матч по шахматам...»

Я попросил Дениса выключить радио. Он осторожно, как будто не хотел производить шума, развернул «Туганский вестник» и показал мне первую страницу.

На мутных фотографиях, сделанных с аэроплана, были изображены Острова. Теперь это были настоящие Острова. Весь левый берег Ерги залило водой, и кхандское поселение находилось в середине большого озера. Мосты через улицы стали мостами через водные протоки. На отдельном острове темнел лес. Вода подмыла и правый берег с набережной и старинными особняками. Музей стоял на высоком узком перешейке между Ергой и оврагом

Туганки, как домик на вершине горы. Туганка тоже расширилась — в неё упали стоявшие на берегу новые дома.

Острова по-прежнему были скрыты лёгкой туманной дымкой.

\* \* \*

Меня окружает вечерний лес. Могучие сосны, а дальше — густые кусты. За кустами мелькает свет, слышен негромкий смех. Еле заметная тропинка круто сворачивает, ныряет в кусты и выводит к высокому берегу реки. В воздухе кружатся невесомые стрекозы.

На берегу разложен маленький костёр, а вокруг костра сидит несколько подростков примерно одного возраста. Они сидят на брёвнах, на разостланных одеялах. Самый высокий подросток стоит перед костром спиной ко мне. Меня замечают. Стоящий подросток видит, что все смотрят в мою сторону, и поворачивается. «Ты где так долго? — говорит он. — Это несерьёзно!»

Под общий смех Артём обнимает меня за плечи, усаживает на бревно и сам садится справа. Дальше по кругу я вижу Дениса, Наташу, Лизу, двух гимназистов из Первой образцовой гимназии — того, что пониже, и того, что повыше. Слева от меня остаётся свободное место. Все мне улыбаются, приветствуют меня словами или жестом.

Лиза и гимназисты держат над костром веточки с нанизанными на них яблоками. Лиза передаёт мне веточку и говорит: «Осторожно, горячее». Я беру веточку, а Лиза начинает нанизывать яблоки на другую веточку. Она берёт яблоки из кучи, которая лежит у её ног.

Яблоки мелкие, сквозь трещины в полопавшейся кожуре проступает горячий сок. Яблоко обжигает дёсны и язык. На вкус оно кислое, но я говорю: «В жизни не ел таких вкусных яблок. А где вы их взяли?» — «В заброшенном саду, — говорит Артём. — Здесь много заброшенных садов. А яблок в этом году!..» Он берёт яблоко из кучи и целиком отправляет в рот.

Когда он дожёвывает яблоко, то тычет пальцем в небо и объясняет, как найти Полярную звезду. Все быстро ориентируются, только Денис долго мотает головой из стороны в сторону, хотя ему помогают и Артём, и Наташа, и Лиза. Наконец и он видит хвост Малой Медведицы. «А вот — Гончие Псы...» — говорит Артём.

Из тёмных кустов на свет выходят ещё три фигуры — два подростка и собака. «Кирилл! Маша!» — говорит им Артём как старым знакомым. Их тоже все приветствуют. Они садятся слева от меня, и круг почти замыкается. Хотя между Машей и тем гимназистом, что повыше, мог бы усесться ещё один человек. Кирилл и Маша получают по ветке печёных яблок. Пёс обходит круг, и каждый гладит его по голове и по спине. «Боцман!» — говорит Артём. «Не Боцман, а Лоцман», — говорит Лиза. Пёс заглядывает мне в лицо своими умными глазами, проходит дальше, ложится за спиной Кирилла и кладёт голову на передние лапы.

Дрова в костре почти прогорают. Лиза достаёт узорчатый деревянный шар и кидает его в костёр. Шар занимается не сразу. Он лежит на чёрных углях, в облаке поднятого пепла. Кирилл достаёт ялк, вертит его в руке и тоже бросает в костёр, к шару. Костёр тут же вспыхивает и окутывает огнём оба предмета. На мгновение всех освещает яркий, но мягкий свет. Я вижу, что лица моих товарищей изменились. Вместо подростковой угловатости в чертах появились твёрдость, определённая, оформленность, как у двадцатилетних.

Двадцать лет — неплохой возраст. Впереди — бесконечная жизнь, полная открытий и

перемен.

Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)